

**Если ты попала в
книгу или осторожно,
мысли материальны**

**Если ты попала в книгу или осторожно, мысли
материальны**

«Трайниэль склонился надо мной и прошептал:

— Я так боялся за тебя, моя Аринэлия.

Я всхлипнула и доверчиво прижалась к его плечу. Мой любимый. Трай чуть отодвинул меня и спросил:

— Можно я тебя поцелую?

Жар прилил к моим щекам, и я прошептала:

— Да.

Принц осторожно прижался к моим губам и стал ласкать их. Так сладко, так нежно. Мне казалось, что сейчас я умру...»

— Фу, — сморщилась я и, перевернув книгу, отложила её на стол. — Бе. Нет, не так. «Фу» в миллионной степени и «бе» в триллионной. Как вообще можно написать такую гадость?!

Книгу взяла по настойчивым советам подруги. Она была от неё в таком восторге. А меня сразу насторожило название: «Мой нежный принц». Ну как книга с таким названием может оказаться нормальной? Нет, я не спорю, может для двенадцати или тринадцати лет она покажется очень даже ничего или для девушки, которая грезит всеми этими ванильностями, но определенно не для меня. Я со всей своей богатой, обширной, невероятной фантазий не могу представить, что бы мужчина, которому двести (не пятнадцать, не семнадцать, не четырнадцать, а двести!) лет может поступать так, как этот Трайниэль. Ужас! Кошмар! У него из под носа украли возлюбленную. А он вместо того, что бы сразу сориентироваться, пытаться её найти, продумать, кому выгодно её украсть и т. д. и т. п., начинает метаться по поляне и кричать: «Аринэлия! Аринэлия!». Нет, он вообще нормальный?! Она что после этих слов должна вернуться и сказать: «Я тут, любимый! Просто меня отводили носик припудрить», так что ли? Короче, все очень плохо, и роман в целом, ну очень ванильный.

А теперь, наверное, у вас возникает вопрос, почему я вся такая скептическая эту ерунду читаю? Да без понятий. Руки не поднимаются книгу положить и перестать читать. Я же не просто читаю и ставлю галочку над прочитанным, а переживаю за героев нахожу, своих любимчиков и тех, кто откровенно бесит. Могу просидеть с книгой целые сутки, и мне не будет нужен никто кроме неё. И мне совершенно не важно, что читать: научную фантастику, детективы, классику, любовные романы, фэнтези, приключения и др. Я во все «вживаюсь». Просто ухожу с головой в книгу, и нет меня. Это кстати довольно печально. Живу книгами, а не реальностью. И что в результате? Семьи нет, отношений нет, даже кота и то нет. Совсем все плохо. Нет, конечно, у меня были... эм... интрижки, но я никогда не влюблялась, максимум, мне мужчина просто нравился. Что удивительно все мужчины, с которыми я встречалась, мне изменяли. Но из-за того, что чувства к ним были не серьезные, не особо расстраивалась, хотя осадок, конечно, остался. Поэтому доверия к мужскому брату у меня нет. Вот так, как-то.

Я снова взяла книгу в руки. Дочитать или не дочитать вот в чем вопрос. Вдруг я ощутила сильную тоску. О, понеслась душа в рай. На меня периодически находит. Хочется оказаться в книге, где весело, много приключений, опасностей, а не в этой серой реальности. М-да. Мечты, мечты...

Неожиданно захотелось спать. Я была не в силах даже положить роман на стол и нормально лечь на диван. Поэтому я просто откинулась на спинку и, прижав книгу к груди, заснула.

Меня целовали. Слишком нежно. Почти неощутимо. Бе. Не люблю так. Погодите! Я была у себя дома. У себя! Дома! И дома ничего целующегося у меня уже год не водилось.

— Аринэлия, — услышала я полустон-полувсхлип. Мужской полустон-полувсхлип! Так-с, енто что такое вообще?

Погодите! Аринэлия?! Я оттолкнула от себя субъекта страсти и открыла глаза. Первое, что я поняла: я точно не у себя дома. Стою на полянке, усыпанной цветами. А передо мной... эм... мужчина... нет... эм... парень... нет. Короче, какой-то женоподобный представитель мужского пола. Нет, он был красив. Но как-то слащаво красив. Что-то вроде Роберта Патинссона в роли Эдварда из «Сумерек». Даже хуже... Овальное лицо, широко распахнутые глаза с длинными ресницами, прямой нос, тоже правильной формы, пухлые губы линия подбородка вроде резкая, но не придает брутальности лицу. И вот это меня целовало? Бе...

— Аринэлия? — недоуменно спросило это чудо в... камзоле? Так-с.

Или я сейчас сплю, или я оказалась попаданкой. Причем попала я ни много ни мало в книгу. Вариант про сон, более вероятен. Но сон слишком реалистичен. На всякий случай осторожно ущипнула себя. Не помогло. Значит, остается второй вариант. Если мы рассматриваем второй вариант, то я сейчас в теле Аринэлии де Эксклавайтс, наследной принцессы десятого Белого Двора. Уф. А почему я так спокойна? А где истерика? Где слезы? Где припадочные крики: «быть этого не может» и «домо-о-ой хочу-у-у». Странно. Ладно, подумаем об этом позже. Переходим к насущному. Если я — это принцесса. Значит нужно ей соответствовать. Девушка была не очень далекой особой. А если я сейчас буду показывать характер, ум и свою невероятную харизму, то боюсь, привлеку ненужное внимание. Поэтому:

— Трай, ты так напорист, — я сделала большие глаза и нажала ногтем указательного на верхнюю фалангу большого пальца, тем самым вызвав слезы на глазах (вот такая у меня особенность, очень полезная для таких ситуаций). Чуть похлопала ресницами и прижала руку к груди. Вуаля. Образ кисейной барышни готов.

Трайниэль сразу смутился и, подбежав ко мне, нежно обнял. Блин, если прижмешь чуть сильнее, не сломаюсь! Почему автор выбрала объектом любви Аринэлии именно его, а? Мне же теперь влюбленную в него дуру придётся из себя строить.

— Прости меня, Нэли!

Я всхлипнула еще раз, для полноты образа и отклеилась от него.

— Я так устала, Трай, — сказала я слабым голосом.

Трайниэль, как истинный мужчина, (ага как же!) взял меня на руки и понес к карете. Уф. Перед ним распахнули дверцу, и он вместе со мной забрался туда. Опочки, не по плану.

— Мой принц, можно я отдохну и побуду одна? — спросила я, сделав невиннопросительное выражение лица: брови домиком, рот чуть-чуть приоткрыт, глаза широко распахнуты.

— Конечно, — улыбнулся Трайниэль и, погладив меня по щеке, смылся.

Так, теперь время мозгового штурма. Первый вопрос на повестке дня: почему я так спокойна? Второй вопрос: как я тут оказалась? И третий вопрос: что делать?

На два первых вопроса ответить у меня не получится. А вот на третий вполне. Будем плыть по течению, пока не наткнемся на какое-нибудь бревно, тогда начнем барахтаться. А сейчас вспомним все, что читала. Сначала о ситуации в мире. Этот мир условно поделен на две части. Естественно: светлую и темную. В основе этого разделения лежит легенда, но она показалась мне скучной и я читать про неё не стала. Начиналась она так: когда-то давным-давно жили два брата. Скукотища. Про что я? Ах, да. Светлая и темная половина. Что это я, половина, да половина? Это государства. Светлое — Аирэнос. Темное — Эситрен. По политическому устройству оба государства — монархии. Но если в Эситрене — абсолютная, то в Аирэносе — что-то вроде парламентской монархии, как в Великобритании. То есть вся территория Аирэноса разделена на двенадцать Белых Дворов, в каждом из которых свой король, они составляют парламент. Есть также маленькая территория, принадлежащая Великому Белому Двору. Там живет король всего Аирэноса. Как бы. Потому что на самом деле этот король ничего не делает. По идее он должен утверждать или отклонять решения парламента, и он их утверждает или отклоняет по указке самого влиятельного короля из этого парламента. А им является Сиринит де Робирот король седьмого Белого двора. Отец Трайниэля. Фактически правитель всей страны. Очень хитрый. Если он совершит ошибку, ругать будут не его, а короля Великого Белого Двора. А Сиринит не при делах всего лишь один из королей парламента. И о таком положении вещей никто не догадывается. Никто из народа. Знают только самые умные из правящей верхушки, но их все устраивает и они в это не вмешиваются. А я узнала с подачи любезного автора, который открыто все расписал в своей книге «Мой нежный принц». Переходим к Эситрену. Там все намного проще. Один Темный двор. Один монарх. Все боятся. Он властвует. Элементарно. Тоталитарный режим. И, по-моему, у них не королевство, а империя.

Поехали дальше, суть разделения на светлое и темное королевство кроится в следующем. В этом мире есть магия, и она делится на светлую и темную. Вы сейчас не думайте, что светлая магия это только лютики, цветочки и целительство. Нет. Смертоносные заклинания есть и у светлой магии просто их меньше, и они, так скажем, более гуманны, нежели у темной магии. Пример: пускаешь смертоносное заклинание темной магии и получаешь мозг, печень, сердце, ошметки мышц, кожи и т. п., пускаешь смертоносное заклинание светлой магии, и твой враг красиво падает и складывает ручки на груди. Насчет врачевания тоже просто. У светлых — целительство, но из мертвых не воскресишь. У темных — некромантия и так сказать народная медицина. А, еще у правящих семей в пакет способностей входит управление первородной тьмой или первородным светом, зависит от источника энергии. Тьма или Свет. Вот, в общем, и все.

Теперь конкретнее про Аринэлию. Она тепличный цветок. Как леди Белого двора она идеальна. Мила, вместе с этим немного капризна, наивна, невинна, знает все о том, как следить за порядком во дворце, вышивать крестиком и т. д. Все её с детства любили, холили и лелеяли. Два года назад она познакомилась с Трайниэлем на балу и влюбилась. Дальше по тексту книги шли её страдания от безответной (как она думала) любви. Потом её похищают наемники Эситрена и отвозят к императору, великому и ужасному Тиэрэну Велецкому. Её привозят в тронный зал, выдвигают на середину и говорят: «Приказ выполнен, извольте денюшку». Тиэрэн остался безразличен, только глаза его стали метать молнии и он тихо сказал: «Вон». Этот император жутко напугал Аринэлию, а по мне ничего такой. Потом её спасает Трай. Оказывается, её чувства взаимны (надо же!) и сейчас они, то есть уже мы едем назад играть свадьбу. О как! Это только половина книги, поэтому до happy end-а еще идти и

идти. Но по аннотации Аринэлия остается с Трайниэлем. Бе. Вот так как-то.

Значит, составляем план. Во-первых, доехать до семейки Аринэлии, а дальше видно будет. Положимся на русский «авось».

Снова захотелось спать. Не противясь этому желанию, уснула, облокотившись на спинку сидения кареты.

Открывать глаза было откровенно страшно, потому что... просто потому что, но пересилив свой страх, открыла, и скажу я вам, лучше бы этого не делала. Я была внутри кареты и смотрела на свое новое тело со стороны. Что я могу сказать о нем? Хрупкая, маленькая, изнеженная принцесса с алебастровой кожей, красивыми дугами бровей, большими глазами, невероятно длинными и пушистыми ресницами, маленьким носиком, пухлыми губками. Девушка стройная с небольшой грудью, в смысле если рассматривать её отдельно от тела, то небольшая, а в сочетании с маленьким изящным телом, то очень даже внушительная. Одета в легкое розовое платье незатейливого фасона. Короче — куколка. К тому же почти ребенок. Ей всего шестнадцать. Ну, то есть ей пятьдесят четыре, но наш один год развития равняется их четырем. М-да.

— Нравится? — раздался из неоткуда мужской незнакомый голос.

— Ну, не знаю — протянула я. — А вы, собственно, кто?

— Я, — голос хмыкнул. — Можешь считать меня помощником бедных и обездоленных. Бедных? Обездоленных? Голову посетила неожиданная догадка.

— А это вы меня сюда? — спросила я.

— Отчасти, — был спокойный ответ. — У тебя еще один вопрос на сегодня.

Отчасти? Что бы это значило? Так, погодите, а почему только три вопроса? — хотела спросить я. Но прикусила язык, сообразив, что это будет третий вопрос и ответов сегодня мне больше не дадут.

— Почему я так спокойно все воспринимаю? — вместо этого спросила.

— Это в твоём ДНК, спокойно принимать действительность, созданную книжным миром. На сегодня лимит исчерпан. До свиданья.

Ничего себе. Что значит «в твоём ДНК»? Это как? Вдруг передо мной все потемнело, и когда открыла глаза, я вновь была в теле Аринэлии.

Я села, поправила жутко неудобное платье и, отодвинув шторку, выглянула в окно кареты. На улице была ночь. Я постучалась в стекло, тут же ко мне подъехал стражник и улыбнулся во все тридцать два.

— Вы что-то хотели, леди Аринэлия?

— Долго нам еще ехать? — спросила я с капризными нотками в голосе.

— Еще буквально несколько минут, леди, и будет деревня, а в ней постоянный двор, — вежливо ответили мне.

Я задвинула шторку. Постоялый двор... Мдэ... Эти оставшиеся несколько минут я провела в правильном построении своего поведения, и когда карета остановилась не сразу это осознала. Очнулась только тогда, когда жаних (или кто он там) открыл дверцу. Я оперлась на поданную Траем руку и огляделась. Что ж... Лучше, чем я ожидала. Двухэтажное здание, довольно красивое, обшитое деревом, над дверью висит вывеска "У Тиара". Хорошо хоть не «У Тирана». Ладно, посмотрим как внутри. Трай, не отпуская моей руки, повел внутрь. Я старалась не смотреть на него. Было немного противно — то ощущение, когда объелся сладким, и тебе дают еще мороженное — начинает подташнивать. На первом этаже располагалось что-то вроде кафе, выше, как я поняла, комнаты. Трай повел меня к ближайшему столу.

— Не могу дождаться свадьбы, моя Нэли, — сказал с придыханием Трайниэль.

Потребовался весь мой самоконтроль, что бы лицо ни скривилось в презрительной гримасе. Вместо этого, я опустила глаза и улыбнулась уголками губ.

— Я тоже, мой принц. — Не дожدهшься, собака. — Мне нужен только ты. — Быстрее бы от тебя свалить. — Я так люблю тебя, что в груди больно — Меня от тебя тошнит.

Принц взял мою руку и прижал её к своим губам, которые до этого облизал. Фу-у.

— Я так сожалею о том, что не признался тебе в своих чувствах год назад. Я полюбил тебя, как только увидел. Тогда бы ты была уже моей женой. И мы не гуляли бы на том лугу, где тебя похитили, ты бы сидела дома и, возможно, носила моего ребенка.

Я, не поднимая глаз, мечтательно вздохнула. Потом прижала руку к его щеке и прошептала:

— Все бы так и было, мой принц.

Что?! Да Аринэлии, ну, то есть мне, всего шестнадцать, кретин! Даже для вашего долбанутого на всю голову государства, это рано! Да у неё просто мозг замутнен первой любовью в идеального, как она полагала, принца. И что бы её ждало? Ребенок в шестнадцать... Так, стоп, ребенок в шестнадцать. Зачем ребенок так рано? Значит, тебе нужно её привязать к себе. А как это лучше всего сделать? Правильно родить ребенка! Возникает вопрос: нафига?

Я немного подняла глаза и заметила, что принц смотрит в зону декольте. У-у-у, походу и правда, не настолько мыльнованилен, по крайней мере на диснеевского принца точно не потянет. У них там взгляд ниже подбородка — расстрел на месте.

— А когда начнется свадебное торжество? — с придыханием спросила я.

— Сразу по приезде, — ответил мой собеседник и жених по совместительству. — Как только приедем на следующий же день сыграем свадьбу.

Все очень-очень плохо! Сейчас попытаться увильнуть, сославшись на какой-нибудь предлог не вариант. Трай настроен серьезно и вряд ли переменит свое мнение, а мое вихляние только вызовет ненужные подозрения. Это катастрофа! Я думала, у меня будет время адаптироваться, проанализировать ситуацию и попробовать уговорить «отца», что свадьба это не лучший вариант, а тут такая подстава. Что же делать? В голове мелькнула безумная по своей простоте мысль, но отложим её пока в дальний ящик.

— Я так рада, — улыбнулась я, вновь потупив глаза.

Тут нам принесли заказ. Я тут вегетарианцем стану, похоже. Овощи, овощи, овощи. Я припомнила, чем питалась Аринэлия в книге. Хм, нет, мясо она тоже ела. Тогда что происходит? Спрашивать или не спрашивать — вот в чем вопрос. Не буду. Вдруг причина кроется в чем-то само собой разумеющемся, а я этого не знаю. Поэтому я без разговоров приступила к еде. В принципе, пища хоть и состояла из овощей, была сытной, но мяса не заменит. М-да. И все же, я же от любопытства умру, если не узнаю почему меня тут овощами откармливают! У-у-у, как все сложно!

— Нэли, что-то не так? — спросил Трай.

Я вздохнула.

— Я все понимаю, — ответила я, и снова позволила себе маленький вздох, — но так бы хотелось мяса...

Трайниэль положил свою руку на мою.

— Нэли, ты же знаешь, что до того, как ты забеременеешь, мяса есть ни тебе, ни мне нельзя.

Опа-ся. Енто что еще за закон? Как же надоело быть сдержанной! Попытаться выдвигать

себя за другого, всезнающего человека. У-у-у. Надо было упасть и изобразить амнезию. О, а это мысль! Тогда можно избежать свадьбы под предлогом, что жениха не помню. Но есть у меня подозрения, что мне это мало поможет. Если все так, как я думаю, то спасти от этого брака меня может только чудо. Но...

Когда мы закончили кушать, принц повел меня в комнату. Так. Вот интересно, у них тут к... собственно зачатию приступают после свадьбы или после помолвки? Вспоминаем, вспоминаем... А про это никто не говорил. Они заключили помолвку, когда её вернули из Эситрена. Это было вчера. Чисто теоретически, Трай мог... эм... короче в карете, но не сделал. Из соображений об удобстве или морали? Если он думал об удобстве, то зачем в зону декольте смотрел? Только лишний раз себя мучить, так сказать. А если о морали?

Я получила ответ на свой вопрос, когда Трай зашел в комнату вместе со мной. Попадалово... Что делать? Так, ну Аринэлия была наивной и невинной, поэтому может он сначала все растолкует, а пока будет толковать, я что-нибудь придумаю. А может, и нет...

Как только за нами закрылась дверь, меня прижали к себе и поцеловали в шею.

— Что ты делаешь? — спросила я дрожащим голосом.

— Нэличка, мы скоро вступим в брак, мы любим друг друга, а когда любят друг друга, стараются быть близки во всех смыслах...

Так, пошло объяснение. Я не слушала, что говорил Трай дальше, я лихорадочно думала, как мне поступить. Решение пришло неожиданно, я обмякла в его руках и стала симулировать обморок. Трай крепче меня обнял, не дав упасть. Потом и вовсе взял на руки и куда-то понес. Вернее всего на кровать. Меня донесли до пункта назначения и положили. Потом стали хлопать по щекам. Я упорно "не приходила в себя". На меня даже водой побрызгали! Каких трудов мне стоило не вздрогнуть! В результате Трай оставил свои тщетные попытки привести меня в чувство и вышел из комнаты, я поняла это по удаляющимся шагам и хлопнувшей двери. Так все, теперь быстренько раздеваемся, время на исходе. Я вскочила с кровати, стянула с себя всю одежду, оставшись в нижнем белье, которое, кстати, было представлено, чем-то вроде бюстгалтера и трусиков, вновь легла на кровать и, свернувшись калачиком, притворилась спящей. Притворялась я минуту максимум, потому что снова, как и в прошлые разы накатила неожиданная усталость, и я провалилась в темноту.

Глава 3

Открывая глаза, я уже знала чего ожидать, и действительность не обманула мои ожидания. Я снова видела себя со стороны.

Хлопнула дверь, я оглянулась на звук, Трайниэль вернулся, а заметив меня спящую, застыл. Обломала я мужику весь кайф. Захотелось зловеще рассмеяться, ну знаете это знаменитое: «Бу-ха-ха». Через несколько минут он отмер и приблизился к кровати. Вот не дай Бог ты меня сейчас разбудишь! Я хочу получить свою порцию ответов. Но Трай не стал меня будить, а, не раздеваясь, лег на кровать и трепетно обнял. Потом он отключился. Не норм, вообще? Короче забьем. Где там мой потенциальный даватель ответов?

— Здесь.

О, уже здесь! Прекрасно!

— Как я очутилась в книге? — спросила.

Голос долго не отвечал, а потом сказал:

— Ты здесь потому, что так было решено.

И это все?

— Мы можем общаться с тобой только ночью?

— Нет.

Скоро от одного упоминания о краткости у меня будет дергаться глаз, если этот помощник бедным и обездоленным продолжит так отвечать!

— Если я задам тебе вопрос в течение дня ты ответишь?

— Возможно.

Точно заработаю нервный тик.

— На сегодня с вопросами все?

— Нет, можешь задать еще парочку.

— А почему тогда было только три?

— Я умею читать мысли и сознание, а также я знаю, сколько информации в день тебе нужно.

Ё...прст. Э-э-эх, ладно, потратим последний вопрос не на добычу жизненно важной информации. Я уже приготовилась озвучить свой вопрос, но потом я случайно посмотрела на Трайниэля и передумала, вместо этого я спросила:

— Я могу менять события в книге?

— Да, — был мне ответ.

Фух!

— И я отвечу на твой незаданный вопрос. Придет время, и я тебе расскажу все очень и очень подробно.

Вот это другое дело! Могла бы, удовлетворенно потерла ладошки. Да... Только когда это время придет? И дождусь ли я этого времени...

— Эй, голос, а если я у тебя помощи попрошу, сильно-сильно попрошу, поможешь?

— Возможно.

Тогда вообще все путем.

Вновь перед глазами темнота, а когда открыла их, снова была в своем теле. Аккуратно убрала с себя конечность Трайниэля (тьфу ты! Какой это Трайниэль! Это же Мелодрамма ходячая, так и буду его называть) убрала я, короче, с себя лапу Мелодрамы и задумалась о

насушном. Примерно что делать, я знаю... Только как это осуществить?! Это вопрос на миллион. Хотела подождать до прибытия к «папочке», но не факт, что у меня там будет время даже чихнуть спокойно. Плюс еще и к интиму склоняют. Нет, я все понимаю, но я-то не Аринэлия! Вообще ни капельки. Поэтому нужно приступать к выполнению плана именно сейчас. Эх-х-х-х... была не была.

Я аккуратно вылезла из кровати. Платье надевать не вариант. Вообще не вариант. Я критично осмотрела Трая, потом себя. Пойдет! Но сначала... Так-с, помниться в книге Аринэлия училась сонные чары накладывать. Кстати накладывала она их на гувернантку, что бы сбежать на свидание с принцем. Ай-яй-яй. Вспоминаем, что она делала. Закрываем глаза, глубоко и ровно дышим. Вдох, выдох, вдох, выдох. Хорошо. А теперь представляем себе принца, будто его опоясывают множество разных нитей. Ага, есть! Все его тело было опутано ниточками, иногда тонкими, иногда толстыми. Ищем лиловую ниточку, которая идет от мозга к сердцу. Нашла! Теперь представим, что она уплотняется, уплотняется, она с каждым моим вздохом становится толще и толще, но к утру, начнет уменьшаться, пока совсем не исчезнет. Получилось. Фух! Я стерла со лба бисеринки пота. Не так-то это просто. Зато теперь, он не проснется, даже если я на нем попрыгаю.

Сейчас зажигаем свечу. Ага, теперь светло. Где его вещи? А вот же у двери. Вытащила самую неприметную пару штанов и рубаху. Еще одолжила (будем называть это так) длинный серый плащ и шляпу. Все, круто. Штаны натянула, чуть великоваты, но, в общем, нормально, рубашку надела сверху, а концы заправила в штаны. Плащ, шляпа и я... Бли-ин. А на ноги-то что? Я кинула взгляд на сапоги в сумке. Размерчик великоват... О! Я разорвала свою нижнюю сорочку, которая была под платьем, и запихала в сапоги. Вот! Теперь ноги не натрет! Готово. Я в полной боевой экипировке. Теперь самое сложное. Мне нужно тело. Женское. Вдруг в голове что-то щелкнуло, и я поняла, что нужно делать. Спасибо, Помощник бедных и обездоленных, реально сейчас помог. Я же теперь спасена!

Потушила свечу, открыла дверь и выскользнула в коридор. Отсчитала от двери пятую комнату и осторожно прокралась туда. Подергала за ручку, дверь не открылась... Снова щелчок в голове. Похоже, этому странному Голосу понравилась моя затея, помогает. Что я его, то голос, то помощник. Назовем его Александром. Ладно, проехали. Раскрыла ладонь и прижала её к двери. Послышался скрежет отворяющегося засова. Ши-кар-но! Вошла внутрь. Ни черта не вижу. Опять щелкнуло в голове. Снова спасибо, Александр. Протерла по глазам указательным и средним пальцами. Стало все видно, как днем. Вот он где. Я подошла к единственному стражнику, с которым общалась. Опять выровняла дыхание. Сосредоточилась на мужчине, потом нашла красную ниточку, которая опоясывает его голову. Полдела сделано. Мысленно потянула за неё и стала говорить:

«На рассвете ты сопровождаешь её высочество Аринэлию де Эксклавайтс на прогулку, к ней не приглядываешься, вопросов не задаешь, стражу с собой не берешь. Она будет ждать тебя возле конюшен»

Я выдохнула и вышла. Теперь самая мерзкая часть плана. Я все понимаю, Александр. Но я же белый маг. Разве в белой магии бывают такие ужасы?

Вышла из таверны. Обогнула её и направилась к самому последнему дому деревни. Домик, мягко говоря, был плох. Почти весь развалился, доски почернели... Я без стука распахнула дверь и вошла. На кровати лежала девушка, изможденная мучившей её болезнью. Бедняжке осталось от силы час или два. Я глубоко вздохнула. Хочешь жить, умей вертеться. Стала искать кухню. Нашла. Взяла там нож. Вернулась к девушке. Хватит ли мне сил сделать

это? Нет ли другого варианта? Откуда ни возьмись, пришла волна холодного спокойствия. Спасибо, Александр. Она все равно умрет, а мне еще жить да жить. Перехватила нож поудобнее, и полоснула руку девушки, у неё только дрогнули веки, потом я полоснула ножом себе по руке. Затем нашептала слова, вспыхнувшие в голове, и соединила наши руки. Кровь смешивалась и стекала на пол. Наши руки стало оплетать нечто темное. Опаньки, что за? Это нечто становилось все темнее и стало охватывать все тело девушки, а потом отступать. Через несколько мгновений все закончилось. Передо мной лежала девушка, как капля воды похожая на меня. Жаль телу нельзя установить определенную программу, а нужно постоянно им командовать, а то бы подселила к Траю и все путем. Да, еще один момент. Я выровняла дыхание и сосредоточенно посмотрела на девушку, есть, темная толстая нить тянется от меня к ней.

— Вставай! — приказала я.

Тело поднялось.

— Открой глаза. Моргай каждые пять секунд. Вдыхай и выдыхай постоянно.

Тело подчинилось.

— Иди к таверне. Зайди внутрь. Поднимись по лестнице. Зайди в седьмую комнату. Ляг на кровать. Жди моих приказаний.

Тело снова послушалось и ушло. Я выдохнула. Вышла из домика и тоже пошла к таверне. Взяла там первую попавшуюся лошадь, оседлала её (благо два года занималась верховой ездой), села и помчалась вперед.

Ближе к утру накатила сонливость, но расслабляться было нельзя. Я продолжила скакать, не замедляясь ни на секунду.

Как только рассвело, я проверила связь между мной и подчиненным телом. От меня тянулась толстая темная нить. Хорошо.

— Вставай. Надень розовое платье. Выходи из комнаты. Закрой дверь. Спустись по лестнице. Выйди из таверны. Иди в конюшню. Седлай лошадь. Садись. Как только увидишь стражника поезжай к обрыву. Как только подъедешь к нему прыгай вниз вместе с лошадью. Умри.

Все. По моей задумке я как бы умру. Меня искать не будут. Тело той девушки стало полностью идентично моему. И даже если его найдут, то придаться будет не к чему. Все прекрасно. А у меня новая жизнь в Темной Империи. Я еще раз мысленно поблагодарила Александра. Без него я бы все так чисто не провернула. Во-первых, мне бы пришлось искать труп, переодеть его в мою одежду, придумывать, что накинуть ему на голову, чтобы не узнали о подмене. Плюс мне все время пришлось бы быть рядом и следить. А это лишний риск и время. Ну, а во-вторых, когда тело нашли было бы понятно, что это совсем не я. А тут все чики-пуки, тело умерло и не измениться теперь.

К полудню я уже не могла сидеть на лошади, все тело болело, каждая мышца и каждая косточка передавали болезненный привет своей нерадивой хозяйке. Хотелось кушать (почему не одолжила еды на кухне), пить, спать. Вообще сейчас казалось, что пусть бы за Мелодраму замуж вышла. Ну, подумаешь, потерпела бы, пока не забеременела, а там сказала бы мол, пра-а-асти дарагой (с цыганским акцентом), не хочу больше. До границы с темными было еще далеко, кажется... Они два дня ехали на карете. Скорость была ниже, я еду на лошади без остановок, скорость выше. Ну, как минимум еще день пути.

К вечеру лошадь стала спотыкаться и хрипеть. Все, привал. Я скатилась с животинки и

просто упала на землю. Пролежала я так минут двадцать, пока у меня не проснулось чувство совести, я встала (с большим трудом) и расседлала лошадку. Потом буквально на четвереньках исследовала местность и, найдя в метрах ста речушку, повела лошадь к ней. Жадно напилась воды, подождала, пока напьется животное, и привязала её к дереву, стоящему неподалеку. Все, мой долг на сегодня выполнен. Есть хочется жутко.

Не знаю, решил ли Александр, что мне нужен полноценный сон или просто не пришел, но эту ночь я провела нормально. Встав утром, снова напившись воды, отвязав лошадь, я кое-как на неё забралась и поскакала дальше.

Доехала до границы с темными только к концу следующего дня. Я без еды уже второй день. Пока это безопасно, хоть присутствует сильное чувство голода, организм использует гликоген и жировые ткани, которых, кстати, немного. Но если я и следующий день проведу без еды, боюсь, это может отразиться на моем бедном здоровье. В принципе, у меня уже не прекращающаяся тошнота и головная боль. Бедная, бедная я.

На границе меня остановили, стали обыскивать на предмет каких-нибудь запрещенных вещей. Велели снять плащ и шляпу, которая закрывает лицо. Когда я отказалась, ласково предупредили, что, то была не просьба. Я вздохнула и сняла. Мужики прифигели. Секунд пять у них был ступор, а потом на их рожи стали заползать гадкие, похотливые улыбочки. Один попытался сдернуть меня с лошади. И что им от меня понадобилось?! Совет: никогда не злите голодную женщину. Потому что как только я эти улыбочки заметила, во мне поднялась такая волна неконтролируемой ярости, что была готова убить всех нафиг, если они издадут хоть один звук. Тепло стало растекаться по всему телу и сосредотачиваться в руках. Я тихо утробно зарычала. Испуганное выражение появилось у этих... этих... козлов в общем. Один из них (самый смелый, походу) сделал шаг ко мне. Я зашипела, рука стала зудеть, и я встряхнула ей, чтобы избавиться от зуда. А потом моя злость испарилась. Просто, пуф, и нет её. А знаете почему? Потому что я увидела, как от моей руки отделилась темная энергия и полетела в того храбреца. Бабахнуло знатно.

— Ой, — сказала я.

Капец тебе, — отозвались мои мозги.

Чую, будут приключения, — вторила молчавшая до этого времени попа.

— Сеть, быстро, — крикнули стражники.

Ну, вот тебе и новая жизнь в Эситрене. На меня опустилось полотно, все такое сверкающее и переливающееся. Я зашипела от боли и упала. Меня запеленали в него, как в кокон, а потом голодную, измученную, болезную затолкали в какую-то закрытую телегу и куда-то повезли. Я, то забывалась в полудреме, то вновь приходила в себя. Тело, уставшее от постоянной верховой езды, сейчас болело еще больше, особенно когда телега подпрыгивала на каждой кочке. Боль от полотна или сети, как они её называли, была постоянной и ноющей, но когда эта колымага подпрыгивала, меня обжигало острой болью. Не знаю, сколько прошло времени, потому что уже давно была на грани между сном и реальностью. Хотелось, что бы я попала в другую сказку.

А тебя сбегать никто не заставлял, — подсказал ехидный внутренний голос, — сейчас бы приехала к папочке и готовилась к свадьбе.

Ага, и стала бы женой Мелодрамы, — ответила я своему голосу.

В какой-то момент дверцы телеги открылись, меня выволокли наружу и сдернули сеть. Я обмякла в руках своих тюремщиков. Ну, не могу я стоять. Покормили бы, тогда, пожалуйста. Короче меня долго везли по полу куда-то. На руки взять никто не удосужился и элементарно приподнять тоже. Поэтому я ногами везлась по полу, а за руки меня с двух сторон держали мужчины. Я не видела, куда меня везут и зачем, поэтому просто закрыла глаза и забылась.

Дали забыться мне ненадолго. Потому, что меня везли уже по ступеням, а это, мягко говоря, больно. Очень. Наконец, меня доставили до пункта назначения и отпустили. Я упала

на пол и закрыла глаза. Понимаю, что надо встать. Что нужно с высоко поднятой головой принимать все удары и издевки судьбы. Но бли-и-ин... Дайте пять минут полежать.

Все-таки чувство гордости оказалось сильнее чувства самосохранения, и я, не открывая глаз, поднялась (кряхтя и постанывая, как девятилетняя старуха, но поднялась). Все же решила поднять веки (и была бы не против, если бы мне их подняли). Зря. На меня в упор смотрели черные глаза. Холодные, безжалостные, бесстрастные. Я долго в них смотрела. И с каждой секундой во мне все леденело. Хотелось сжаться, спрятаться, убежать. Эти глаза внушали первобытный ужас. Но перестать смотреть не могла, жертва не может отвести взгляд от завораживающих глаз хищника, даже зная, что это её конец. Вдруг что-то внутри меня стало препятствовать расползающемуся внутри холоду. Оно стало подниматься во мне, выстраивая щит, и я смогла вздохнуть спокойно. Смогла, наконец, отвести взгляд. И прифигела. Я оказалась в тронном зале. Ё... прст. Осмотрела мужчину, стоявшего перед собой. Темноватая кожа, черные (как я уже говорила) глаза, красивые губы, орлиный нос, квадратный подбородок. С левой стороны лицо пересекает татуировка от лба до щеки. Черные волосы заплетены в замысловатую косу и перекинуты на грудь. Очень нечего-себе-такое тело. Вкусное. Но, несмотря на все вышеперечисленное, этот человек казался властным, бессердечным, холодным и жестоким. Так-так, а в книжке... Ой! Писец. Дамы и господа, передо мной его императорское величество Тиэрэн Велецкий.

Император очень четко увидел на моем лице искру осознания. Потому, что он усмехнулся, не очень добро усмехнулся и, развернувшись стал удаляться на ходу отдавая приказания:

— Умыть, одеть, накормить, привести в Черный зал.

Мне нравится первая часть, но вообще не нравится вторая, про черный зал.

— У-у-у, — тихо взвыла я.

Меня схватили за руку и попробовали сдвинуть с места. Ага, шаз-з-з. Я бы сама рада хоть шажок, сделать. Но моих сил хватает только на то, что бы стоять. Точнее хватало потому, как когда меня сдвинули, я упала. Все. Гэйм овер.

Пришла в себя от того, что меня били по щекам. Я неохотно приоткрыла один глаз. Увидела над собой добрую такую (на вид) женщину. Полную, румяную.

— Вставай, — приказала она зычным голосом.

Да ну тебя нафиг. Я закрыла глаз и попыталась снова вырубиться, но мне не дали, мне залепили оплеуху. Хорошую такую, смачную. Я зашипела от боли. Меня снова ударили, по другой щеке. Ух, я бы тебя. Внутри опять что-то стало подниматься, темное, страшное, но мое, готовое убивать за меня, за себя. Оно уже расползлось по телу и пытается вырваться и отмстить за боль. Но мне снова дали пощечину. И это что-то растаяло, забрав остатки моих сил.

— А ну перестань — прикрикнула женщина. — Вставай, девка, и выпей.

Мне всучили стакан с подозрительной жидкостью. Но у меня уже не было сил на соображения, я просто выпила и все. Через минуту я почувствовала себя в разы лучше. Я аккуратно поднялась. Злая тетка (внешность обманчива) показала своим грозным перстом на какую-то дверь. Я, кстати, в данный момент сидела на кровати. Спустила ноги на пол и поднялась. Нет, все же надо бы мне отдохнуть. Шатало меня, как после двухдневной попойки. Закусила щеку, чтобы не завывать от боли во всем теле. Почувствовала металлический вкус крови. Прокусила, блин. Деревянной походкой, на трясущихся ногах,

дошла до указанной двери. Открыла. Внутри ванна. Снова вздохнула, в неё надо забраться, потом помыться, потом еще и вставать оттуда. У-у-у. Изверги. Накормите меня сначала и дайте поспать.

Я не знаю, как у меня хватило сил намыться. Это просто чудо, что смогла. Кое-как выбралась из ванной, чуть не шмякнувшись при этом. Но тут меня подхватили, вытерли и усадили за стол. Потом передо мной поставили еду, и я про все забыла, и все этим нелюдям простила. Вот прям, взяла и простила. Я с жадностью набросилась на кушанье и уже через минуту тарелка была пуста.

Удовлетворенно выдохнула. Первый голод утолила, но можно еще чего-нибудь пожевать. Мне такой возможности не предоставили, а запихнули в платье, и повели в Черный зал.

Честно, от этого зала не ждала ничего хорошего. Но реальность оказалась лучше ожиданий. В этой комнате все было сделано со вкусом. Правда, оформлено все в черных и синих тонах и в сочетании со свечами выглядело впечатляюще, я бы даже сказала жутко. Меня усадили на стул, напротив императора. Честно говоря, я разумно опасаясь этого человека. Он не может не внушать страх. Особенно когда смотрит своими бесстрастными холодными глазами. На его лице может появляться какое-то выражение, но глаза... Никогда не обманывающие глаза, зеркала души, показывают, что император безразличен ко всему.

— Что ж. Наследная принцесса десятого Белого Двора Аринэлия де Эксклавайтс?

В его словах была вопросительная интонация, но так... для приличия. Император не спрашивал, а утверждал.

— Да.

— Решили погостить у меня подольше? — спросил монарх.

— Нет.

— Что же привело вас сюда? В таком состоянии?

Врать или не врать. Может попросить у него помощи? А может... Нет, это на крайний случай. Врать или не врать? Все равно узнает. Пока он со мной вежлив, но если пойдут в ход пытки... Блин, ну почему меня доставили к единственному человеку во всей империи, который знает Аринэлию.

— Я бежала.

Мужчина прищурился и внимательно посмотрел на меня.

— Вы же понимаете, что я не хочу еще более накалять ситуацию между Аирэносом и Эситреном.

— Да.

— Поэтому завтра вы отправляетесь домой, — сказал император. — У меня нет времени возиться с пустоголовыми девчонками.

Император поднялся.

— Я не буду говорить вам причину побега, вернее всего она покажется вам глупой и неубедительной. Но никто не знает, что я убежала, все думают, что я мертва, — как можно спокойней сказала я, стараясь не паниковать из-за того, что все мои планы могут пойти коту под хвост.

— Я не верю вам, — прозвучал спокойный ответ.

— Послушайте, у вас же есть возможность проверить мои слова. Наверняка уже всем известно, что принцесса умерла.

— Не вижу смысла утруждаться, — сказал, этот су... сурьезный император.

Эх-х-х, к черту гордость. Я вцепилась в его руку.

— Умоляю Вас, не нужно. В моем лице вы приобретете самую верную подданную. Только, пожалуйста, не выдавайте меня моему жениху и отцу.

— Неужели вы пойдете против своего народа, отца, жениха, семьи? — спросил император.

— Да, — твердо ответила я.

В ту же секунду мужчина навис надо мной. Почувствовала, как меня накрыло что-то ужасное, холодное, липкое, отвратительное. Но во мне опять поднялось нечто препятствующее этому ощущению. Потом все пропало.

— Интересно, — сказал император (с абсолютно скучающим выражением лица).

Я не отвечала, а молча, смотрела в глаза императора. Он наклонился ближе, его глаза стали черными, даже без белков, я сглотнула. Тиэрэн Велецкий втянул воздух рядом со мной, потом быстро выпрямился и вышел. Тут же залетела та злая женщина и отвела меня в комнату. Я, добравшись до кровати, сразу вырубилась.

Проснулась от пристального взгляда. Осторожно открыла глаза. В комнате было светло от заглянувшего в окошки солнца. Недалеко от кровати стоял император и смотрел на меня. Он, вообще, что тут делает? Я испугано задержала дыхание. Потом принудила себя дышать и осторожно села. Хорошо, что я вчера не разделась.

— Вы правы, вас считают мертвой и уже сожгли ваше тело. Ваш отец и жених — безутешны. Ваш Двор в трауре.

Я облегченно выдохнула.

— Вас это радует? — спросил мужчина.

Я промолчала. Надо быть сдержаннее, дура! Он же тоже знал Аринэлию, как тепличный цветок. А тютючки я нарисовалась, и веду себя не как нужно. У-у-у-ой. Накрылась моя конспирация медным тазом.

— Итак, вопрос. Точнее два. Почему вы так сильно переменились, потому что я отчетливо помню, то испуганное, изнеженное, капризное существо? И отчего вы так стремились убежать?

Соображалка, включайся. Что делать? Говорить правду, полуправду или ложь. Наверное, полуправду.

— Я бежала от своего жениха, — ответила я.

— Вот уж не ожидал. Вы с такой искренней радостью и... любовью встретили... — мужчина опять скривил губы, — своего принца. Невозможно было не понять, что вы очень ждете дня свадьбы.

— Я... эм... — лихорадочно думала, как бы аккуратнее выразиться, а еще старалась держать лицо, — я... поняла, что это не для меня.

— Что именно?

— Быть... — я замаялась — ... племенной кобылой не для меня.

— Насколько я осведомлен в этом деле, леди белого двора так и воспитывают.

Черт.

— Я пересмотрела ценности.

— Сейчас, я сделаю вид, что поверил вам. Тогда все же остается невыясненным один вопрос.

Я напряглась. Император в одну секунду оказался рядом и уставился в мои глаза.

— Откуда вы владеете темной магией?

Упс. Ответим правду? Если сказать, что изначально владела ей, вряд ли поверит, а если...

— Я не знаю.

— И давно вы ей владеете?

— Точно после отбытия из вашей империи.

Император еще какое-то время пристально смотрел мне в глаза (я опять с каждой секундой сильнее сжималась), а затем исчез. Я выпрямилась. Это у меня глюки на нервной почве или он может телепортироваться? Ла-а-адно, а сейчас... Снова захотелось спать и я, уже зная, что будет дальше уснула.

Только я оказалась вне своего тела, послышался голос.

— Молодец, что не рассказала правду. Говорить её не желательно.

— Скажите, пожалуйста, откуда у меня темная магия?

— Ты больше предрасположена к ней, чем к светлой.

— Ну вот уж спасибо, удружили. Если изменение в характере можно объяснить переходным возрастом, то это-то как?

— Я тут ни при чем, это все ты.

У-у-у.

— Можно мне какое-нибудь пособие для чайников по миру магии?

— Да.

— А вот такие встречи у меня с вами они часто будут?

— Нет, еще буквально несколько раз.

— Угу.

Я опять вселилась в свое тело. Правда, решила еще поспать и, повернувшись на бок, засопела в обе дырочки. Проснулась только к вечеру. Живот забухтел, напоминая о себе.

— Помолчи, — пробормотала я и осторожно встала. На прикроватной тумбочке стояла свеча, которая еле освещала комнату и отбрасывала слабые тени. Там же лежала книга.

Я взгляделась в название: «Пособие для чайников по миру магии. Универсальный руководитель». Я усмехнулась. Открыла первую страницу.

«Инструкция: Думаешь, что нужно, и если задуманное входит в область знаний книги, Она предоставит вам ответ»

Надеюсь, что я все же не сильный маг. Ладно, оставила книгу и оглядела комнату. На стуле лежала постиранная одежда, которую я позаимствовала у Трая. Нет, эта одежда мне слишком велика, в ней я ходить не смогу. На другом стуле висело платье. Серое, простое. Я подошла, потрогала ткань. Что-то вроде трикотажа. Надела посмотрела в зеркало. Длинные рукава, маленький круглый вырез, оно облегает до бедер, дальше свободно падает, на талии черный пояс. Нашла поясок и завязала волосы на макушке в небрежный пучок. Просто пай-девочка. Кивнув своему отражению, вышла из комнаты. В коридоре было темно. Решила прогуляться, и тихо ступая пошла вперед. Вдруг из одной наполовину закрытой комнаты увидела свет. На носочках подошла к комнате и заглянула в маленькую щелочку. В, хм... наверное, кабинете сидел император. Правда, в эту минуту он им не казался. У него было лицо уставшего от жизни человека, плечи сгорблены, голову поддерживают руки. Он сидел с закрытыми глазами и не шевелился. В эту минуту я ощутила к нему... нет... ни влечение, ни страсть, ни (уж конечно) любовь. Нет. Обычную человеческую жалость и симпатию, какую можно испытывать к любому. Мне стало жаль его. Мужчина управляет страной, постоянные интриги, междоусобицы, войны, постоянное напряжение и нет покоя.

Я не говорила, что не верю в любовь. Нет, верю. И жажду её. Но не ту, которая страсть, накал эмоций, желание. Наверное, для каждого любовь своя. Но для меня любовь, это тихая нежность, постоянная забота, умиротворение рядом с любимым, это ссоры, а потом совместный поиск компромисса, это и страсть, конечно, но она не обязательна. На основе любви строится семья, а семья — это душевный покой. Вот, что для меня любовь. И сейчас я вижу перед собой этого мужчину и понимаю, что за все долгие годы правления, он не знал этого умиротворения и покоя, который необходим каждому мыслящему и чувствующему существу. Каждому, без исключения. Многие пытаются найти это умиротворение в чем-то другом, но не находят, а потом становятся глубоко несчастны, но держаться. А потом накатывает, как сейчас на императора, и именно в такие минуты человек или не человек нуждается в мягком, не обжигающем тепле любви, в поддержке, нуждается больше, чем

всегда. Потому, что если он его не получает душа черствеет и потом достучаться до неё очень сложно. Правда чужому человеку лезть в такие минуты нельзя, поэтому я просто прислонилась к стене, мечтая помочь, но, не имея возможности. Однако, рука сама поднялась к двери и тихо постучала.

— Войдите, — слышался усталый голос.

Не знаю отчего, но в горле встал ком. Я сглотнула, взяла себя в руки и, открыв дверь, вошла.

— Принцесса? — спросил император. — Что вам угодно?

— Я... эм... я...

Сейчас я не испытывала к нему страха. Честно говоря, хотелось крепко-крепко его обнять... Мужчина встал и сложил руки на груди.

— Вы что?

— Я...

«Обнять, обнять, обнять» — повторяли тараканы в голове как зомби.

«Да, обними, обними» — вторил филей.

«Только как-нибудь аккуратно» — неохотно внес свою лепту разум.

Тараканчики обрадовались такой единодушности и подкинули мне блестящий план. Я снова применила свою маленькую хитрость — нажала ногтем на верхнюю фалангу большого пальца — глаза тут же заслезились.

— Ваше Величество, — всхлипнула я.

Он настороженно посмотрел на меня. Очевидно, император принадлежал к той группе мужчин, которые не бегут утешать, лишь заметя женские слезы.

— Ваше Величество, — снова я. — Мне так одиноко, страшно, и еще темная магия эта...

Два всхлипа. Я заметила, что император кинул на меня полный скептицизма взгляд и уже открыл рот, чтобы что-то сказать. Ага, счаз-з. Дорогой мой, запомни: ничто на свете не может остановить женскую истерику, с ней нужно просто смириться (тем более если истерика устраивается с определенным умыслом).

— И вы, — заголосила я громче и снова всхлипнула, — единственный... — эм, а кто он, не человек же... Так не забываем всхлипывать.

— Единственный, кого я зна-а-ю-ю... — завывала я и... бросилась на шею императору.

Он окаменел. А я с удовольствием обхватила руками его шею и, уткнувшись в грудь, стала «рыдать» в полную силу.

— Отцепитесь от меня, — услышала я ледяной голос, от которого еще утром меня бросало в дрожь, а сейчас...

— У-у, — я отрицательно покачала головой и ухватила за него еще крепче. А потом подумала и обняла его за талию. Так удобнее.

Император еще минуто стоял неподвижно, а потом медленно обнял в ответ.

«И-йес!» — обрадовались тараканы.

Я их не слушала, а лишь крепче обняла Тиэрэна Велецкого и постаралась передать все свои ощущения: сочувствие, желание помочь, ободрить, покой, заботу. Я буквально чувствовала, как от меня отделяется что-то теплое, мягкое, родное и это что-то перетекает в императора. Он снова застыл, а потом расслабился и пробормотал:

— Ты непонятный феномен, не внушающий доверия, Аринэлия де Эксклавайтс. Тебя буквально можно использовать как пример странности.

Что поделать. Два человека не могут вести себя одинаково, тем более если между ними нет вообще ничего общего — отсюда и феномен. Но это все демагогия... а важно то, что я чувствовала спокойствие императора и это приносила мне невероятное удовольствие. Он спокоен. Момент одиночества прошел гладко.

Я вдохнула запах Тиэрэна. Немного терпкий, с горчинкой, но одновременно с этим свежий, как морозное утро. С наслаждением втянула запах еще раз. М-м-м.

— Ну что, успокоилась? — спросил император.

Я кивнула, он отстранил меня и сел за стол.

Да, и раз уж я зашла:

— Я бы хотела принести клятву верности, Ваше Величество...

Император потер лоб.

— Верности?

Я закусила губу. Было такое ощущение, что сморозила глупость несусветную.

— Да.

Снова потер лоб.

— Завтра в тронном зале, я приму вашу клятву верности, — а потом прибавил, — на крови.

Я кивнула и чуть поклонилась.

— Благодарю, Ваше Величество, — я уже развернулась и подошла к двери, как:

— Аринэлия, вернись.

Снова вернулась к столу.

— Сядь.

У-у, похоже, это серьезно.

— Аринэлия, ты понимаешь, что если бы не одно обстоятельство, я бы принял эту клятву и отправил тебя восвояси?

— Какое обстоятельство, Ваше Величество?

— То, что ты темная, а несколько дней назад была светлой. Это очень странно.

Я похлопала глазами, показывая свою абсолютную непричастность к каким-либо неправомерным деяниям.

— Я скажу, что ты моя троюродная кузина, недавно приехавшая в столицу.

— А-а-ага, — ответила я. — Вы оставите меня во дворце?

— Да, — кивнул император.

Я еле сдержала порыв наброситься на мужчину и расцеловать. Так я была счастлива. У-ти, мой хороший!

— Спасибо, Ваше величество, об этом я и не мечтала, — я еле удержала себя на месте.

— Поверь, я тоже.

Я только улыбнулась.

— Я могу идти?

Император кивнул, и я выпорхнула за дверь и побежала в свою комнату, учить клятву.

Утром мне принесли одежду и облачили в неё. Платье состояло из чехла и верхнего платья. Чехол темно-фиолетового цвета, облегает до талии, а дальше свободно спадает до пола. Он очень открытый, без рукавов, с довольно глубоким декольте. Верхнее же по фасону можно сказать пуританское, все закрыто наглухо: длинные рукава, вырез вообще отсутствует. Правда, сделано оно из прозрачной черной ткани. На шею надели чокер с орлом. На ноги туфли на высоких каблукках. Волосы уложили в замысловатую прическу. Все, я готова. Меня повели в тронный зал.

Там было уже много придворных, которые стояли по обе стороны от прохода, создавая живой коридор. Перед тронном место было свободно, и там лежал камень. Император сидел

на возвышении. Я не спеша подошла к возвышению и сделала глубокий реверанс. Вчера целый вечер выпытывала у книги, как мне все правильно сделать. В результате реверанс она мне разложила по действиям.

— Поднимись, — велел император.

Я поднялась, но глаза оставила опущенными (этикет чтоб его!).

— Дамы и господа, сегодня я представляю вам новую подданную нашего государства. Леди Ринэлин Риецкую.

Сейчас время для клятвы. Но, извиняюсь, Ринэлин?! Что еще за самоуправство? Ладно потом спросим. Сначала:

— Я, — запнулась, — Ринэлин Риецкая, клянусь Его Императорскому Величеству Тиэрэну Велецкому, что ни словом, ни делом, ни помышлением не буду нести вред для Темной империи Эситрен. Клянусь быть верной подданной, достойной империи.

И я поднесла руку к острому выступу на камне, и, обрезавшись, дала каплям свободно упасть на каменную поверхность. Кровь быстро впиталась. Как пылесосом засосало, честное слово.

— Клятва искренняя, — разнесся над залом могучий голос, не принадлежавший никому из присутствующих.

— Я принимаю клятву, — сказал император.

Вновь присела в реверансе. Затем поднялась и отошла к гостям.

У меня все. Теперь стала наблюдать за другими... э-э-э... нелюдями, которые тоже давали клятву сегодня.

Книга мне сообщила, что клятву дают только после наступления совершеннолетия, что бы ты осознанно пошел на этот шаг (в идеале, конечно) потому как, я уверена, что даже если тебе и не особо это нужно, все равно «подтолкнут» к этому шагу. Как говорить: не хочешь, захочешь, не захочешь, заставим. Какая свобода личности в империи, я вас умоляю? Вот интересно, что я тут делать буду?

Пока я была в прострации, церемония завершилась, и я, как и все, присела в глубоком реверансе и вышла из зала. Куда теперь-то? Ко мне подошел какой-то мужчина. В общем, ничего, худощав немного, лицо острое, взгляд цепкий.

— Леди Ринэлин Риецкая? — спросил он.

А то, блин, не слышал?

— Да, — ответила я.

— Лорд первого порядка Орксар Долосский. Позвольте спросить, откуда вы?

Ого-го. Вот это мне оказали честь! В Эситрене нет таких понятий, как виконт, барон, герцог, маркиз и т. д. Зато есть Лорды первого, второго, третьего, четвертого и пятого порядков. Титул Лорда первого порядка не наследуется, а жалуется императором, потому что Лорды первого порядка являются личными советниками императора, они вторые по важности лица в империи. И их всего четыре. Ну, а остальные титулы наследуются. И их носителей уже больше. От двадцати до тридцати на каждый титул. Вот так. Это я вчера тоже у книги выпытала. Попадалово... Ё...прст. Что говорить? Если император дал мне фамилию, значит, она принадлежит кому-то из его родственников, он же сказал что хочет меня какой-то там кузиной представить, и я уверена у них вполне определенное место жительства. Бли-и-ин. Что делать?

— Леди, нам нужно поговорить, — сказал император, развернулся и пошел. Я понятное дело за ним. Мы прошли в какую-то комнату с огромным столом и множеством стульев, фиг

знает, что за комната.

— Почему у меня новое имя?

Император прищурил глаза.

— Глупый вопрос. Наши имена всегда заканчиваются на согласную, а ваши либо заканчиваются на гласную, либо смягчаются на конце.

Ой, блин, опять попала впросак.

— А откуда я приехала?

— Из северного города Криана. Там живут мои дальние родственники, и я уже уведомил их, что у них пополнение в семье. Вас украли в младенчестве, но потом вы чудесным образом нашлись. Несколько месяцев жили при родителях, а потом вас отправили ко двору. Вот и все.

— Спасибо, вы так предусмотрительны, — поблагодарила я, искренне улыбнувшись. — И последний вопрос. Не подскажите мою ближайшую судьбу?

— Нет, — ответил император и ушел.

Хам!

Я тоже вышла, за дверью меня поджидала служанка, она отвела меня в мою комнату и помогла снять платье, затем указала на вещи, лежавшие на кровати. И о чудо! Я чуть не расплакалась, увидев облагающие черные штаны, похожие на легинсы. Наверх туника, закрывающая попу, также черная, с небольшим вырезом и шнуровкой от этого самого выреза почти до груди. Она была достаточно свободной, что бы в ней двигаться, не стесняя движений, но при этом была сшита так, что обрисовывала все изгибы. Дополняли все мягкие кожаные сапожки до колен, на такой тонкой подошве, что создавалось впечатление, будто идешь в носочках. Все, я люблю эту одежду!

Затем меня оставили в полном одиночестве. Я взяла мой самоучитель. Открыла книгу и офигела. На первой стороне был вопрос: «Что ты знаешь об истинной Тьме?». Это что? Тут же появилось новое «Нет».

Короче, из конструктивного диалога, моего и книжки, я узнала, что, оказывается, я все перепутала. Первородный Свет и Тьма есть в каждом. Это и составляет сущность их силы. А вот истинной Тьмой и истинным Светом обладают только императоры. Это уже другое. Истинная Тьма (мне было нужно про Тьму, поэтому я и уточняла только про Тьму) она как бы становится твоей личностью, одним целым с тобой, она все про тебя знает, все твои желания, мечты. Это как твоя сущность, основа. И её используют очень редко. В основном даже императоры используют просто первородную энергию, потому что использование истинной Тьмы очень энергоемко. Ты будто отдаешь часть себя. Интересно, вот только зачем книга мне все это рассказала? Раздался стук в дверь.

— Ваше Величество требует вас к себе, — пролепетала какая-то служаночка.

Как говорится в русских сказках: «делать нечего». Встала я и пошла за девочкой и привела она меня вместо мне до сих пор неведомое. К огромным кованым дверям. Я сглотнула ставшей вязкой слюну и вошла.

Император в облегающих коричневых штанах, черных сапогах до колен и в рубашке стоял на середине огромного зала. Почему-то именно в этот момент мужчина показался мне особенно... впечатляющим. Его глаза закрыты, невидно этого бездушного взгляда и лицо кажется расслабленным, волосы, забранные в ту же косу, перекинута на спину. А рубашка открывает мускулистую грудь. М-м-м.

— Добрый вечер, — пробормотала я.

Звук моего голоса многократно усилило эхо. Император открыл глаза, и вся мнимая расслабленность слетела с его лица в этот же миг.

— Идите сюда, — велел правитель.

Я подошла с некоторой опаской. Фиг знает, что он там выдумал!

— Посмотрим... — сказал император.

Интересно, что он имеет в виду... Не успела я закончить мысль, как...

Он встряхнул руками и через минуты в них были плети. Абсолютно черные плети, от которых так несло силой, что желание удрать с невероятной скоростью настигло меня в то же мгновение. Император поигрывал плетями, стучая их об пол. С каждым свистящим и тонким звуком удара я вздрагивала. А Тиэрэн Велецкий стал отходить назад.

— Поиграем? — спросил он.

Я помотала головой, выражая несогласие с его идеей.

— Поигра-а-аем, — садистки протянул император, его глаза вновь заволокло Тьмой.

Затем замахнулся плетью. Она полетела на меня, издавая ужасный свист. Я вскрикнула и отскочила. Пронесло... Но тут же свист послышался с другой стороны, я снова отскочила. В результате, я бегала и уклонялась от плети, до кошмариков боясь удара. Потом я все же его получила. Случайно это получилось у императора или нет, но одна из плетей ударила меня по ягодицам, я вскрикнула, было больно, но терпимо. Я удвоила усилия по уклонению, потом меня снова ударили, и снова по ягодицам. Да что же это такое? Я стала потихонечку звереть. Да меня в жизни ни били! Да я всегда сама кому захочешь навалить могла! А тут! Когда плеть с тихим свистом снова стала проноситься рядом со мной, я извернулась и поймала её. Я так понимаю, император использовал изначальную Тьму? Я крепче захватила плеть. Она обожгла меня болью, но тут уже моя Тьма пришла на помощь. Потом поймала вторую плеть. А потом дернула со всей силы. Садистское оружие вскользнуло из рук императора, и я подавила зловещий смех. Поиграем? Я замахнулась, но император одним движением руки развеял мое оружие мести.

— Не плохо, знал бы, что ты так бесишься из-за ударов, ударил бы раньше, — усмехнулся император.

Что? Да как он... У-у-у, все, я злая! Я тут стараюсь, бегаю. Неистовое бешенство овладело мной. Я ощущала его. Волна этого безумия стала подниматься во мне, а потом оно вырвалось. Через руки, ноги, живот грудь. Огромной бушующей волной. Я остановила свой взгляд на императоре, желая его смерти. Это он меня добесил. Это он виноват. Умр-р-ри, рычало все во мне.

— Умр-р-ри, твар-р-рь, — прорычала я желание всего своего естества. И Тьма растекающаяся волнами от меня потекла в едином потоке к императору. А он смотрел на меня своими бездушными глазами, черными тоннелями, и кривил губы в садистской усмешке, уверенный в своей неуязвимости. Показалось, что на миг в его глазах мелькнуло удивление, но ключевое слово здесь «показалось». Он же бездушный! Меня это раздражало еще больше. Я собрала всю энергию что смогла и выплеснула её на императора, все...

Падаю на колени, пытаюсь понять, как же вздохнуть. Наконец, делаю судорожный вдох. Неимоверно болит голова, а тело... Будто мне сломали все что можно. Не в силах удержаться падаю на пол. Как же больно... Через боль подтянула колени к груди и обняла их. Чувствую пустоту внутри. Прислушалась к себе лучше, нет, Тьма здесь. Но её мало. Очень. Что я наделала?! Я неделю восстанавливаться буду! Услышала, как подошел император.

— У тебя большой потенциал, — сказал мужчина. — Поднимайся.

Я сдавленно застонала.

— Понятно, — сказал император и отошел. Потом меня окутало что-то прохладное и я оказалась на мягкой постели.

— Леди Ринэлин, вам пора вставать, — пропел кто-то у меня над ухом.

Я приоткрыла один глаз, но тут же закрыла, было слишком ярко. Я попробовала пошевелиться: все тело ломило, голова раскалывалась, как после хорошей, недельной попойки. У-у-у, и не помню ничего. А потом как будто холодной водой облили. Я вспомнила. И застонала. Д-у-ура!

— Леди Ринэлин! Леди Ринэлин!

После сорокового вопля: «Леди Ринэлин!». Я все же открыла глаза и села. Тут же мне всучили какой-то стакан, и я, не задумываясь, выпила содержимое. Уже через минуту полегчало. Фух. Но все равно было плохо.

Мне дали одежду, на этот раз легкое, воздушное платье голубого цвета, чуть выше колена и туфельки в тон. Волосы закололи на висках. Сейчас я выглядела лет на тринадцать. Потом меня куда-то повели.

Император сидел за столом и перебирал какие-то бумаги, когда я вошла. Он поднял голову.

— Садись, — велел правитель.

Я села. А император встал, обошел стол и навис надо мной.

— А теперь объясни, как так получилось, что ты владеешь истиной Тьмой?

— Что?! — вскрикнула я.

Мужчина сузил глаза, потом вздохнул.

— Понятно. Видишь ли, но вчера для атаки на меня ты использовала именно истинную Тьму.

Тараканы в моей голове уже как несколько секунд лежали в глубоком обмороке, поэтому отвечать за мыслительный процесс было некому.

— Ты вчера выложились, тебе нужно восстановиться. А пока будешь восстанавливаться почитай в библиотеке об истинной Тьме. Иди.

Я встала, вышла из кабинета, меня тут же подхватили под белы ручки и повели в библиотеку. Я?! Владею?! Истиной?! Тьмой?! Ну, елы палы! А потом я как-то быстро успокоилась, потому что попала в рай! Библиотека! И кни-иги! Старинные! Я около получаса просто бродила и ловила кайф от того, что вижу так много книг. А потом я стала трогать и нюхать их. Они все были до ужаса старые, и я трепетала от осознания этого. Потом все же я стала всматриваться в название, надеясь найти том о темной магии или о тьме. Но ничего такого я не нашла, поэтому пошла к императору что бы он выдал мне (или указал где взять) необходимую литературу. Настроение у меня было преотличное, плюс на улице солнышко и мне просто захотелось по-детски рассмеяться. Со мной очень редко такое бывает.

Короче, только из-за этого состояния, я, без стука открыв дверь кабинета императора, влетела туда и выпалила:

— Ваше Величество, мож... — начала я, но увидев императора, осеклась. — Ой.

Император сидел на стуле в расстегнутой рубашке и светил голой грудью, которая была, просто... ммм, аж слюнки текут. На его коленях сидела какая-то мадама и эту самую грудь трогала, при этом присосавшись к шее Его Величества. Но когда я, можно сказать, вошла, выражение лица женщины стало таким удивленным. Она, как рыба, выброшенная на берег,

открывала и закрывала свой ротик, и хлопала глазками. И тут мне в голову пришла совершенно безумная ассоциация, будто на коленях у императора сидит рыба, и гладит его своими плавниками, а он ей: «Любимая». Ой, не могу! К горлу стал подкатываться смех, я опустила глаза и, закрыв рот, отвернулась. Плечи стали подрагивать. Господи, только бы не засмеяться! Я уже хотела выйти и дать волю смеху, но тут мне на плечи опустились руки, и я услышала:

— Ринэлин, — голос императора был успокаивающе-утешающий.

Погодите, он думает, что я плачу что ли? От этого плечи стали подрагивать еще больше. А когда император стал объяснять, что моя детская влюбленность здесь совершенно неуместна...

Ой, все! Выносите меня. Я не могла больше сдерживать и заржала. Потом выпрямилась, кое-как выдавила из себя: «Извините, я попозже зайду» и, выбежав за дверь, сползла по стеночке и стала смеяться, держась за живот и вытирая, выступившие от смеха слезы. Но тут распахнулась дверь, и показался император. Я закрыла рот и, уткнувшись в колени, продолжала нагло ржать, ну невиновата я, что я рыбу в свадебном платье представила!

— Ринэлин, — прогремел голос.

— Ми... ик... нуточ... ик... ку, — попросила я. Мышцы живота уже просто разрывало от смеха. Через минуту я успокоилась. Фух.

— Ринэлин! Пройдите в мой кабинет! — строго сказал император и удалился. Я встала и пошла за ним. Аж интересно, что он скажет...

Я села на стул и чинно сложила ручки на коленях. Показывая этой позой свою абсолютную невинность в чем-либо.

— Ринэлин, объясните эту сцену, — потребовал император.

Я подавила смех, который наглым, вражеским образом захватывало спокойствие.

— Ваше Величество, — начала я серьезно. — Я шла к вам, что бы прояснить некоторые моменты моего обучения, но я вошла и увидела вас, и...

Смех все-таки оккупировал земли спокойствия, и я опять заржала.

— Ринэлин!

— Пр... стит... е, — промычала я.

Я снова успокоилась. Все это время, император смотрел на меня задумчивым взглядом.

— Ринэлин, я понимаю, ты молода, и тебе кажется это все несуразным и противоестественным... — начал император.

Ой, не могу. Это он меня о процессе размножения просветить решил что ли? Да я побольше его расскажу. Откуда здесь, допустим, о БДСМ знают? Я снова засмеялась.

— Пр... стите... ваше... ство... можн... я пото... м... за... йду?

Император махнул рукой, а я снова выбежала за дверь. У-у-у, мой живо-о-от!

Через пол часика, когда я успокоилась окончательно, решила предпринять попытку номер три по построению разговора, по поводу моего обучения, потому что всю информацию которую можно было выжать из моего самоучителя, я выжала.

Теперь уже предусмотрительно постучавшись в дверь, я, получив разрешение войти, прошла в кабинет.

Император поднял голову.

— Успокоилась?

Я кивнула. И тут мне в голову постучался вопросик. Куда делась та мадама, которая оказывала императору услуги самого, что ни на есть определенного характера. Ведь когда я

вновь зашла в кабинет, её не было, а мимо меня она не проходила. Я задумчиво посмотрела на императора. Он ответил мне вопросительным взглядом. Не думаю, что нужно озвучивать мысль, пришедшую мне в голову, не мое это дело.

— Я присяду?

— Конечно, — кивнул император.

Я села.

— Ваше Величество, я осмотрела Вашу библиотеку, она восхищает, но я не нашла ни одного учебника магии.

— Они в самом конце библиотеке, в стеклянном шкафу, на нем морок ковра.

Что ж он сразу-то не сказал? Я поблагодарила, попрощалась и побежала в библиотеку. На душе по-прежнему было легко и хорошо.

Там я провела часа два. Вопросов у меня не было, потому что я все уточняла у книги. Почему то на вопросы она отвечала, а эту информацию просто так не предоставляла. Дверь отворилась и вошел какой-то молодой человек.

— Леди, император вызывает вас к себе в кабинет, — сказал он и поклонился.

Я встала и пошла за пареньком. Остановившись у двери императора, парень снова поклонился и ушел. Я постучалась и, получив разрешение, вошла.

— Ваше Величество, — окликнула я.

Император поднял голову от документов и посмотрел на меня, потом кивнул. Не говоря ни слова, встал и направился к двери. Я, недолго думая, пошла за ним следом.

— Ты владеешь истиной Тьмой, — сказал император. — Но ты не можешь её контролировать, поэтому ты уезжаешь учиться.

— Но куда? — спросила я озадаченно.

— В Ирагенский университет.

Я опешила.

— Разве людей обладающих истиной Тьмой так много, что организовали целый университет?

— Нет.

Он остановился. Повернулся ко мне.

— Как ты должна знать, изначально нашим народом стал управлять человек, владеющий истиной Тьмой, из его детей только один обладал истиной Тьмой и он становился императором, как правило, старший. И, честно говоря, совершенно нереально то, что ты владеешь истиной Тьмой.

Я кивнула. Через несколько минут ходьбы я вновь обратилась к Его Величеству.

— А мы вообще куда идем?

— К порталу.

Я похлопала глазами. А потом крикнув: «Подождите», просто полетела в свою комнату за «Самоучителем». Вернувшись, выдохнула:

— Идем.

Император только покачал головой. Минут через десять мы были около огромного черного зеркала. Я протянула руку и коснулась его поверхности. Упругая, как желе.

— Прощайте, — сказал император.

Я посмотрела в его глаза и почему-то в этот момент они не казались бездушными. В них что-то было. Но я не могла понять что же. И почему-то не хотелось уходить. Почему-то император в эту минуту стал близок. Между нами словно образовалась какая-то нить.

— Прощайте, — прошептала я.

Наклонила голову. А да пошло оно все к черту! Я подлетела к императору, крепко его обняла, снова, непонятным для меня образом, передала ему все эмоции, которые испытываю. Почувствовала, как меня обняли в ответ. Насладилась его запахом, ощущением крепких мужских рук на своей талии, а затем вырвалась из объятий и шагнула спиной в портал. Последним что я увидела, была рука императора, внезапно метнувшаяся вперед.

— Двадцать лет?! — переспросила я.

Это было единственное, что я смогла из себя выдавить. Меня переполнила непонятно откуда взявшаяся ярость. Потерять двадцать лет в какой-то дыре?! Не знаю, чего я так взбесилась, но дело это не меняет. Я в бешенстве!

— Леди Ринэлин, прошу Вас, успокойтесь, — подвывал директор.

Почему подвывал? Да потому что меня стала охватывать Тьма, а он человек уже немолодой... нервы не первой свежести.

Тут дверь распахнулась, и вошло новое действующее лицо. Мужчина по-нашенски лет эдак сорока-пятидесяти, с длинными белыми волосами до пят, связанными сзади. Худощав, высок, одет в... что-то вроде японского кимоно. Лицо... хм... узкое, угловатое, тонкий нос, узкие губы, ярко выраженная носогубная складка, правда, глаза были очень большие, почти белые, зрачок был еле заметен, с белыми же ресницами. Выглядело жутковато.

— Приветствую вас, леди Ринэлин, — сказал он. Его голос тихий, спокойный, тоже какой-то бесцветный.

Я только кивнула.

— Я ваш наставник. Зовите меня просто Яромир или же наставник.

— Тогда и вы зовите меня просто Ринэлин, — ответила я.

Ярость как-то улеглась и успокоилась.

Он кивнул, а затем сказал:

— Пойдемте.

Я вышла следом за ним.

— Пока идем до твоей комнаты, познакомлю тебя с университетом. Ирагенский университет самый престижный университет Эситренской империи. Здесь пятьдесят драд, и...

— Простите, — перебила я. — А драды это?

— Драда — это группа из двадцати студентов, — пояснил наставник. — У нас пять ступеней. На каждой ступени по десять драд. Они...

Короче, из его объяснения я поняла, следующее:

Обучаются здесь пятнадцать лет, последние пять лет моего обучения проведу уже не здесь. Обучение делится на пять ступеней. На каждой ступени сидишь три года. Следовательно, и набор происходит каждые три года. Поступают сюда до тысячи студентов, правда, в первый месяц их отсеивают до нужного количества (то бишь до двухсот студентов). Главное — пройти испытательный срок, потом вылететь не реально, и дело не в том, что тут нянчатся со студентами. Просто после испытательного месяца на тебя надевают браслет, в котором живет дух. Он следит за тем, что бы студенты учились.

Итак: неспособных тут нет, потому что сначала проходит отборочный конкурс, а потом еще и испытательный месяц, и ленивых тут тоже нет, потому что тебе просто не позволяют лениться. Поэтому каждые три года университет дарит стране двести высококвалифицированных магов.

Но вернемся к ступеням и драдам. На каждой ступени десять драд: антро, дендро, унтро, гантро, фонтро, жантро, кентро, хантро, тантро и эктро драды. Антро драда — первая драда, в ней учатся самые слабые, соответственно: дендро драда — вторая драда, унтро — третья и

т. д. Эктро драда — десятая драда и в ней учатся самые сильные студенты. Перейти из антро в дендро или из фондро в гандро невозможно, так как потенциал твоей силы не меняется. Я в эктро драде.

Мне было интересно, и я специально спросила, как же ты должен официально представляться, будучи студентом этого университета. Оказывается: студентка эктро драды первой ступени Ринэлин Риецкая. А сокращенно, ну, если тебе нужно расписаться где-то в документах университета: с-а эдпсРиР. Прикольно, да?

А теперь о внешнем устройстве. На территории университета есть сам университет, два студенческих общежития и преподавательские дома. В общежитие заселяют совершенно произвольно. Студент эктро драды первой ступени может быть подселен к студенту антро грады второй ступени. В университете же строгая иерархия: здание из пяти этажей и каждому этажу соответствует своя ступень, то есть первый этаж — первая ступень, второй этаж — вторая и т. д. Ну, вот вроде и все.

Теперь, что касается меня лично. Я также буду жить в общежитии. Император попросил держать в секрете мою особенность. Так что я просто обычный студент. Заниматься я буду со студентами своей драды, но когда у других будет факультатив, я буду изучать Тьму. Сейчас как раз подходит к концу испытательный месяц. Мне немного стыдно, что из-за меня один студент вылетит. И вообще везде произойдет смещение на одного. Ну и ладно!

Тем временем наставник проводил меня к общежитию и передал на руки коменданту.

— Доброго вечера, — поздоровалась я.

— Доброго, — ответила женщина, по-нашему лет шестидесяти. — Канира Дираву или ри Дираву.

Что еще за «ри»? Надо будет потом у книжки выведать.

Она заглянула в бумагу переданную наставником.

— Ух ты, — пробормотала она.

Потом подняла на меня взгляд.

— Я тебя ни разу не видела во время испытательного месяца, а уже эктра драда, — она сощурила глаза.

Я пожалала плечами. Она взяла меня за руку и приложила к моему запястью какой-то квадратик. Потом отпустила мою руку.

— Карта как пройти в твою комнату у тебя на запястье, там же ключ, приложишь запястье к двери, и она откроется, — пробурчала старушка и отвернулась.

Дернешь за веревочку, дверь и откроется, — сразу пронеслось у меня в голове.

— Спасибо, — сказала я и, следуя карте, пошла в комнату.

Моя комната на девятом этаже номер 9-12. Как мило. С опаской открыла дверь и вошла. Что ж. Лучше, чем ожидалось. Прямоугольная комната с двумя французскими окнами, находящимися в проемах между тремя кроватями. На окнах шторы и тюль, по бокам комнаты стоят по три шкафа, две прикроватных тумбочки с каждой стороны кровати, на полу ковер. Стены, потолок и пол цвета пены от капучино. Шторы, постельное белье и ковер цвета коры дуба. Тюль и мебель молочно-белого цвета. В общем, комната выполнена со вкусом. С правой стороны стены я заметила дверь. Наверное, в ванную. А теперь об обитателях этой самой комнаты: на средней кровати и кровати, которая стоит с левой стороны, сидели две девушки лет шестнадцати-семнадцати на вид и уже несколько минут, пока я обзревала комнату, таращились на меня.

— Привет, — поздоровалась я. — Давайте знакомится. Я Ринэлин. А вы?

Та, что сидела на средней кровати с черными волосами до плеч, немного полновата среднего роста, с миловидным лицом, представилась как Лиаран. Та, что сидела слева высокая блондинка, с безупречными формами, невероятно красивым лицом, правда, полным презрения ко всему сказала, что её зовут Критан.

Я улыбнулась и прошла к кровати с правой стороны. Счастье-то какое, около стены! Достала из кармана книгу, которую я предварительно уменьшила, и положила на тумбочку. Вдруг на кровати материализовалось два чемодана, а также стопка э-э... как я поняла, школьной формы. Но вот чемоданы... Может не мои? Посмотрела на один из них и увидела прикрепленную записку.

«Тебе нужен гардероб. Это твои вещи. Носи»

Отчего-то на сердце потеплело. Ой! А не влюбилась ли я часом в императора? Не буду отвечать на этот вопрос, а то еще расстроюсь...

Так, сейчас разберу чемоданы, но сначала посмотрю на школьную форму, жуть как интересно. Опа-на. Школьных форм было две. Одна, как я поняла для теоретических занятий, другая для практики. М-да. Я буду выглядеть в ней просто восхитительно. Что это интересно со мной? Всегда была безразлична к одежде! Главное что бы удобно было! Ладно, потом как-нибудь у Александра спрошу о новых сторонах моего характера.

Я выпрямилась и только сейчас заметила, что в комнате подозрительно тихо. Обернулась. Девушки сидели и смотрели на меня. Не поняла-а. Я чего им музейный экспонат, что ли?

— Вам что-то нужно? — спросила я, как можно вежливее.

— Да, — ответила Критан.

Я сложила руки на груди и вопросительно приподняла бровь, мол королева готова вас, челядь, выслушать.

Блондинка (звучит почти как оскорбление) поднялась и приблизилась ко мне.

— Ты, вообще, кто такая? — почти прошипела она.

Это наезд?

— Солнышко, какая тебе разница? — спросила я ласково.

— Какая мне разница? — переспросила она. — Да мы тут месяц вкальваем на этих испытаниях, а ты только пришла и уже студентка эктра драды!

Опаньки! А ты откуда это знаешь?! Наклонила голову в бок, чуть прищурила глаза и спросила:

— Откуда такая информация, киса?

Она аж позеленела.

— Да какая я тебе киса? Я тебе сейчас покажу такую кису... — она зло прищурила глаза.

Я глумливо улыбнулась и сладко-сладко пропела:

— Ну, дава-а-ай, истеричечка белобрысенькая.

— Что?! — возопила это недоразумение.

На её ладони материализовался темный шар.

— Еще одно слово, — угрожающе прошипела она, — и я тебя поджарю.

— Ой-ой-ой, я так напугана-а, — захныкала я и вытерла несуществующие слезы.

Надо ли говорить, что к этому времени я была уже достаточно взбешена. Доведена до кондиции, так сказать. Почувствовала мою хорошую, страшенькую Тьму. Она растеклась по всему телу. В кисти, маленькая, — сказала я ей. Руки потемнели. Пальцы стали длиннее,

вылезли когти. Я помахала рукой перед лицом Критан.

— Еще одно слово, с-сладкая, и от тебя останется только воспоминание, — прошипела я с улыбкой на лице.

Белобрысая раскрыла шире глаза и отлетела от меня.

— К-как т-ты эт-то сделала? — прошептала она заикаясь.

— Семейная тайна, — сказала я и отвернулась.

Блин-блин-блин! Мне же нельзя показывать, что я Тьмой владею! У-у-у, бестолочь! Я, стараясь сдерживаться, пошла в ванную. Закрыла за собой дверь и прижалась к ней затылком. Почувствовала неудобство во рту, подошла к зеркалу открыла рот и офигела. Это! Что! ТАКОЕ?! Ла-адно. Короче, я обзавелась парой небольших, но острых клыков и... РАЗДВОЕННЫМ длинным языком! Ну, а то, что у меня зрачки вытянулись это ерунда по сравнению с этим!

— Эшо шсоо с-с-акое? — прошипела я. Просто не шипеть не получалось.

Закрыла рот. Выбежала из ванны, метнулась к книге, открыла её.

«Посиди в ванной и успокойся, это Тьма так на тебя влияет»

Я последовала её совету. Приняла ванну, успокоилась, перед выходом заглянула в зеркало. Все нормально! Фух. Вернулась в комнату и, упав на кровать, вырубилась.

Осталось два дня испытательного месяца. Пока мои соседки по комнате ходили на испытания, я всеми правдами и неправдами пыталась добиться от книги объяснение произошедшему. Но книга молчала, как партизан на допросе. М-да. Тогда, я оделась в тот удобный костюм, состоящий из туники и штанов (кстати, когда я разбирала вещи, отправленные мне императором, обнаружила пять таких костюмов, они правда немного отличались по расцветке и фасону, но все же!) и отправилась к наставнику. Сказала карте на запястье координаты и пошла покорять неведомые дали. Шла я минут десять, пока не подошла к одному из преподавательских домиков. Маленький, аккуратненький и беленький. Чудо, а не домик.

Постучалась. Мне не ответили. Постучалась снова. Снова без ответа. Я заколотила в дверь и закричала:

— Яромир!

Дверь открылась и ударила меня по голове, я упала на задницу, и стала потирать ушибленный лоб.

— Ой.

— Ринэлин? — спросил наставник.

— А что непохожа? — усмехнулась я и встала.

Наставник чуть улыбнулся.

— Даже не знаю, я вчера её видел, и рога на лбу у неё не было.

Я махнула рукой.

— Тогда я за нее. У меня к вам разговор.

Яромир кивнул и сказал.

— Тогда пойдете, погуляем, — сказал он.

Мы пошли в сад. Невероятно красивый сад, между прочим. Деревья были плотно высажены в круги, а в прогалах росли кустарники. В каждый кружок можно было попасть, только если найдешь морок дерева.

Наставник естественно знал, где этот морок и мы вошли в ближайший к нам круг.

— О чем же ты хотела поговорить? — спросил он.

Я на секунду замаялась, а потом...

— Понимаете, меня вчера зае... кхм... надоела мне одна девушка и у меня... — я замаялась.

— Что?

— Ну, у меня язык стал раздвоенным, клыки вылезли, зрачки вытянулись, когти на руках появились... — с каждым перечисленным атрибутом мой голос становился все тише.

— Так быстро? — удивился наставник.

— Это нормально? — спросила я с облегчением.

— Естественно, — кивнул Яромир. — Видишь ли, Тьма имеет сущность змеи и поэтому у тебя произошла частичная трансформация, но ты можешь регулировать её. Например, сделать язык меньше, а клыки длиннее и так далее.

Я вздохнула.

— Но то, что ты пока не можешь управлять Тьмой — проблема, поэтому...

Он достал из кармана кольцо.

— Вот, — надень. Оно запечатает Тьму. Не снимай его до наших занятий. Они будут каждый день, когда закончится испытательный месяц.

Я кивнула.

Оставшиеся два дня я провела в комнате, почти безвылазно. Меня почти каждую минуту охватывала злость, и я упорно релаксировала, но от того, что не получалось, злилась еще сильнее, короче тупик. К счастью, эти два дня прошли. Сегодня мой первый учебный день!

Встала я раньше своих соседок, они, кстати, обе прошли. Лиаран в кентро драде (седьмой), а Критан, к сожалению, в моей. Пошла в ванную комнату, приняла быстрый холодный душ, высушила волосы, прочитав заклинание, висевшее на стене, а потом пошла за своей формой. Как только я её надела на ум пришли два слова: «Полный разврат». Юбка на дюйм ниже попы, сиреневого цвета сидящая очень низко на бедрах, белая шифоновая блузка, с глубоким вырезом на груди и длиной до талии, не облегающая, а спадающая свободно. На шею фиолетовая бабочка. Также есть пиджак, черный с фиолетовой каймой по краям. Без пуговиц и замка, вообще без застежек. Нет, выгляжу я в этом очень хорошо. Плюс черные туфельки на шпильке. Волосы я собрала в пучок, оставив несколько прядок вдоль лица. Когда я почти закончила собираться, проснулись соседки и суматошно стали собираться и орать на меня, почему не разбудила, я пожала плечами, сказав, что это не моё дело. Закончив с прической, я улыбнулась своему отражению и вышла.

В Главный Зал я пришла, когда он уже был на половину полон. Найдя висевшую в воздухе надпись «Эктро драда», направилась к ней. Там уже стояли восемь студентов. Парни.

— Привет, — поздоровалась я.

Они повернулись ко мне и прошли по моему телу оценивающим взглядом. Тут они отличились. Кто-то задержал взгляд на ногах, кто-то на груди. А один совсем выбился из толпы, его взгляд метался от груди к ногам.

— Ма-альчики, — проворковала я.

Затем походкой от бедра подошла к особенно отличившемуся, провела пальчиком по его шее, потом погладила тыльной стороной ладони его щеку.

— У меня есть секрет, — все таким же томным тоном продолжала я. — Хочешь его узнать?

Он кивнул.

Я поманила его пальчиком, веля наклониться. Он подчинился. Я прижала губы к его уху, а потом проорала:

— Ели поднять взгляд выше, там будет еще и мое лицо, кретин!

Я отстранилась и оглядела парней грозным взглядом.

— Всех касается!

Они сначала заулыбались, а потом заржали.

Тот, к которому я подошла, первым перестал смеяться, потер ухо, ухмыльнулся и представился:

— Гордор.

Я сузила глаза.

— Ринэлин.

Он взял мою руку и поцеловал.

— Очарован.

Я только фыркнула. Он довольно ничего. Каштановые до середины шеи волосы

обрамляют лицо, только становящееся мужественным, пухловатые губы, высокие скулы, большие глаза. Красив, ничего не скажешь, но мне нравятся такие, как император. Что-то внутри екнуло. Ой. Вот это признание! Я вздохнула.

Кстати, форма мальчиков представляла собой: зауженные черные штаны, белую рубашку и черную пиджак. В общем, тоже ничего. Через некоторое время, вся наша драда была в сборе. Как оказалось у нас семнадцать мальчиков и три девушки. Печально то, что как-то сразу мы поделились на две группы. В меньшей: те восемь мальчиков и я, в другой остальные. Критан, увидев меня, скривилась и что-то зашептала стоящему рядом с ней парню. Гадина.

Ректор произнес речь и нам, выдав расписание, отправили в аудиторию.

— Ри, — начал Гордор.

— М-м-м?

— А как ты без испытательного месяца сюда прошла?

— Меня за красивые глаза взяли, — рассмеялась я.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Критан фыркнула.

— Да какие у тебя там красивые глаза?

Я обернулась к ней и подмигнула.

— Очень красивые зеленые глаза.

— И не говори, — подхватил Трион.

Он в нашей маленькой группе, а еще: Диран, Алеран, Зарат, Нолуэн, Элир и Дотил.

Алеран упал передо мной на колени и сказал:

— Хочешь, я сочиню песню про твои глаза?

Зарат упал рядом и, оттолкнув Алерана, взял меня за руку и произнес срывающимся голосом:

— Да что песня! Я сочиню балладу!

— Да от твоей баллады уши в трубочку свернутся, — поглумился Алеран. — Сонет, Ри!

Я сочиню сонет!

Я засмеялась.

— Хватит, хватит, мальчики, пойдете уже.

— Только после вас, — поклонился Нолуэн.

Я только покачала головой и подивилась так быстро образовавшейся дружности нашего коллектива.

В результате мы все же дошли до аудитории и расселись. Наша компания с правой стороны, компания Критан с левой стороны. Через несколько минут в аудиторию вошла женщина лет тридцати в строгом длинном платье.

— Я буду курировать вашу драду. Предупреждаю сразу, если возникнут какие-то междусобойчики, то прошу в Зал Тренировок. В пределах аудитории только словесные войны, — она все это произносила очень спокойным тоном, а потому, когда вдруг заорала: «Все ясно?!», мы немного прифигели и закивали.

— Вы будете изучать: некромантию, боевую магию, наложение и снятие чар, проклятье, телепортации, травничество, этикет, боевые искусства, историю Эситрена, заклятья, рунную магию и... — она улыбнулась, — танцы. Ну и, конечно, факультативы, их список висит в главном зале.

А-фи-геть. А у меня еще управление и контроль над истиной Тьмой.

Глава 10

Вот так и потекли мои месяцы, а затем и годы учебы. За пять лет я очень сильно подружилась с Гордером, Алератом и Зараном, они хоть и шуты, но на самом деле только прикидываются такими, скрывая свое истинное «я» за масками.

Спустя пять лет я сняла кольцо, и Тьма теперь всегда со мной. Она мне очень помогает. Из-за неё сомнения мне чужды, потому что она всегда знает мои скрытые глубинные желания, которых я не замечаю. Я же потихоньку учусь её контролировать, что бы она ни вырывалась из меня спонтанно, а также, как можно меньше, влияла на мое настроение.

Сегодня после занятий я решила пойти в сад. Год назад я нашла совершенно особенное место. Зеленая трава, розовые деревья, голубая вода в прудах, лебеди, уточки, лавочки, цветы. Я с наслаждением вдохнула сладкий запах трионы (дерева с листьями розового цвета и черными цветами, цветущего круглый год). Пошла вглубь сада, и в результате вышла на полянку со всех сторон окруженную деревьями, будто спрятавшуюся от всего мира. Во мне поднялась волна счастья, благоговения, которая обычно возникает, когда смотришь на природу. Не раздумывая ни минуты, сняла обувь и побежала на полянку. А потом просто упала на траву и с широкой улыбкой, от которой сразу же заболели скулы, смотрела на прозрачное небо. В кустах что-то зашевелилось, я приподнялась на локтях. Вдруг от туда вылетело серое нечто, и врезалось в меня. Я от небольшого шока, нагрянувшего в гости, легла назад. А это нечто подняло голову. Мои глаза, наверное, вылезли на лоб. Я много чего повидала за эти пять лет, но тако-ое... Это нечто напоминало то ли человека, то ли демона из мифов, то ли инопланетянина с огромной головой. Сантиметров сорок в длину, с круглой головой, острыми ушами, расположенными на уровне висков, большие черные глаза, рот с острыми зубами, две дырочки вместо носа. Тело щупленькое по сравнению с головой, костлявенькое, на руках и ногах по четыре пальца, плюс длинные и острые когти, а за спиной такие же серые кожистые крылья, с когтем на изгибе. В размахе крылья были где-то по метру каждое. Короче очень маленькое и «милое» существо. Это нечто смотрело на меня своими черными глазищами на пол лица, а я смотрела на него. Он протянул свою ручку к моему лицу и проложил её к щеке. Я ощутила невероятно сильный голод. Отстранилась от его руки. Существо продолжало смотреть на меня.

— Ты голоден? — спросила я.

Он быстро-быстро закивал.

— Ты ешь мясо? — вновь спросила я, ориентируясь на его зубы.

Он отрицательно замотал головой.

— Овощи? Фрукты? Траву?

Он снова замотал головой.

— Святым духом, что ли? — иронично приподняла бровь я.

Он закивал. Я аж села.

— Че правда? — от культурного шока начал «чекать».

Он... улыбнулся? Стал водить руками в воздухе, будто делая пасы. Через пять минут сих действий, я поняла, что он хочет сказать.

— Ты питаешься энергией?

Он снова помотал головой и показал на меня пальцем.

— Тьмой?

Он закивал и потер ручки. Ладно, пусть покушает. Он же не виноват, что ему такая еда нужна. Правда, я прочитала довольно много книг и знаю, что бывает с попаданками, которые решают подкормить маленьких животных, поэтому я, создав небольшой шарик из первородной Тьмы (в отличии от истинной Тьмы, это быстро восполняемый запас), оставила его в воздухе. Маленькой существо тут же накинулось на него, и через пять секунд он снова смотрел на меня голодными глазами. Я создала шарик побольше. В результате я «вылила» примерно вагон Тьмы. Это он теперь так всегда будет?

Решив забить на это, закрыла глаза и расслабилась. Солнце приятным теплом согревало лицо. Вдруг солнце пропало. Я открыла глаза. Надо мной зависло это существо и своими ручками стало тянуться к моему лицу. Я замерла. А рука, коснувшись моей щеки, передала удовлетворение, счастье и... нежность? Интересно. Я убрала ручки существа и, отодвинув его, снова стало греться на солнышке. Минуты через две невыносимо захотелось открыть глаза и посмотреть, что же стало с мелким. Открыла, посмотрела. Он лежал в позе абсолютно идентичной моей, закинув правую руку за голову, другую оставив вдоль туловища и согнув левую ногу в колене, глаза у него были закрыты. Правда, ему мешали крылья. Но он их мастерски спрятал за спиной. Приоткрыв один глаз и увидев, что я повернула голову он моментально сделал тоже самое. Я села. Решила проверить свою теорию и, встав, пошла глубже в сад. Через некоторое время послышался шелест кустов и я, еле сдержалась, что бы не засмеяться. Малыш вылетел на дорожку, и заметив меня тут же принял мою позу.

— Иди домой, — сказала я.

Серый отрицательно покачал головой.

— Ты теперь со мной что ли будешь? — насмешливо спросила я.

Он закивал.

— Со мной нельзя! — строго ответила я.

Он изобразил на лице просящее выражение. Я не могла противиться этому страшному обаяшке.

— Ладно. Только не повторяй больше моих движений, это не хорошо, и мне не нравится, — строго проговорила я и отправилась гулять дальше.

Серый летел рядом.

— А имя у тебя есть? — поинтересовалась я.

Он с любопытством посмотрел на меня, мол это что такое за существо и с чем его едят. Понятно...

— Имя, это как тебя называют, меня зовут Ринэлин, скажут это слово, и я отзовусь, понимаешь?

Он кивнул.

— Давай и тебе имя придумаем? — предложила.

Он с энтузиазмом закивал. Я задумалась.

— А дава-а-ай... Грис! — предложила я.

Он покосился на меня.

— На одном языке это означает «серый». Ну, дава-а-ай, только послушай: Грис, Грисик, Грисочка, Грисончик.

Малыш почесал затылок, а потом махнул рукой. Пусть мол Грис. Только отстань. Я хлопала в ладоши. Класс!

— Грисочка, а ты невидимым становится уметь?

Он закивал и исчез. Я кивнула.

— А невидимым для всех кроме меня?

Он появился.

— Ты сейчас невидим для остальных?

Он закивал. Пре-лест-но.

— Пошли, Грисик, будем искать, что же ты такое, — сказала я и, сменив направление, отправилась в библиотеку.

Оказывается, мой Грисик — это нирак. Потустороннее существо, питающееся Тьмой. Если его привязать к себе, то обретаешь очень хорошего друга, защитника, а также домашнего питомца. Только будь добр, его корми раз в месяц энергией. Ла-адно.

— Грисик, останешься со мной? — спросила я его.

Он снова закивал. Я улыбнулась, малех садистки.

— Надо тебе одежду сшить!

Грис закрыл лицо руками и спрятался за ближайшим креслом.

— Нет, нет, малыш, улизнуть не удастся! — проговорила я с маниакальным блеском в глазах.

Вот так я обзавелась новым другом, правда, своей банде я о нем не рассказала. В скором времени я действительно исполнила свою угрозу и сшила ему одежду. Это отдельная история!

— А ну замри, паршивец! — орала я.

Я уже час бегала за этих мелким пакостником с измерительной лентой. Он, как только просек направление моих действий, стал совершать тактическое отступление. Но я вовремя схватила его за крыло и запихнула под мышку, правда, тут же вспомнила, что забыла взять ленту, пришлось отпускать Грису и отправляться на поиски ленты.

— Грис, предупреждаю последний раз, не успокоишься Тьмой метну!

Грис засмеялся и одобрительно махнул рукой. А ну да, он же Тьмой питается! У-у-у.

— Тогда водой стрелять! — пригрозила я, ничем более серьезным я пригрозить не могла, во-первых, все равно не подействует, так как я самолично ставила на него защиту, а во-вторых, ну жалко же!

Грис сделал сальто в воздухе и продолжил весело носиться по комнате. Тогда я скрутила из ленты лассо и попыталась им поймать Грисика. Закинула первый раз, Грис увернулся. Я завыла.

— Грис, спустись сейчас же! — завопила я и закинула лассо снова.

И снова промах.

— Ах ты, поганка мелкая!

Грис повернулся, показал мне язык и пролетел в дюйме от меня, но поймать я его все равно не смогла.

— Гри-и-с! — взревела я.

Тут одновременно произошло сразу несколько действий. Грис поворачивается и строит мне рожицу, я кидаюсь вперед и все-таки ловлю его, и открывается дверь и заливается довольный Гордер:

— Ри, я... Ой.

Ну да картина странная, я валяюсь на полу с задравшейся юбкой, измерительной лентой в одной руке и странным существом в другой. Я резво поднялась.

— Привет, Гордер.

— А я... а ты... эм... я... ага, — выдал парень.

Раз уж скрыть моего маленького друга я не смогла, нужно внедрять его в коллектив.

— Вот, знакомься, это Грис, — мотнула я подбородком в сторону мелкого.

— Грис, ты Гордера, понятное дело, уже знаешь.

Грисик активно закачал головой, говоря "да, да знаю!", и потихоньку стал выкарабкиваться. Я перехватила его удобнее, тем самым перекрыв пути отступления для мелкого.

— Ты, Гор, молодец, что зашел. Поможешь мне! На вот держи эту козявку, я его измерять буду!

Гордер с опаской подошел все еще с выражением крайнего шока на лице.

— Да ты не бойсь! Он свой человек, в смысле, свое существо!

Я без всяких церемоний всучила Грисика Гордеру. Он взял его дрожащими руками.

— Гор, соберись! А то опять улизнет.

Парень на автомате перехватил Грису крепче, а потом все таки выдал:

— Ри, а это кто?

Я уже подобрала с пола ленту и сейчас критически оглядывала замершего Грису.

— Я же тебе сказала — Грис.

Обвила лентой плечи Грису.

— Нет, он кто?

— Двадцать пять, — пробормотала я про себя.

— Что? — испугался Гор.

— Нирак он! — отмахнулась я.

Стала измерять его рост.

— Кто?

Я посмотрела на Гордера. Да. Такого выражения лица я у него не видела ни разу. Глаза на пол лица, рот то открывается, то закрывается, брови почти в волосах. А выражение глаз...

— Замри! — приказала я.

А затем воспользовалась аналогом фотоаппарата в этом мире. Тут же мне вылезла фотография. Я взглянула на нее и засмеялась.

— Все, друг, ты попал! У меня теперь на тебя компромат есть!

Одежду на Грисика я все-таки сшила. И заставила его ходить в ней. Правда, он поначалу сопротивлялся, а потом ему даже понравилось. Грису пришлось представить и остальной банде, так мой друг стал своим корешом в нашей маленькой группе. За следующие десять лет Грисик отъелся и похорошел. И теперь уже не был похож на восставшего скелетика.

а три года до официального выпуска (спустя двенадцать лет то бишь) произошло другое событие. Пospорили мы с противоборствующей группой, что сможем стащить у Черных дьяволов Белую жемчужину Саоки. Черные дьяволы — мафия. Жемчужина — величайшая драгоценность, похищенная у короля Великого Белого Двора. Конечно, шансы на успех были самые не значительные. Но в пылу спора (не будем упоминать, что я спорила больше всех) наговоришь, что и Луну с неба достанешь, а когда слово вылетело, уже не поймаешь. Вот так и у нас получилось. Зато если мы достанем эту Жемчужину, противоборствующая группа будет у нас в подчинении ходить, а если мы не принесем, они нас отдубасят. Немного не честно, но если брать расчет почти нереальность события, то очень даже честно. Ну, делать нечего мы собрались и пошли. Какой был наш план: поймать девять приспешников Черного Аввы (глава мафии) свинтить с них одежду и прийти на поклон к этому самому Авве. Ну, одежду то мы свинтили (не буду говорить как), а вот когда на поклон пошли... Было это так:

— Я уже не могу в этом вонючем балахоне идти, — бурчала я.

Мне как самой маленькой, конечно, выдали одежду самого щуплого, но она мне все равно была размеров на пять велика.

— Терпи, Ринэлька, — попробовал поддержать меня Гордор.

Я только отмахнулась от него. Спустя метров сто мои волосы опять распустились. Да что же это такое?!

— Ри! Кому сказали капюшон надеть? — грозно спросил Дотил.

Я скривилась, но снова забрала волосы в пучок и надела капюшон. Вонял он знатно.

— Долго еще? — спросил Занир.

— Почти пришли, — пробурчала я, покосившись на Грисика.

Он не захотел оставаться в общаге и со мной увязался. Я предположила, что толк от него будет. Может он под шумок сможет Жемчужину свинтить? Наконец мы добежали до места обитания главы мафии. Постучались в ворота. Открыл нам их здоровенный детина.

— Че надо? — в руке материализовался боевой шар, вместо дубины.

— Мы на поклон к Авве, — пробасил Гордор.

— Кто такие?

Мои мальчики стали поглядывать друг на друга. Забыли.

— Бандиты третьего района, — пробасила я.

Получилось плохо.

— А эт че за сопля? — спросил детина.

— А-а-а, это брат мой, — сказал Нолуэн.

— Че щуплый какой?

— Да не обращай внимания, дурачком родился, — махнул рукой Эн.

— Чт... — начала я грозно, но получила тычок под ребра.

— Че мучишься убей да и ладно, — посоветовал дядя.

— Да, я... э... — замялся Нолуэн.

Парни опять стали оглядываться. Плохо дело.

— Ну, давай я убью! — великодушно предложил охранник.

— Да... не... на... э...э... - залебезил мой «старший брат».

— Да я быстро.

У-у-у, дело пахнет жареным.

— Что? — взвизгнула я. — Да ты знаешь кто я такая?!

Одним легким движением руки скинула с себя балахон, Грисик по-быстрому расплел и взбил мне волосы. Грис же наколдовал мне новую одежду. И предстала я пред светлые очи детины в алой юбке а-ля секс-шоп, в топе-бюстгальтере тоже алом с черной шнуровкой, в черным сапогах на шпильке и с плеткой.

Я предвидела такой поворот событий поэтому приготовилась. Дала Грисику силу созидания. И нарисовала, что от него нужно.

— Я Аринава ДиЭтран, невеста Аввы! И если ты, наглый хмырь, не проведешь меня к моему жениху...

Я замахнулась плеткой. На лице детины изобразился первобытный ужас. Наверное в первый раз видит истерящую мадаму в стрип-костюме.

— Я готовилась, хотела сделать сюрприз, — причитала я, потом перешла на ультразвук. — А ты...

Снова замахнулась плеткой.

Охранник дернулся в суеверном ужасе и завыл.

— Я не знал, простите, госпожа-а.

— А ну не вой! Я тебя сейчас.

Он заорал и убежал. Чего это он?! Мои парни ржут. Я подняла Гордера за шкирятник.

— Чего ржешь?

— Да ты... ик... себя... ик... ви... ик... дела? У них тут как раз ходят страшилки о деме мщения, называющей себя невестой Аввы, а тут ты... Ну, ты, Ринэлька, дае-е... ик... шь!

Я вздохнула. Не целилась, а попала прямо в яблочко!

— Ладно, пошли!

Вошли мы в ворота, я снова накинула балахон, по просьбам мальчиков. По эстетическим и вытекающим из них естественным причинам. Потом мы пересмотрели план и меня связали и понесли. Долго мальчики шли, а я ехала на Гордоре, пока нам снова не преградил путь охранник, уже другой.

— Кто такие? Зачем к господину?

— Мы привели хозяину величайшую драгоценность города. Госпожу ДиЭтран.

Охранник заинтересованно покосился на меня. Я изобразила рыдания и истерику. Гордор аж забеспокоился. Значит, хорошо сыграла. Я пожалала его руку мол, спокуха!

— Ну, проходите.

Я подала условный сигнал Грисику. А сама стала вырываться из рук Гордора.

— Не рыпайся, — прошипел он.

И вот понимаю, что так надо, но за грубость ответит. Потом меня бросили у ног Аввы. М-да. Я поднялась. Мужик с обезображенным шрамами лицом и диким взглядом. Страшно, аж жуть.

— Ах, какая конфетка попала ко мне в руки, — сказал Авва.

Я сглотнула. Что делать?!

— Хозяин, — промурлыкала я. — Я живу, только что бы доставлять вам удовольствие. Чего вы изволите? Могу станцевать, спеть...

— Танцуй, — велел Авва.

Фух, я то думала, сразу будет к интиму склонять. Пронесло.

— Не соблаговолите развязать руки? — прошептала я томно.

Мужчина сжег их одним прикосновением. Применила силу созидания и создала себе восточный костюм со множеством полотен, которые прикреплялись к костюму, но падали, если начнешь интенсивно двигаться. Сила созидания была плоха тем, что созданное нужно поддерживать, тратить силу, но у меня выбора нет. Я стала мурлыкать себе под нос мелодию и извиваться в восточном танце. Авва и мои мальчики смотрели на меня во все глаза. Когда мой танец подходил к концу и на мне остались только бюстгальтер и почти прозрачная юбка с разрезами, наконец, увидела знак от Гриса. Плавно подошла к Авве наклонилась и поцеловала его, передав крошечную часть моей Тьмы. У нас нет времени пробивать его защиту. А такой способ либо его убьет, либо просто усыпит. Авва упал, а я крикнув: «Валим». Создала телепорт и прыгнула в него. Кто не успел, тот опоздал.

Вылетели мы все вместе недалеко от университета. Вот это подфартило. Я сорвала с ближайшего парня балахон и, накинув на себя, перестала поддерживать костюм. Фух. Устала.

— Грисик, ты взял жемчужину? — спросила я.

Он отрицательно покачал головой.

— Что? — вскрикнула я.

Парни чуть не завыли. А этот маленький поганец открыл рот, а там Белая жемчужина.

— Ах ты, паршивец, — буркнула я и отобрала жемчужину.

Мелкий только ухмыльнулся. От меня вот так пакостить научился не иначе. Жемчужину мы показали противоборствующей группе, и им ничего не оставалось, кроме как подчиниться с этого момента нам. Клятва дело серьезное. Жемчужину мы передали ректору и с самым честным видом (отдуться пришлось мне, как обычно) я сказала, что нашла её под кроватью. Ректор понятно мне не поверил, но другую версию, я отказывалась говорить.

И в день официального выпуска, случилось событие, опять выходящее за грань моего понимания. Конечно, не столь значительное, как кража жемчужины или обнаружение Грисика. Но все же. Мои волосы поменяли цвет на родной, шоколадный, который был в том мире. Сначала у меня была истерика (от счастья, жутко не нравилось быть блондинкой), а потом я ходила весь день счастливая. Меня мои ребята сначала не узнали, но потом сказали, что так мне идет больше. В конце дня я ревела, в три ручья из-за того, что нам нужно расстаться. Оказывается, Гордор едет во дворец. Я надеялась его увидеть там через пять лет. Все разъехались. И я тоже уезжала. Яромир мне сказал, что мне нужно уйти в горы и там обрести полный контроль над Тьмой. Он сказал, что я уже неплохо овладела ей, но все же не в совершенстве. Он сказал, что я смогу вообще отделять её от себя и превращать в смертельное оружие, которое ни с чем не сравнится. И я ушла.

Пять лет спустя

Всегда можно понять терял ли человек близких ему людей или нет. А знаете как? По взгляду, он иногда становится очень странным, направленный на что-то и одновременно ни на что. Человек видит окружающие его предметы, но не замечает их, потому что в это время он вспоминает родных, которых он потерял. Вспоминает минуты последней встречи или даже последние секунды их жизни. Вспоминает, и вспоминает... А знаете, что чувствует человек в эти минуты? Да практически ничего, кроме какой-то щемящей тоски, почти незаметной, но существующей.

Чувства, которые ты испытываешь, когда умирает близкий человек, не такие, как написано в книгах, которые я читала. Нет прожигающей сердца боли, нет того крика: «Не умирай, я не смогу без тебя жить», нет рыданий и стенаний в первые минуты, и даже часы, все что написано — фальшь. Первое что ты чувствуешь, это непонимание, потом приходит такая слабость, что сложно поднять руку, появляется то потухающая, то вновь зажигающаяся надежда, что человек сейчас сделает вдох. Первый, такой важный вдох. Ты думаешь, сейчас он снова задышит... сейчас... вот-вот... И тут как приговор, спокойный голос медсестры: «Пульса нет». В голове пустота. Ни единой мысли, только слабость, гнущая тебя к земле. Первый вопросы: «Что вообще происходит», «Я сплю?», «Как понять, сплю я сейчас или нет?», «Если я сплю, то очень хочу проснуться».

Тебя раздражают всхлипывающие родственники, мельтешащие туда-сюда врачи «Скорой помощи». Слез нет. Ты просто не понимаешь, что происходит, что бы заплакать. Как младенец, впервые упав, сначала осмысливает, что что-то изменилось в его ощущениях, что почему-то мама вскрикивает и бежит к нему. Значит, что-то не так. Потом до него доходит, что больно, и только потом появляются слезы. Также и здесь, слезы появляются, только когда ты видишь слезы других, когда понимаешь, что же не так. Но легче не становится, а ты с садистским удовольствием вновь и вновь накручиваешь себя. Спустя несколько часов появляется ощущение потери. Ты смотришь на прохожих и не понимаешь, как они ведут обычную жизнь, когда у тебя такое горе. Как они могут смеяться и улыбаться, когда у тебя глаза болят от слез? А потом бессонные ночи, потому что травмирована психика. Страшно, до ужаса, до дрожи, ответить на телефонный звонок и услышать, что умер еще кто-то. Почти истеричный смех, до боли в животе, потому что это тоже способ выплеснуть эмоции. Не знаешь, во что верить, потому что твой маленький мир внутри покачнулся. Что дальше с твоим любимым человеком? Рай? Ад? Бог? Ты веришь во что угодно. Черти? Призраки?оборотни? Во все. Страх по ночам, боишься открыть глаза ночью, потому что вдруг кто-то притаился в комнате.

Спустя месяцы ты вроде успокаиваешься, и тогда появляется этот странный взгляд. Воспоминания, которые иногда сопровождаются одной-двумя слезинками. Смерть меняет людей, делает их более задумчивыми. Вы спросите меня, откуда я это знаю? В восемнадцать у меня умерли мама и папа. Нет, не так, сначала мама, от инсульта, а папа не выдержал этого, у него инфаркт. Умер в моей комнате. Через девять дней после мамы. И хоть мне было восемнадцать, совершеннолетняя девушка, я не чувствовала себя взрослой. Родители обращались со мной, как с ребенком и мне это нравилось. Поэтому их потеря сильно ударила по мне. Я несколько раз хотела записаться к психологу, но вместо этого я с особым

остервенением, стала читать. Я почти проглатывала книги. Благо было лето. Не нужно было учиться. И вот тогда, я стала мечтать очутиться в какой-нибудь книге. Накатывала тоска от невозможности сего действия. Вот так.

В таких невеселых, почти философских рассуждениях проходила моя езда. Грисик прижался ладонью к моей щеке и передал мне нежность, а потом стер мою слезу. Все это время он спал у меня в кольце рук. Лошадью я управляла чарами. Ближе к вечеру, решила, что нужно поспать.

Я спешила и, расседлав лошадь, с помощью чар привязала её к себе, а потом решила, что просто хочу посидеть и полюбоваться на звезды. Я сидела так довольно-таки долгое время, пока не услышала стук копыт о дорогу. Я встала, протерла пальцами глаза, тем самым переключившись на ночное зрение, и всмотрелась в источник звука. Пять лошадей, пять всадников, маги... Тут один из них заметил меня и что-то крикнув товарищам, стал приближаться ко мне.

— Ой, какая красота и без охраны, — чуть ли не пропел он. Его глаза похотливо блеснули.

У меня уже десять лет назад прошли неконтролируемые приступы ярости, но злость на тех стражников, что остановили меня на границе, до сих пор осталось. А эти маги, так напоминали мне их. Поиграем, мальчики? Грис потер ручки. Мой малыш. Понимает. Я дождалась, пока маги подъедут ближе. Они слезли с лошадей и стали наступать на меня. Я сжалась и спросила то-о-оненьким голоском:

— Кто вы? Что вы хотите? — а теперь немного срывающимся голосом, — Что вам нужно?

— Немного развлечемся и отпустим тебя, крошка, — проорчал один из магов.

Ага, сейчас. Я вновь применила свою маленькую хитрость, что бы вызвать слезы, и закричала:

— Не-е-ет! Не трогайте меня! — попыталась убежать, меня ожидаемо перехватили и прижали к себе.

Затем козел, схвативший меня, направил свою конечность в сторону моей груди. У-у-у, мужик, я хотела немного еще поиграть, но раз вы такие напористые, то, чур, я не виновата. Я позволила тьме слиться со мной. Растаяла, вновь материализовалась за магом, и прошептала ему в ухо:

— Не ожидал, сладкий?

Маг остолбенел, остальные тоже находились в некотором шоке и ступоре. Я раскрыла ладони, и темные веревки полезли ко всем мужчинам и связали их. Это произошло в одно мгновение, поэтому маги, не успев опомниться, уже были обездвижены. Эти выродки с диким ужасом в глазах смотрели на меня. Да-а-а. Бойтесь меня, насильники несчастные! Я подошла к тому, который первый подъехал.

— Страш-ш-шно? — прошипела.

Он замычал. Я повернулась к его соседу.

— И тебе-е страш-шно?

Он тоже замычал. Я выпустила еще несколько веревок, которые завязались на горле у ублюдков. Я сжала руки в кулаки, тем самым завязав удавки сильнее.

— А вы-ы не думаете, как было бы страш-ш-шно беззащ-щ-щитной девуш-ш-шке, оказавш-шейся на моем мес-сте, тва-ари? — прошипела я снова.

Они захрипели. Я ослабила петли на их шее. Подошла к одному и, используя тьму,

приподняла его, так что бы его глаза были напротив моих.

— Вы заслуживаете самой мучительной с-с-смерти, за то, что хотели с-с-сделать, но я щ-щ-щедр-р-рая.

Я отпустила гада, и он упал, как мешок с картошкой. Я с неким трудом пробилла защиту магов, закрыла глаза, нашла опоясывающие их головы красные ниточки. Потянула за ниточки каждого, а затем стала вплетать в них свои, темные, при этом говоря слова проклятья.

— Если вы хоть раз, еще хоть раз, даже подумаете о том, что бы изнасиловать кого-то, вас сначала пронзит боль во всем теле, потом у вас начнут гнить все, ВСЕ, конечности, а потом постепенно отвалятся. Это все будет сопровождаться мучительной болью, потом из вашего тела ползут черви. Они сначала будут копошиться под кожей, а затем проедать проход наружу. Когда последний червь вылезет, вы умрете.

Я отпустила теперь уже черно-красные нити и открыла глаза. Конечно, такой вид проклятий доступен только тем, кто владеет первородной тьмой. Его нельзя снять, потому что это уже даже не как проклятье, а как установка организма. Я осмотрела мужчин. Они выглядели немного пришибленно. А я еще не закончила. Захотелось оставить им небольшой подарок-напоминание обо мне. Я подошла к одному из них, взяла его за руку, прижала к его запястью большой палец и выжгла на его коже: «Р». Я сделала так со всеми.

— Только подумайте о том, что бы меня найти и метка наградит вас просто адской болью, до потери сознания. Понятно?

Я приказала веревкам из тьмы отпустить их к утру, а сама с сожалением опять запрягла лошадь и поехала дальше. У-у-у. Козлы! Все настроение испортили!

Грис потрогал меня за плечо, посмотрела на него. Он скривил мордашку, сложил ладошки и положил на них голову, а потом отрицательно замотал головой.

— Да, Грисик! Мало того, что настроение испортили, так еще и поспать не дали!

Поздней ночью, я добралась до Дринеты (столицы Эситрена). Остановившись около первого попавшегося, более-менее приличного на взгляд постоянного двора, я вошла внутрь. Отдала деньги за комнату и прошла на второй этаж. Моя, комната под номером четыре. Открыла дверь, вошла. Все чисто и уютно. Так все, теперь спать. Я сняла свои штаны, тунику, сапоги и забралась на кровать. Счастье-то какое! Просто поспать на настоящей кровати! Через несколько минут, я уже спала.

— Нет, это мне не подходит, — категорично ответила я.

Бедная продавщица уже с отчаянием, ясно читавшимся в её глазах, показала мне последнее платье. Хм, по-моему, ничего. Да, это определенно мой фасон. Я кивнула и, взяв его, пошла примерять. Ах. Я конфетка. Платье без рукавов и бретелек облегает до талии, а дальше спадает мягкими волнами. По краям и сверху, и снизу было нашито черное кружево. Плюс, разрез до колена, также обшит кружевом. Я не знаю, как держалось это платье, потому что мало того, что оно без бретелек и рукавов, так еще и спина полностью открыта. Фактически край платья шел посередине груди, постепенно закрывал бока и сходил на сантиметр выше ягодиц. Я была в восторге. Оно весьма и весьма экстравагантное. Это платье никто не хотел брать, считали его слишком открытым и даже не пытались мерить, так сказала мне продавщица. Хотя в Эситрене довольно свободные взгляды: короткие платья, штаны, рубашки разрешаются. Купила его и черные туфельки на шпильке, также обшитые кружевом.

А собственно, зачем я платье покупаю? Так сегодня бал в честь дня рождения императора. Восемьсот двадцать лет! О как. На этом балу я предстану пред грозные императорские очи, так сказать обновленная. С покупками пошла назад на постоянный двор. Можно было бы прийти во дворец, но не хотелось. Войдя в свою комнату, я приняла ванну и стала одеваться. Платье, туфли, прическу я сделала довольно простую, зачесала волосы на бок и обвила их ниткой черного жемчуга, которую до этого купила. Грисик все суетился вокруг меня поправляя одежду то тут, то там.

— Солнце, ты же понимаешь, что я тебе взять с собой не смогу, — сказала я грустно. — Жди меня здесь.

Подкрасила глаза чернью (тушью) и, накинув плащ, вышла на улицу. Вдохнула воздух полной грудью. Да, во мне сейчас мало кто узнает Аринэлию де Эксклавайтс. Темные волосы, кожа тоже немного потемнело. Тело окончательно оформилось и стало более женственным, появились подкожные мускулы — результат долгих тренировок в спортзале. Я себе очень нравилась, а понравлюсь ли я императору? Быстро отогнала эту мысль.

До дворца практически долетела, на входе показала метку на запястье (своеобразный вид приглашения, который невозможно подделать отсылается всем приглашенным, а потом идентифицируется на входе, сообщая о тебе нужную информацию) и, отдав плащ, вошла в зал. На меня посмотрели несколько темных, оценили, а потом стали шептаться с соседями. Вследствие чего на меня оглядывалось все больше и больше темных. Ну конечно, никому не известная темная в экстравагантном наряде. Ну и пусть. Так, сначала нужно отдать дань уважения Его Императорскому Величеству. Я вдохнула, выдохнула и направилась в сторону трона. За спиной шептались, а спину просто прожигали несколько сотен взглядов. Бр-р.

А вот и император. Сердце забилось быстрее, в груди появилось томление. Подошла к трону, присела в реверансе. Отметила, что император несколько не изменился.

— Ваше Императорское Величество, — через минуту выпрямилась и встретилась глазами с императором.

Не знаю, откуда пришло осознание, но поняла, что император меня не узнал. Ой, только вопросов больше вызову, может, стоит сейчас свалить и перекантоваться где-нибудь?

— Ваше Величество, позвольте поздравить Вас с Днем Рождения и пожелать вам безоблачных лет и ясного неба над головой.

Официальное поздравление.

Потом снова присела в реверансе и, не дожидаясь реакции императора на мои слова, отошла. Чем бы себя занять? Я ни с кем не была знакома. С кем общаться? Хотя, может здесь мои мальчишки? Тут меня тронули за плечо. Я осторожно обернулась. На меня смотрел мужчина чем-то неуловимым напоминающий императора. Правда, губы более тонкие, глаза меньше и посажены глубже, телосложение более хрупкое, а волосы не черные, а скорее похожие на мои, шоколадные. Нет, мужчины разные, но все же чем-то они похожи. А! Это же... У-упс. Нет, пожалуйста, пусть я спугала его с кем-то другим. Еще раз осмотрела мужчину. Нет, все же это определенно он, Конран Риецкий, мой «папа».

— Приветствую Вас, — сказал «папочка».

— Папа, а я как рада Вас видеть, — ответила я голосом полным радости. — Как давно я с Вами не встречалась.

Мужик тормознул. Через минуту он спросил:

— Позвольте, вы меня должно быть с кем-то путаете.

Я оскорбленно ахнула.

— Как же так, отец, неужели я за эти двадцать лет так сильно изменилась. Это же я, Ринэлин.

Мужик посмотрел на меня немного ошарашено.

— Папа, я бы с удовольствием с Вами поболтала, но мне пора, позже увидимся! — сказала я, сделала реверанс и стала отходить.

Я оглянулась. Мужчина продолжал смотреть на меня. Я прикусила губу и, отвернувшись, прошествовала в противоположный конец зала за напитком. Желательно алкогольным. Я этого чуда уже пять лет не пила (попойка с горным духом не в счет). Правда, перед самым столом я остановилась. Нет, мне нужно поговорить с императором, а это делается на трезвую голову.

"А может не надо? Он нас не узнал. Поэтому, ты — птица вольная" — предложили тараканы.

"Нет, надо все же поговорить" — не согласилась с идеей я.

Император будет доступен для разговора, когда начнутся танцы. Что бы, не столкнуться еще с кем-нибудь, я ушла в самую тень, плюс, призвала тьму и наложила щит для отвода глаз. Не знаю, сколько я так простояла, но с первыми звуками рики (аналога вальса), я вышла и стала искать взглядом Тиэрэна Велецкого. Он продолжал сидеть на троне, наплевав на то, что сейчас ему полагается танцевать с какой-нибудь дамой. Я, не тратя времени даром, прошествовала к нему. Подойдя к трону, наложила полог тишины. Император посмотрел на меня.

— Вы что-то хотели, леди? — спросил он холодно.

— Ничего особенного, Ваше Величество, — усмехнулась я. — Просто хотела представиться, очевидно, вы меня забыли.

— Мне не интересно твое предложение, — сказал император, даже не посмотрев на меня.

Он подумал, что я ему себя предлагаю? Нет, я конечно не против, император просто ах... Но не так же!

— Я не собираюсь ничего предлагать вам, просто позвольте представиться.

Он махнул рукой.

— Ринэлин Риецкая, к вашим услугам, — склонилась я в реверансе.

Мужчина выпрямился, и я физически ощутила его взгляд. Я встала и посмотрела в глаза императору. В них опять было что-то. Я не могла понять что это, но я снова ощутила ту ниточку.

— Ринэлин? — переспросил он.

Я кивнула.

— Изменилась, — сказал он

Я чуть склонила голову и тихо сказала:

— Сочту за комплимент.

Тиэрэн очень внимательно смотрел на меня оценивая с ног до головы, в его глазах мелькнула что-то похожее на злость. Хм, с чего бы это?!

— Жду завтра в моем кабинете.

Я кивнула. Потом я, наконец, дошла до стола с алкоголем, а потом... Два бокала шиена (крепкого фиолетового вина) и мне очень хорошо.

— Леди, позвольте пригласить вас на танец, — спросил какой-то мужчина я присмотрелась.

Наследник лорда четвертого порядка Лирен Таринский. Хор-роший мальчик, заурчала тьма внутри меня. Я согласилась с ней. Поэтому подала Лирену руку, и мы вошли в центр зала. Ах-х-х, я люблю танцевать. Крепкие мужские руки обнимают меня за талию и... шаг, шаг, поворот, шаг, поворот, наклон, прогиб... и так весь танец. А потом заиграл такаста мотэко. Танец страсти, который танцуется исключительно в одиночестве и обычно его исполняют девушки. Волшебный танец, танцуется всего раз в год, на дне рождения императора. Беру еще бокал шиена, выпиваю и иду на площадку. Как только я вышла в центр моя одежда изменяется. Теперь я стою в чем-то вроде костюма для восточного танца. Сверху черный лиф с фиолетовыми висюльками, внизу черная юбка с фиолетовым поясом, и широким разрезом почти до этого пояса. Нитка жемчуга, которая была на волосах, тоже исчезла, поэтому ничем не удерживаемые локоны каскадом рассыпались по плечам и спине. Увидела, как выходят еще несколько девушек. На секунду в зале была абсолютная темнота, а затем появился приглушенный свет, но мы, танцовщицы, были видны. Заиграли барабаны, еще какой-то струнный инструмент и что-то наподобие флейты. Тело стало двигаться в такт музыки. А-а-ах, как я все-таки люблю танцевать. Провела руками по телу, начиная от бедер, до головы, сцепила руки на шее, при этом рисуя восьмерку бедрами. Выставляя одну ногу чуть вперед, опускаю и поднимаю бедро. Затем то же самое проделываю с другим бедром. Волна телом, наклонилась до упора вниз и резко выпрямляюсь, теперь снова волна только начиная от груди. Я двигалась и извивалась в такт музыке, на пояснице и висках выступил пот. Этот танец длинный: он танцуется двадцать минут. Музыка достигла пика и я под стать ей ускорила свои движения, но они все равно оставались страстными и манящими. Последнее движение бедрами, последний звук барабана и, снова темнота. Когда вновь зажегся свет, мы были снова одеты в свои платья. Многие мужчины были с выпученными глазами, и чуть слюни не пускали. Я рассмеялась и пошла на балкон. Тут ко мне сзади подошел какой-то стражник и сказал:

— Его Величество требует, что бы вы пошли отдыхать.

Я обернулась и снова рассмеялась. На сто процентов уверена, что мои глаза стали на секунду черными.

Стражник вздрогнул.

— Раз Его Величество тре-ебует... — многозначительно протянула я. Дошла до арки, ведущей в зал и спросила:

— А где мне, кстати, отдыхать?

— Я Вас провожу, — ответил мне страж и повел меня внутрь дворца.

С утречка я пошла в кабинет к императору. Было жутко интересно, как он отреагирует на меня, да, что скрывать, я хотела произвести на императора впечатление. Грисика, к счастью, вместе с моими вещами перенесли в выделенную мне комнату. Недовольного мелкого я оставила в комнате, не будем пока шокировать Тиэрэна (если его вообще можно шокировать). Сердце ускорило свой бег перед кабинетом. Справившись с собой я постучала и вошла. Мужчина в этот раз не сидел за столом, а стоял у окна. Когда я вошла, он оглянулся.

"Доброе утро, симпатия-яжка" — пропели гормоны.

"Ух, ща что-нибудь организуем" — потеряли ручки тараканы.

"А ну, цыц!" — рыкнул разум.

Я согласилась с последним.

— Доброе утро, Ваше Величество! — я присела в реверансе.

Император не ответил, он внимательно смотрел на меня. Я сглотнула. Почему он так смотрит? Как я со своими гормонами справляться буду?! Они мне такие, совсем не детские, сцены в мысли кидают, что аж в жар бросает.

— Ваше Величество? — на всякий случай окликнула я.

Ну мало ли, вдруг задумался, надо ж его в реальность вернуть, правильно? Император только собрался что-то сказать, как вдруг распахнулась дверь. Мы с императором с одинаковым недовольством повернулись в ее сторону.

— Ваше Величество! — влетел в кабинет какой-то мужик и бухнулся на колени. — У нас беда!

— Поднимитесь и говорите, — велел император.

— С окраины приехал Лорд второго порядка Гордор Гросский и он очень недоволен. Он требует вашей аудиенции и совсем не обращает внимания на наши слова о том, что вы, — тут, секретарь, как я поняла, покосился на меня, — что вы заняты.

Его Величество прищурил свои обворожительные глаза (я подумала обворожительные? Забудьте, это не я, это все гормоны).

— Пусть войдет!

А мне жутко интересно стало, что это за Лорд и зачем он к императору пожаловал.

— Ваше Величество, а можно я тут останусь, я в уголке посижу. Ну можно, можно, можно? Я тихо-тихо буду сидеть! — стала просить я императора, чуть не подпрыгивая на месте.

Он посмотрел на меня и только покачал головой.

— Можешь остаться.

— Ура! — я захлопала в ладоши и потопала садиться на стульчик, стоящий в уголке.

Только я устроилась на положенном мне месте, как секретарь исчез и явилось новое действующее лицо. Вы не поверите кто это был!

— Гордор! — воскликнула я, совершенно забыв о своем обещании сидеть тихо-тихо.

Друг, недовольно влетевший в кабинет, обернулся ко мне. Недовольство на его лице сменилось радостно-неверящим выражением и он вскрикнув:

— Ри! — распахнул объятья.

Я с визгом бросилась к нему. Гор обнял меня и, подняв в воздух, закружил меня.

— Я так соскучилась!

— Я тоже! Как ты тут ока...

В радостной суматохе мы совершенно забыли о кое-чем важно. Точнее кое-ком. Об императоре. А он-то про нас не забыл. В одно мгновение Гор с ужасающим грохотом был притиснут к одной стене, а я к другой, правда, без грохота, меня просто ненавязчиво так отодвинули. Император, сверкая глазами, рыкнул Гордеру:

— Вон!

И Гордер был выкинут в коридор, затем дверь захлопнулась. Я наблюдала за сим действием с широко распахнутыми глазами. Ой. Ме-е-едленно перевела взгляд на императора.

"Он в бешенстве" — констатировал разум.

"Ой-ой-ой" — заволновались тараканы.

— Ой, — пискнула я и стала незаметно, мелкими перебежками, пробираться к двери.

— Стоять, — рыкнул император.

Я замерла. Ой.

— А теперь разберемся с тобой, — сказал мужчина.

Прозвучало это как-то... садистки что ли?

— Сядь, — велел он.

Я, собрав все свое уползающее в разные стороны мужество, исполнила его приказ.

Император приблизился ко мне и наклонился, я вдавилась в спинку стула.

— Кто ты? — спросил он вдруг.

— Ринэлин Риецкая, — ответила я чуть удивленно, мы же это вчера выяснили.

— Нет, — отрезал император. — Спрошу еще раз. Кто ты?

Я опешила. Вот это поворот.

— Аринэлия де Эксклавайтс? — спросила я, не понимая, что он от меня хочет.

— Сколько у тебя братьев? — спросил он.

Что еще за проверка? Так-с, старший и младший.

— Два, — ответила я.

Император прищурился.

— А сестер?

— Три, — ответила я.

— А сколько братьев у твоего отца? — спросил он.

У-упс, об этом в книге не было написано. Елы, палы... Я прикусила губу. Что отвечать? Аринэлия это знала бы наверняка!

"Говорили же, валить надо было" — пропищали тараканы, сбившись в кучу.

— Почему же ты молчишь? — спросил император жестко. — Не знаешь?

Я молчала, только сильнее прикусила губу, ища выход.

— Поэтому я спрашиваю еще раз, и надею-сь, — это слово император особенно выделил, — получить честный ответ.

"Что делать? Что делать?" — истерично закричали тараканы в голове, половина из них уже валялись в глубоком обмороке, и не могли ничего придумать.

— Я жду.

— Я, — начала и осеклась, а потом смело взглянула в глаза императора. — С чего такие вопросы?

Немного понаглеем.

— С того, что я уверен в том, что ты мне врешь! — рыкнул император.

Ой.

— Вы думаете, что я не Аринэлия? — возмутилась я. — Да с чего вы это взяли?!

"Ну да, ты же не давала никаких поводов для подозрения" — проникся скепсисом разум.

— Давай подумаем, начнем с того, ты сбежали из Аирэноса, чего не сделала бы настоящая Аринэлия, ты говорила, что не хочешь замуж, а она грезила замужеством, твое поведение отличалось и отличается, от её поведения, ты владеешь темной магией, нет, даже лучше, тьмой, а спустя пять лет у тебя меняется и внешность. Достаточно?

Ну почему, я не постаралась вести себя, как Аринэлия? Сбежала бы и отсюда!

"Потому, что тебя бы отправили назад в Аирэнос" — ответил внутренний голос.

Я, молча, с ним согласилась.

— Так что же? — жестко спросил император, его голосом можно было бы резать сталь. — Кто ты такая?

Что же делать? Я не знаю, что мне сказать, что бы можно было все объяснить... Если я скажу, что очнулась в теле Аринэлии и не помню что со мной было, тогда не понятно откуда я многое знаю о мире и Аринэлии. О, придумала!

— Я очнулась в теле Аринэлии. Не помню, что было до этого. Я изобразила амн... — запнулась, — потерю памяти и стала расспрашивать обо всем Трайниэля и стражников.

— Допустим, а как ты узнала, как я выгляжу? Как ты подстроила свою смерть? Как дошла до границы с темными? Почему решила не смотреть на Аирэнос, а сбежать? Почему тебе не понравился Трайниэль, ты только его увидела? Как ты ушла не замеченной? Откуда ты знала как себя нужно вести? Откуда знала про нашу иерархию? Это только первая часть вопросов, — грозно сказал повелитель.

Я сглотнула. Что говорить-то? Я сама толком ничего не знаю. Александр обещал, что знания сами появятся в голове, но они не появлялись. А-а-а. Что же говорить? Вздохнула и слова полились сами собою. Как читала книгу, как потом очутилась в ней и как провернула свое побег, рассказала все до момента встречи с императором.

— Что ж, не ожидал.

Он отвернулся. Наверное, у него шок. М-да, узнать, что твой мир, то ли просто роман для девушек, то ли что-то совершенно непонятное, тяжело.

— Ваше Величество, — позвала я.

Он не ответил. Я встала и пошла к нему.

— Ваше Величество, я понимаю, что... — начала я.

Вот зачем, спрашивается, полезла? Император обернулся ко мне.

— Понимаеш-шь? Ш-ш-што ты понимаеш-шь? — прошипел он.

Не знаю почему, но страшно мне не было, хоть император и возвышался надо мной, почти на полторы головы и, не контролировал себя, так как в нем проявилась Тьма.

— Понимаю, что вам тяжело узнать такое, — спокойно ответила я. — Это невероятно. Но Александр обещал, что все разъяснит. Скорее всего, этот мир реален. Иначе, я не смогла бы изменить события.

Император, прищурившись, смотрел на меня.

— Ничего ты не понимаеш-шь, — устало прошипел он и снова отвернулся к окну.

— Ваше Величество, — снова позвала я. — Что же Вас беспокоит, если не это?

— Тьма, — пробормотал он.

Не поняла, в смысле тьма?

— Я, — начала.

— Не понимаешь? — закончил за меня император.

Я кивнула. Он развернулся ко мне, взял за плечи и наклонился.

— Как ты думаешь-ш-шь, почему у меня нет ж-ж-жены? — спросил меня император.

Я хлопнула глазами пару раз. Нельзя так резко тему менять. Я-то откуда знаю?

— Тьма должна принять избранницу, а иначе она её убьёт. А теперь подумай, кого выбрала, не просто приняла, а именно сама выбрала моя Тьма?

В голове мелькнула догадка, но я её сразу же отмела в сторону, потому что так просто не может быть.

— Кого? — спросила я охрипшим голосом.

— Тебя! — рявкнул император.

Вторая половина тараканов грохнулась в обморок. Все, фенита ля комедия. Мозг отключился. Император отпустил меня отошел и, отвернувшись, уперся руками о стол.

— Я сопротивлялся, — пробормотал будто сам себе мужчина. — Думал, отошлю тебя и дело с концом, но нет!

Он швырнул стол в стену. Я вздрогнула. Его стала окутывать Тьма. О не-ет, это плохо! Я осторожно подошла к нему. Дотронулась до его Тьму своей.

— Солнышко, давай, мы с тобой потом поиграем, а пока немного не время, — попросила я с дрожью в голосе.

«Моя» — мурлыкнула Тьма у меня в голове, а потом впиталась в тело правителя.

Я не знала, что делать. Император часто и прерывисто дышал.

— Уйди, — тихо сказал он.

Я понимаю, такому сильному мужчине тяжело, когда выставляется наружу его слабость.

— Но... — начала я.

— Вон!

Я отошла к двери. Нет, я так не могу. Развернулась.

— Ваше...

Меня притиснули к стене большим и горячим телом. Император склонился и прошептал мне на ухо.

— Я же тебе сказал, уйди.

Я повернула голову в его сторону и губы правителя прошлись по моей щеке. Я смотрела в черные глаза Его Величества и понимала, что я его хочу. Тьма внутри меня завозилась и прошептала: «Вкус-с-сный». Я с ней согласилась. Не отрываясь, я все смотрела и смотрела, будто желая что-то увидеть. А потом он меня поцеловал. Резко, жестко, он кусал мои губы и тут же зализывал боль. О-о-о да-а. Как раз так, как я люблю!

— Моя! — рыкнул он.

— Да-а-а...

Вся твоя, мой хороший. Я сжала его волосы на затылке, побуждая продолжать и не останавливаться. Он опустил руку мне на ягодицу и теснее прижал к себе. Я ощутила его желание. М-м-м. Двадцать один год без секса это серьезно! Поэтому я была уже возбуждена. Другой рукой я стала водить по его груди, ища пуговицы, завязки, да что угодно! Не нашла... Император, нет... Тиэрэн стал целовать мою шею, постепенно спускаясь к груди. Я застонала. Он волшебни-и-ик! В одно мгновение мужчина порвал мою рубашку, я чуть отстранила его и, не церемонясь, так же поступила с его одеждой. Тиэрэн прижал меня к себе, снова целуя. Нас окутала тьма и мы оказались в спальне. Не имею ни малейшего представления в чьей. Меня опустили на кровать, сорвали с меня сапоги, и штаны, а потом...

А-а-х, конечно, снова, было больно. Все же, Аринэлия была девушкой, но боль на удивление быстро прошла и оставшийся день и всю ночь, мне доказывали, что император хоть и восьмисотлетний, но еще ого-го какой мужчина

Открывать глаза не хотелось, в теле была приятная усталость. Вокруг было темно. М-м. Почувствовала, что меня кто-то обнимает сзади. События прошлой ночи и вечера накрыли с головой. У-у-упс! Я открыла глаза и попыталась сесть, но мне не дали прижав к себе. Елки палки. Я переспала с императором. А-а-а.

Я осторожно выползла из крепких объятий. Хотелось просто завыть. Что же я натворила-то?! Посмотрела на Тиэрэна. Он спал, сжав своими крепкими мускулистыми руками белоснежную подушку.

«Губы прокладывают дорожку поцелуев от груди к животу, и с каждым поцелуем слышу: «Моя»

Помотала головой. Но память с убийственным педантизмом воспроизводила воспоминания ночи.

«Изгибаюсь в сильных руках, шершавая кисть блуждает по моему бедру»

Нет, все забыли. За-бы-ли! Лихорадочно оглядываюсь в поисках одежды. А её, собственно говоря, и нет. Есть только рубашка императора. Бли-ин. Быстро накинула её на плечи и стала лихорадочно застегивать пуговички. А-а-а.

Что делать? Что делать-то? — тараканы, только-только пришедшие в себя, суматошно носились по моей голове, ища пути отступления.

— Ри... — раздался голос с кровати.

Я замерла и сжалась, как кролик перед удавом. Боясь повернуться, заговорить, да и вообще пошевелиться.

— Ри? — позвал император.

Я по-тихому натянула сапоги, нашла пояс, затянула его на талии и выскочила за дверь. К черту репутация, нервы дороже. Оказалась в холе. Куда идти-то?! Та-ак. Дворец. Два крыла. Левое — гостевое. Правое — императорское. Значит, идем налево. В общем, я все-таки вышла в главный зал. Сломая голову, я побежала в выделенные мне апартаменты. Ворвавшись внутрь, захлопнула за собой дверь, прислонилась к ней спиной и заревела. Первый раз за двадцать лет. Грисик подошел ко мне и погладил меня по плечу.

Что ты наделала?! — бился в истерическом припадке рассудок.

Что буде-е-ет?! — суетились тараканы.

Филей удовлетворенно ухмылялся и приговаривал: «Так, так, все интереснее и интереснее».

— У-у-у, — выла я.

Грис крутился рядом со мной, подходил то справа, то слева, то гладил по голове, то тряс за плечо, то хлестал по щекам, то приносил воды. Бедный, не знает, что со мной и на всякий случай стал пробовать все средства. Из меня вырвался смешок. Потом тихий смех, с каждой секундой набирающий обороты и звук и вот я уже валяюсь на полу, смеюсь и вытираю слезы. Госпожа Истерика прибыла, получите, распишитесь. В результате Грисик дал мне сильную пощечину, и я пришла в себя. Фух. Он посмотрел мне в глаза и сложил руки на груди, выражая неудовольствие, что он до сих пор ничего не знает и не понимает.

— Я с ним переспала, — прошептала я.

Грисик заинтересовано потер ручки и наклонился ближе.

— Ах ты, пошляк! — возмутилась я, и дала подзатыльник мелкому.

Он возмущенно посмотрел на меня, будто говоря: «Нет, значит, переспала с кем-то ты, а подзатыльники поучай я!».

— С императором, с кем, с кем... — пробурчала я.

И без того большие глаза Грисика стали почти во все лицо, он на ощупь подошел к стеночке и сел. Вот так мы и сидели: я с задумчиво-обреченным видом и Грис с выражением крайнего шока на лице.

— М-да-а, — протянула я.

Грис согласно потер затылок.

Тараканы тоже призадумались.

— М-да-а-а, — снова я.

Тут Грис вскочил и полетел к моим не распакованным чемоданом. Открыл один и стал что-то искать, выкидывая на пол ненужное. Выкинув все вещи из одного, перешел к другому, а найдя, исполнил какой-то дикий, первобытный танец. Он подлетел ко мне и бросил мне на руки черные плотные облегающие кожаные штаны, почти прозрачную блузку без рукавов цвета пудры и туфельки на шпильке, обшитые тканью, также цвета пудры. Я в шоке посмотрела на Грису. Он закатил глаза, опустил на пол, положил одну руку на бедро, другой поправил несуществующую прическу и ппродифилировал походочкой от бедра, хлопая глазками. Он издевается?

— Ты хочешь, чтобы я снова соблазнила императора? Попыталась очаровать?

Он закивал. Я подтянула колени к груди и покачала головой. Он наклонил голову как бы спрашивая: «Почему?». Положила щеку на колени.

— Я... я тебе не рассказывала, но меня очень часто предавали. Я боюсь довериться, кому бы то не было. И уж тем более боюсь влюбиться. Не считаю, что случайная влюбленность — хорошо. Ты ведь совершенно обнажен и незащищен перед человеком в моральном плане. Уязвим. Зависим. Не хочу быть зависимой от человека, в котором я не уверена. И знаешь, если я буду очаровывать императора, то имею все шансы в него влюбиться. Нет ничего хуже, чем влюбленность в незнакомца.

Грис погладил меня по плечу.

— Не утешай меня, я просто этого боюсь, мне сердце никто не разбивал. Я просо не могла полностью довериться парням, с которыми встречалась. Чувствуя признаки влюбленности, старалась отдаляться.

Я встала и пошла принимать ванную. Касаясь своей кожи, сразу вспоминала ночь. Гнала от себя эти воспоминания прочь. Да что же это такое? Меня не покидало внутреннее возбуждение. Предчувствие, ожидание. А-а-а. Вошла в комнату, взяла платье, лежащее на кровати. Надела, высушила волосы, собрала их в пучок. Как-то механически. Боги этого мира, помогите мне не влюбиться в императора! Хотя бы не сразу.

Вышла, пошла, не знаю куда. Вдруг услышала, как меня позвали. Кто это еще? Нахмурилась, обернулась.

— Ринэлька! Что своих уже не признаешь?! — возмущенно кричал Гордор, стоящий от меня в метрах пяти.

Я секунд десять тупо на него таращилась.

— А это ты, Гор, — я махнула рукой.

Гордор улыбнулся во все тридцать два и подошел ко мне. Потом прищурил глаза.

— А что это у тебя глаза зареванные? — спросил он подозрительно.

Я вяло отмахнулась. Гордор смотрел на меня еще секунд десять, а потом застыл.

— Ты чего? — буркнула я.

— Ринэль, ты... ты... ты что с императором?! — воскликнул он вдруг.

Я потерла ухо, от его крика мои бедные ушки заложило.

— Ну, что ты орешь? — нахмурилась я, а потом прибавила. — И вообще, с чего ты взял?

Гордор как-то сразу успокоился и приобнял меня за плечи.

— Да-а, понимаешь, слухи тут всякие ходят...

Я внутренне напряглась.

— Что за слухи? — спросила, изображая живейшей и невиннейшее любопытство.

— Появилась тут девченка лет двадцать назад, побыла-то здесь всего ничего: день-два отсылы. Да зацепила чем-то она императора. Все носился эти два с ней, как гимиар с яйцом, а потом, когда она исчезла, совсем с ума сошел.

Я сглотнула. Может это не обо мне? Я че-то не припоминаю, что бы император со мной "носился".

— В смысле с ума сошел?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да, у него, итак, характер был не айс, знаешь ли, а после нее в конец испортился. Ходит все время угрюмый, на всех огрызается. Ты не замечала, что тут слуги немного пришибленные и ходят на цыпочках, нет?

Я покачала головой.

— И любовницы у него за эти двадцать лет никто не видел. Ну вот я и подумал. Ты к нам двадцать лет назад пришла сразу на эктро граду, о себе мало, что рассказывала, да и вчера в кабинете император вел себя странно, — продолжил Гордор.

"Писец" — сказал разум и пошел за валерианкой.

"Ой, весело-то ка-ак!" — обрадовалась пятая точка.

Тараканы молчали, они думу думали.

Это что получается? Император в меня вроде как... влюблен? Я сглотнула.

"Валим!" — хором крикнули тараканы.

Меня пугает моя влюбленность. Но в еще больший ужас меня ввергает влюбленность в меня, особенно когда я ответных чувств не испытываю. О-о-й! Что делать?! Нет, Тиэрэн, конечно, просто ах... Но его хара-актер... М-да.

— Ринэлин, ты чего такая пришибленная? — удивился Гор.

— Я? Я ничего... — ответила я невозмутимо, тем временем, приподнимая подол платья и готовясь делать ноги. Пошло оно все нафиг! Я свободный гражданин в фэнтэзийной стране! Но тут голос подала моя Тьма:

"Не-ет. — прошипела она у меня голове. — Не убегает от с-с-себя-я. Он тебе-е нравитс-ся"

Это тебе он нравится!

"Я — это ты-ы"

У-у-у.

— Ри! — прогремел новый голос.

У-у-у. Я вжала голову в плечи и метнулась за плечи, ничего не успевшего понять, Гордора. Император стоял посреди коридора и казался внешне спокойным. Только я заметила, что руки сложенные на груди были напряжены, а глаза были черными.

— Здравствуйте, Ваше Величество, — пискнула я из-за спины Гордора, который, наверное, был немного в шоке, потому что только спустя минуту наклонился и поздоровался

с императором.

— Лорд Гросский отойдите от леди, — велел император.

— А... — начал Гордор.

Глаза императора полыхнули чем-то нереально могущественным и Гордор... исчез. Просто пуф! И нет его. Я перевела ошалелый взгляд на Тиэрэна. Он посмотрел на меня.

— Ри, подойди.

"Валим!" — истерично орали тараканы.

Я осторожно подошла к Его Величеству. Он быстро прижал меня к себе, нас окутала тьма, и мы оказались в кабинете императора.

— Попалас-сь, — прошипел мне на ухо Тиэрэн.

Я сглотнула. Ой.

"Теперь уже не свалишь" — вздохнули тараканы и упали в обморок.

— Итак, — начал император на удивление спокойным голосом, я даже удивилась. — Что у тебя с ним?

"Рано обрадовалась" — ехидненько протянул мозг и сложил ручки на груди.

Тараканы опять молчали, они лихорадочно обдумывали ситуацию. Достается им в последнее время, бедненьким!

— С-с к-кем? — проблеяла я.

Почувствовала, как объятия усиливаются. Так, понятно, уровень ревности растет.

— А у тебя еще кто-то ес-с-сть? — прошипел император, все еще не пытаясь встать ко мне лицом.

"Нужно его сначала успокоить, а потом беседу вести" — внес свою лепту разум.

"И мы да-а-аже зна-аем ка-а-ак!" — пропели тараканы.

Я с ними согласилась. Тьма мурлыкнула. Я разворачиваюсь в кольце рук императора, встаю на носочки, закидываю руки ему на шею и легко касаюсь губами его губ, а потом тихо шепчу:

— У меня никого нет. Гор... — подумала, что не стоит его называть сокращенным именем, — ...дор мне просто друг.

И в подтверждение своих слов еще раз целую Тиэрэна. Сделать и этот поцелуй легким и ненавязчивым мне не дали и наглым образом углубили его. Рука императора начала несанкционированные действия на захваченной территории и поползла со спины вниз.

Так, нужно прекращать все это, а то я еще в своих чувствах не разобралась, а меня опять к интиму склоняют (опустим тот момент, что я против этого самого интима ничего не имею, аргументы против него выдвигает мой разум).

Я резко отстранилась от губ императора и заглянула в его глаза, они горели страстью и были абсолютно черными.

— Рэн? — позвала я его.

Он вздрогнул, стиснул зубы и зажмурил глаза, крепче прижимая к себе, буквально вдавливая мое тело в свое. Тиэрэн уткнулся носом мне в волосы и стал глубоко дышать.

Что происходит?! На всякий случай стала гладить его по голове. Ну мало ли?!

— Рэн? — снова позвала я.

В следующую минуту в мои губы снова впились страстным поцелуем и... ну... м-м-м... через неопределенное количество времени Рэн сидел на столе, я на нем, он перебирал рукой мои волосы. Это, похоже его успокаивало. Я крепко прижималась к императору, наши разгоряченные тела после... м-м... активных упражнений, будем это так называть, стали остывать и я немного мерзла, поэтому искала тепла у Рэна. Оглядела кучку тряпочек, когда-то бывшую моим платьем и его костюмом. Вздохнула.

— О чем ты думаешь? — вдруг спросил он.

— Ничто не вечно, — философски протянула я и посмотрела на Рэна. Он на меня.

— Ты замерзла, — сказал император, поднял меня на руки и встал со стола.

Нас поглотила Тьма и мы оказались в моей комнате. Грисик подскочил на кровати и посмотрел на нас.

— Откуда он у тебя? — спросил император кивнув на мелкого.

— Грисик, а ну быстро глаза закрыл! — приказала я.

Грис засмеялся и демонстративно прикрыл глаза рукой.

— Ри, ему все-равно голая ты или нет, — поучительно сказал император, а затем низко произнес, — а вот мне нет.

Сразу стало жарко.

— Я забочусь об его моральном облике! — буркнула я.

Император поставил меня на пол и, приказав одеваться, исчез. Грис тут же убрал руку от глаз и изобразил мини пантомиму, говорящую "ну вот, отнекивалась от моей идеи соблазнения, а сама... Эх ты!", и хулиганско-заговорщическая улыбка. Я шикнула на него и стала искать, что же мне надеть. Когда явился Тиэрэн, я была в платье с неглубоким декольте, длиной до колена, но зато с низким, на грани приличия, вырезом на спине.

— Что это?!

— Платье, — ответила я довольно и покружилась. — Нравится?

Глаза императора потемнели.

— Да, — мрачно ответил он. — Поэтому ты в этом никуда не пойдешь!

Я захлопала глазами.

"Эт че за дискриминация?" — возмутились тараканы.

Разум помалкивал, на то он и разум, чтобы знать когда нужно помолчать.

— В смысле?!

— В прямом! — рявкнул император и наглым образом стал рыться в моих чемоданах.

Тараканы разделились на две группы. Одни были за истерику, другие за скандал. Разум мудро сказал, о том, что лучше помолчать. Попа довольно хихикала.

Я же была в некотором шоке. Меня ни разу ни в чем не ограничивали! Император перестал швыряться в моих вещах и достал... ну... самое правильное будет назвать это балахоном.

— Вот, надень, — и это нечто полетело в меня.

Я оторопело поймала вещь, потом рассмотрела ее на вытянутых руках и категорично заявила:

— Я это не надену!

— Наденешь! — безапелляционно ответил император. — Или это, или ты остаешься в комнате и никуда не выходишь.

Тут его глаза блеснули.

— Если хочешь, я с удовольствием составлю тебе компанию.

Я поджала губы. Внутри все клокотало от раздражения. Раньше, читая фэнтэзийные книги, всегда не понимала главных героинь, которым не нравились мужчины-узурпаторы. Ну что им еще надо, не мужчина, а мечта! И вот сейчас я их прекрасно понимала!

Тараканчики, умнички мои, подкинули мне в голову гениальнейший план. Попа снова потеряла ручки. А я успокоилась.

— Если я надену вот это, ты не заставишь больше меня переодеваться? — спросила я.

Тиэрэн кивнул.

— Обещаешь?

Опять кивок. Я широко улыбнулась, подлетела к Тиэрэну, чмокнула его в щеку и убежала в ванную переодеваться.

Нет, вы сейчас не подумайте, что я намочила платье и сослалась на то, что не смогу надеть мокрое, также даже не думайте, что я изрезала этот балахон. Нет! Боже вас упаси! Я, как самая послушная девочка, надела платье. Правда, никто же не говорил о том, что мне

нельзя его чуть-чуть подкорректировать, правда же?! Черное нечто я превратила в чуть свободное платье, которое лишь намекало на все приятные округлости и изгибы, но при этом смотрела очень соблазнительно. Довольная собой я вышла из ванны. Император скрипнул зубами. Я лучезарно улыбнулась.

Тут же Тиэрэн оказался рядом со мной и я получила... да... шлепок по попе. Я вскрикнула.

— За самоуправство, — оповестил меня Рэн, и обняв за талию переместил нас к дверям в столовую. Открылась дверь, и мы вошли. Все придворные как раз собрались. Я замаялась на входе. Тиэрэн оглянулся. Потом взял меня за руку и повел к вершине стола (во дворце стол многоэтажный, чем выше сидишь, тем выше положение, на самой вершине сидит император и члены его семьи, ниже Лорды первого порядка и так далее).

Мужчина посадил меня рядом со мной. Я аж немного офигела — все-таки я не его жена. Надо заметить офигела не я одна. На нас косились с нижних этажей, слышались перешептывания, ощущались косые взгляды. Какая-то особенно «смелая» дама сказала довольно громко:

— Вот же выскочка! Приехала не поймешь, откуда, прыгнула в постель к императору, а теперь и в императрицы метит.

Я постаралась не обращать внимания, все таки и правда такое резкое возвышение не может не вызывать вопросов и пересудов. Но у императора на этот счет другое мнение, как оказалось...

В ту же секунду как дама закончила свою мини-речь, её что-то стало душить.

— Смеете сомневаться в верности выбора своего императора? — спросил Тиэрэн очень спокойно.

— Нет, — прохрипела женщина. — Простите, Ваше Величество.

Душить её перестали. Не знаю, что на моем месте почувствовала бы другая... Я почувствовала крышесносящее желание. Заступился за меня. Я улыбнулась, и посмотрел на мужчину. Он тоже смотрел на меня. Та нить между нами будто усилилась, уплотнилась. Момент разрушил какой-то мужчина, ворвавшийся в зал.

— Ваше Величество!

Император сразу встал и пошел вон из зала. Дела, дела...

Я доела свой завтрак и решила пойти поупражняться в саду. Забежала в комнату переоделась в штаны, тунику и сапожки, взяла шест и побежала на улицу.

В саду создала шесть своих копий. Они окружили меня. Пять, четыре — отсчитывала я про себя. Два, поехали! Приняла боевую стойку, и клоны тут же кинулись на меня. Шаг назад, удар, блок, блок, поворот, блок, блок, ага, открыта, удар. Удар, боевой шар, блок, блок, шар. Одна есть. Прогибаюсь, прыжок. Вливаю первородную Тьму в шест, теперь он длиннее и куда смертоноснее. Две есть. Так, а теперь самое сложное. Блок, блок, удар, блок, удар, удар. Есть десять секунд. Расставила ноги, развела руки, прогнулась в спине. Через грудь выпустила смертоносную истинную Тьму, резкий рывок вперед и снова в меня. Все. Вытерла пот со лба.

— Ринэлин, — услышала я справа от себя.

На автомате развернулась и замахнулась шестом.

— Спокойно, — сказал Гордор. — Так ты что все-таки с императором?

Я вспомнила неадекватное поведение Рэна, посоветовалась с мозгом и выдала:

— Отойди, пожалуйста, метров на двадцать.

— Ты чего? — почти обиженно спросил Гор. — Не хочешь, не общайся.

— Хочу, но если император увидит. Тебе же и будет плохо.

— Че-его? — уставился на меня парень.

М-да. На всякий случай отошла сама.

— Гор, если император увидит тебя рядом со мной, будет очень нехорошо нам обоим, андерстенд?

Гор кивнул, постоял еще немного, а потом ушел.

Вот интересно, где сейчас Рэн? В кабинете? Может пойти к нему. Но будет ли это навязчивым? Может, пойти к нему, под предлогом того, что мне нужна работа... А может. Так стоп! Ну, я же... Нет! Ну, блин.

Создала еще десять клонов и снова и снова создавала, по мере того, как убивала их. Черт! Черт, черт, черт! Неожиданно меня сзади обхватили и подняли вверх.

— Ринэлька! — услышала я радостно-неверящий голос.

Зарат. Елы-палы. Шибанула его шестом по ногам, он отпустил меня, и я отлетела от него метров на пять. Фуф.

— Привет, Зарат! — сказала я тихо. И отошла еще на пять метров.

— Ри, чего дерешься? — возмутился он, прыгая на одной ноге, а другую придерживая руками. Ударила-то я знатно. А нечего меня хватать.

— А чего ты сразу обниматься лезешь? — так же возмутилась я и выставила шест перед нами.

— Да ладно тебе! Пять лет не виделись!

Ну да, логично.

Я стала оглядываться и прикидывать вероятности того, что эту картину увидел Тиэрэн. Вроде не должен увидеть.

— Зар, прости, я занята, потом поговорим! — крикнула я и, сломя голову, понеслась во дворец.

О'кей, гугл, как объяснить одному ревнивцу, что в университете я общалась только с парнями, а значит у меня достаточно друзей-мужчин? Бли-и-ин.

Забегала в свою комнату и упала на кровать. Через минуту по моей голове постучали пальцем. Перевернулась на спину. Грисик сложил руки на груди и притопывал одной ножкой по покрывалу.

— Я встретила Зара, — оповестила я любимца.

Он сделал круговое движение рукой, показывая продолжать объяснять суть проблемы.

— Он меня обнял.

Он снова повторил круговое движение.

— Он! Меня! Обнял! А Рэн ревнует! А я не знаю, как к этому относиться! И вообще, как к нему относиться!

Грисик прикрыл глаза рукой и покачал головой, говоря этим: «Ты безнадежна».

Я полежала еще немного, а потом все-таки решила навестить императора. Просто потому что... захотелось!

Перед дверью остановилась, стучаться или нет? Решила. Без стука открыла дверь и вошла. Рэн сидел за столом и что-то писал. Услышав звук, поднял голову, а увидев меня, улыбнулся.

Он улыбнулся. Я замерла. Первый раз вижу, как он улыбается. Лицо преобразилось, стало более живым. Завороженно смотрю на него.

— Что? — спросил Рэн.

Я осторожно закрыла дверь, подошла к нему и чмокнула в щеку.

— Мне нравится, когда ты улыбаешься.

Он повернул голову и поцеловал меня. Через минуту, я отстранилась и села на кресло.

Осмотрелась, мне нравилась обстановка. Решила начать разговор.

— Тебя сегодня так срочно вызвали... что-то серьезное? — спросила я.

Император вздохнул.

— Нет, но к нам приезжает делегация из Аирэноса.

Поня-ятно.

— С какой целью?

— Для налаживания экономических связей, вернее всего.

Я посмотрела на него.

— Тебя это беспокоит?

Рэн встал, обошел стол, поднял меня, сел на мое место и, усадив меня на колени, уткнулся в мои волосы.

— А тебя это беспокоит? — спросил он.

— Ничуть, — не задумываясь, ответила я. — А должно?

— В составе делегации будет Трайниэль де Робирот.

— Угу.

— С женой...

Мелодрама женился? Вот это да... Хотя ничего удивительного.

— Может, это беспокоит тебя? — спросила я, подняв голову. Император сжал челюсти.

— Рэн, я испытываю стойкое отвращение к Трайниэлю де Робироту. Мне он глубоко противен.

Он поцеловал меня. Мы еще немного поболтали, а затем я ушла, сказав, что ему нужно работать. Снова пошла в сад, на этот раз, захватив с собой Грисика.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила я.

Он закивал.

— Почему же ты постоянно сидишь в комнате?

Он пожал плечами.

— В последнее время я уделяю тебе мало внимания, прости.

Он махнул рукой мол, забыто.

— Знаешь, мне кажется, я начинаю в него влюбляться...

Или уже — сказала Тьма внутри. Грис хлопнул меня по плечу.

— Грисик, ведь ты же знаешь, что я тебя люблю? — спросила я мелкого, сжав его в объятиях.

Он обнял меня и прижав руку к щеке передал нежность.

Оставшуюся часть дня мы провели с Грисиком в саду. Вечером, идя по коридору, я пыталась решить, где же мне ложиться спать. У себя или у императора? Лягу лучше у себя, не хочу навязываться.

Легла в кровать, закрыла глаза. Все, спим. Но я не могла уснуть, то кровать казалась мне слишком жесткой, то будто на простыне какие-то крошки. Спустя час на меня нашло состояние полудремы. Когда ты и не спишь и уже не бодрствуешь. В таком состоянии почувствовала, как меня подняли, прижали к себе, снова опустили на кровать, правда, уже другую, раздели. Потом, почувствовала, как ко мне прижалось горячее тело. Удовлетворенно

выдохнула. Уткнулась в мужскую грудь и засопела.

Что за чудо свалилось мне на голову? Маленькое, неуловимое, красивое чудо. Я смотрю на неё и не могу понять, чем же я заслужил такой подарок. Ри лежит на боку, уткнувшись мне в грудь, а я не мог заставить себя ее не касаться. Я не мог отрвать рук от ее волос, то как они словно шелк скользят по моим рукам — завораживает, не мог перестать целовать ее кожу. Ее запах и вкус сводят меня с ума.

Малышка вздохнула и чуть повернула голову, при этом приоткрыв губы. А я чувствовала себя в этот момент помешанным. Помешанным на ней. Помню я всегда удивлялся, читая дневники моих предков. То как они описывали свои чувства к женщине выбранной Тьмой, казалось мне нереальным. Смешным. Надуманным. Приувеличенным. Как я ошибся! Я не могу удержать себя подальше от неё. Каждый раз, уходя, я чувствую невероятную потребность вернуться снова.

Провел костяшками пальцев по ее щеке, Ри вздохнула. Улыбнулся, маленькая всегда реагирует на прикосновения одиноково.

Прошла неделя, наполненная вечными примерками, подготовками, приготовлениями к приезду делегации. В эти дни я почти не видел Ри, что невероятно злило меня. Создавалось впечатление, что все стремятся спрятать ее от меня.

Нахмурился. Вспомнил ее друзей. Как же меня это раздражает: вечные плотоядные взгляды в ее сторону, панибратства. Она. Моя. Точка! Никому не позволю ее касаться! Зарылся лицом в ее волосы и крепче прижал к себе ее тело. Маленькая еще не осознает своих чувств, думает, что это игра. Только никуда она от меня не денется. Во-первых, я ее просто не отпущу, а во-вторых... Усмехнулся. Интересно, как она на это отреагирует?

— Рэн, — услышал я ее сонный голос. Посмотрел на нее.

— Да?

Она улыбнулась мягко, нежно. Обняла меня за шею и тихо сказала.

— Спи давай, завтра важный день.

Ри стала гладить меня по голове, если бы только она знала, как мне это нравится. Я закрыл глаза, сознание стало уплывать, окуженное ее запахом.

Итак, наступил тот день, которого так ждали мои подданные. Сегоднян приезжают Светлые. Ри не в восторге от этого, что уже настраивает меня к этим гуманистам отрицательно.

Я закончил одеваться и вышел в будуар. Ри еще не было. Не дай Бог она не послушается меня и оденет что-то открытое, мой вечер превратиться в кошмар, если на нее постоянно будут глазеть мужчины. Дверь открылась, и маленькая вышла ко мне. Критически осмотрел ее, она была в накидке, закрывающей целиком все платье. Что ж, если под ней будет, то что мне не понравится, или слишком понравится, Ри грозит проходить весь прием в этой самой накидке, надеюсь, она осознает это.

— Рэн, — прошептала она и ее глаза вспыхнули, она подошла ко мне и, обхватив руки шею прижалась губами к моим губам. С огнем играет. Тут же мои руки оказались на ее талии, во мне вспыхнуло желание. Малышка застонала. Боже, это самый приятный звук, который мне доводилось слышать.

— Осторожнее с ласками, а то ведь и не пойдем не куда, — шепнул я ей.

Малышка, как с цепи сорвалась и стала целовать еще более жаростно. Вот паршивка, неужели не понимает, что сводит меня с ума. Отстранился и строго посмотрел на нее.

— Пойдем.

За прошедшую неделю я... Нет, не влюбилась в императора. Просто... свыклась с мыслью о том, что сейчас я целиком и полностью принадлежу Рэну. Мне безумно нравилась его ревность. И то, что он успокаивался стоило лишь мне произнести: «Твоя». Я улыбнулась.

И вот настал этот день. Я не то, чтобы его не хотела... Просто не ждала от него ничего хорошего. Надела на шею кольцо из белого золота и черного турмалина. Снова окинула свое отражение критическим взглядом. Безупречно. Пышное платье с открытыми плечами, без рукавов, шнуровкой на спине, с черным чехлом и серебристой тканью сверху. Самый открытый наряд, который я надела за последнюю неделю. Грисик подхихикивал и взбивал мне платье сзади. Это платье Тиэрэн просто не видел. Может зря я конечно. Но он меня опять упакует в какой-нибудь пуританский неприметный костюмчик. Я же хочу, чтобы моему мужчине завидовали. Волосы забраны в высокую прическу. Лишь несколько прядок обрамляют лицо. Фух. Кто-нибудь помогите мне выдержать бой за это платье. Накинула на плечи фиолетовую накидку до пола, закрывающую платье. Так, я выиграю время. С приема уходить невежливо. Хотя... От императора всего можно ожидать... Грис помахал мне ручкой, я послала ему воздушный поцелуй и вышла в наш общий будуар (кстати, император переселили меня в соседние покои). Тиэрэн стоял уже там. В черном камзоле, брюках, сапогах и серебристой рубашке он был великолепен. Волосы он не убрал. Я просто тащила, когда он не забирал волосы, и он знал об этом. На голове его была корона с какими-то черными камнями.

Подошла к нему, приподнялась на носочки, обхватила его за шею, наклонила к себе и крепко и жестко поцеловала. В то же мгновение была притиснута к стене.

— Осторожнее с ласками, а то ведь и не пойдем не куда, — прошептали мне в ухо.

Я прониклась. Идти куда-либо перехотелось окончательно, и я снова прижалась своими губами к его.

Он ответил на поцелуй, но тут же отстранился и строго посмотрел на меня.

— Пойдем.

Я вздохнула, вытащила руки из его волос. Тут Тиэрэн надел мне на голову, непонятно откуда взявшуюся, тиару. Как я успела заметить также с какими-то черными камнями, мой турмалин подходил к ним. Потрогала новое украшение, быстро чмокнула Рэна, а затем приняла руку Его Величества.

— Что за платье ты надела? — спросил как бы между прочим Рэн.

— Тебе понравится, — пообещала я.

Он прищурился, но мы уже подошли к Тронному залу. Я, собираясь отцепиться, стала вынимать ладонь из захвата Рэна, но он не отпустил.

— Куда?

— Ну, как же... — растерялась я.

Этикет в универе нам вдолбили хорошо. Вместе с императором может входить только его семья. Фаворитки, насколько они бы не были приближены, не могут войти в залу рядом (а уж тем более под руку!) с императором. А я была просто фавориткой, любовницей.

— Ты идешь со мной, — бескомпромиссно сказал император.

Ла-адно.

— Может ты хотя бы ПОД руку, а не ЗА руку возьмешь? — предложила я безнадежно.

Он чуть приподнял подбородок. Сие действие означает: НЕТ! Ла-адно.

— Его Императорское Величество Тиэрэн Велецкий! — провозгласил церемониймейстер.

Я по быстрому скинула с плеч накидку и подала лакею. Тиэрэн окинул меня взглядом, его глаза вспыхнули, он посмотрел мне в глаза. Не знаю что он хотел там увидеть (правда, я склоняюсь к мысли, что он хотел все-таки просто напугать) потому что его глаза мне обещали кару небесную за самоуправство.

— При первой ближайшей возможности переоденешься, — процедил он сквозь зубы.

Открылись двери, мы входим в зал. Далее немая сцена: мы идем, все замерли в реверансах, с вытянувшимися лицами и вылезшими на лоб глазами. А мы идем такие все в Dolce and Gabbana. М-дя. Я подняла глаза и офигела. Рядом с императорским тронем, стоял трон императрицы! Эм...

Тараканы в пьяном угаре упали в обморок, рассудок в шоке.

Император подвел меня к трону (Боже мой, ТРОНУ!) и сел сам. Придворные распрямились, но все еще прибывали в шоке. Люди, как я вас понимаю. Сама не врубаюсь в происходящее.

— Делегация Светлого Королевства Аирэнос! — услышала я.

Сразу приосанилась, подняла подбородок. Раз уж тут восседаю, надо соответствовать. Покосилась на императора, он развалился на троне, как на кресле. Подавила невольно выползающую улыбку.

Итак, вернемся к делегации. Во главе шел Трайниэль де Робирот собственной персоной. Чуть позади красивая голубоглазая блондинка в розовом платье с рюшечками. Куколка, как Аринэлия когда-то. Дальше шли, как я поняла принцы Белых Дворов. Все красивые белокожие высокие блондины или брюнеты. Как из инкубатора. Кошмар! Не то, что мой Рэн!

— Приветствую, Ваше Величество, — церемонно поклонился Трай. — Благодарим за оказанную нам честь. Быть так тепло принятыми лучшая отрада для сердца.

Бла-бла-бла.

— Приветствуем, делегацию Светлого королевства Аирэноса. Мы желаем, что бы цель вашей поездки увенчалась успехом, — ответил император.

Бла-бла.

— Благодарю, прошу, примите в знак уважения и признательности этот Лунный ридиал.

Ого! Весьма и весьма драгоценная вещица. Этот камень образуется раз в двести лет, когда размер Луны в небе увеличивается в десятки раз.

— Просим нас простить, мы не знали, что Ваше Величество женились, иначе мы непременно, привезли дар и императрице.

— Такой подарок расценивается, как два. Я вас прощаю.

Что?! Он не поправил Трая?! Он же не женился на мне! Все чудесатее и чудесатее.

Делегация поклонилась и отошла от трона. Я посмотрела на императора. Он ответил на мой взгляд. Я молчала, просто приподняв бровь. Не глупый, поймет. Он сжал челюсть. Снова ревнует. Я грустно улыбнулась. Я не буду тебе изменять, почему же ты не хочешь этого понять?

— Только твоя, — прошептала я.

Я еще несколько минут назад отметила, что хоть он и казался расслабленным, в его теле ощущалась напряженность. Что же делать? Как же ему доказать? Прикусила губу. Император встал, я следом за ним. Он взял меня за руку и пошел вон из зала. Выйдя в коридор, он затащил меня в первую попавшуюся комнату, припечатал меня к стене, сжал мои руки своей и поднял их вверх. Взял мой подбородок и потребовал:

— Скажи...

Я поняла, о чем он.

— Я только твоя. Мне не нужен никто кроме тебя.

В следующую секунду он обрушился на мои губы сводящим с ума поцелуем. Рэн целовался превосходно, но этот поцелуй чем-то отличается от всех остальных. Не церемонясь он приподнял меня и в одну секунду ворвался в меня.

— Моя, — прорычал он.

— Да-а, — простонала я в ответ.

Я ударялась о стену в такт его движениям и в моменты проблеска сознания между охватывающим меня напряжением и предчувствием удовольствия, в голову приходила только один вопрос: «Отчего же он так взбесился?».

Через несколько минут все закончилось и он уткнулся в мою шею. Я часто дышала. Ноги были ватными. Так нереально хорошо мне не было еще ни разу. Руки все также были прижаты к стенке над моей головой. Подумать только мы в какой-то комнате... в самом начале приема. Еще через минуту он отстранился.

— Я не сделал тебе больно? — спросил он, отпуская мои руки, и нежно провел тыльной стороной ладони по щеке.

Я улыбнулась.

— Нет. Я в восторге.

Он поцеловал меня в висок и обнял. Я замерла... эта его... нежность. Как хорошо! Я обняла его за талию и прижалась щекой к его груди. Я не знала название тому чувству, которое рвало мне грудь. От его переизбытка на глазах выступили слезы. Я сильнее прижалась к своему мужчине.

Все это время он не выходил из меня. Он снова начал двигаться, но по-другому. Медленно, нежно. И хоть обычно мне так не нравится, но в этот раз именно такой секс был нам нужен.

Спустя полчаса мы все-таки вышли из комнатки. Странно, но моя одежда осталась в порядке, в прочем, как и одежда Рэна. Мы вновь вошли, правда, через «черный ход» так сказать.

— Я хочу что-нибудь съесть, — сказала я. — Пойду, схожу к столу с закусками.

Он только крепче сжал мою руку.

— Я буду недалеко.

Сжал челюсть.

— Ну, пока я рядом с тобой к тебе никто не подойдет обсудить что-то не-для-презренных-женщин. У светлых же пунктик, что женщина — никто.

Тиэрэн посмотрел на меня, поцеловал и отпустил. Фух. Я быстрым шагом направилась к закускам. О, вы мои хорошие! Взяв мюсу (крошечная булочка с сыром внутри) я положила её в рот. М-м. Постепенно мои загребушие ручки дошли до сладкого. О-о-о, вот он Рай на земле! М-м-м. Не знаю, сколько я съела, но остановилась только когда почувствовала, как меня прижал к себе Рэн.

— Столько есть сладкого вредно, — сказал он и съел пироженку, которую я держала недалеко от рта намереваясь его съесть. Ах ты!

— Тебе жалко что ли? — пробурчала я.

Он только покачал головой и отвел меня от стола. Какой-то он сегодня... странный... То страстный и напористый, то вот игривый. Мда.

Где-то в конце приема получилось так, что я опять осталась одна. Рэна увел какой-то мужик из делегации. И тут ко мне подошел Трайниэль. Не знаю уж, где он жену потерял.

— Ваше Величество, позвольте представиться, Трайниэль де Робирот.

— Очень приятно, — сказала я и подала руку. Трай поцеловал её.

Стойкое отвращение к нему до сих пор не пропало. Поэтому, как только он прикоснулся своими губами к моей руке. Я, кое-как выждав секунду, вырвала её. Точнее попыталась, потому что Трайниэль её не отпустил. Я прищурилась, пустила по руке маленькую искорку Тьмы, она обожгла руку Мелодрамы, и он отпустил её.

— Я закрою глаза на этот маленький инцидент, — произнесла я ледяным тоном. — Но надеюсь в будущем такого не повторится.

Я отвернулась и уже собралась уходить, как:

— Простите, Ваше Величество, но вы мне кое-кого напомнили.

Обернулась.

— Кого же? — спросила я с любопытством, холодея от страха внутри. Стой, сказала я себе. Они ничего не смогут сделать, даже если и заподозрят что-то.

— Мою невесту.

— Вы хотели сказать вашу жену? — «не поняла» я.

— Нет, мою невесту, к сожалению, она умерла двадцать лет назад.

— О, — я изобразила на лице искренне сожаление. — Сочувствую. Я так похожа на неё внешне?

— Не сильно, но что то неуловимое вас невероятно сближает.

Я пожала плечами.

— Бывает.

А потом стараясь сдерживаться и идти медленно, пошла к Рэну. Не знаю почему, но у меня было так гадко на душе. Отвращение к Траю, не понятно почему, выросло просто до невероятных размеров. И вообще съеденное мной подкатывало к горлу. Плюс еще сильное отвращение. Меня замутило.

— Ри, что случилось? — спросил меня Рэн.

— Да, — я постаралась глубже дышать. — С Трайниэлем пообщалась.

Меня передернуло.

— Пойдем, — сказал император.

Я кивнула. Он взял меня за руку. Мы вышли из зала и пошли в спальню. В будуаре мы расстались, я пошла в сою комнату переодеться, он в свою. У-у-у. Как плохо-то! Мельком заметила, что Грисик спит в кресле. Я побежала в ванную и пережила не самые приятные минуты своей жизни. Открылась дверь. Я как раз сидела на полу напротив двери.

— Рэн, ты...

Опять почувствовала приступ тошноты и закрыла рот.

Тиэрэн присел на пол рядом со мной.

— Давай, я помогу тебе раздеться, станет легче.

Я осторожно встала. Он расшнуровал мое платье, аккуратно снял его с меня. Расстегнул

колье, вынул из волос тиару. А я побежала опять к унитазу. Вроде полегчало. Я встала, сполоснула рот. Рэн поднял меня на руки и понес на кровать. Положил меня, сам лег сзади, обнял за талию и так мы уснули.

Проснулась утром от нежного касание губ. Улыбнулась.

— Рэ-эн? — сонно протянула я.

— Нет, моя принцесса, это я, — услышала я страстный шепот.

Что?! Глаза в один миг распахнулись, я создала себе иллюзию одежды и, слившись с Тьмой материализовалась на другом конце комнаты. Мелодрамма лежал на моей кровати и недоуменно хлопал глазами. Меня затопил гнев. Какого х... кхм рашаса он тут делает?!

— Трайниэль де Рабирот, позвольте спросить какого дьявола вы тут делаете?! — холодно спросила я, в душе кипя от бешенства.

Мелодрамма сел и удивленно посмотрел на меня, потом его взгляд смягчился.

— Аринэлия, брось этот концерт, иди сюда.

Меня затопило отвращение и тут же тошнота подкатила к горлу. Как бы не были сильны мои гнев и бешенство, а против природы не попрешь! Кинулась в ванную. Вышла из нее и тут мое внимание привлекла нога Грисика, выглядывающая из шкафа. Холодея в душе от предчувствия, кинулась к шкафу и распахнула дверцу. так и есть Грис валялся без сознания на его дне. Мысль о том, что мой малыш мертв, я гнала куда подальше. Быстро осмотрела его магическим зрением. Жив!

Я говорила, что я была в бешенстве, когда проснулась? Забудьте! Сейчас я реально в бешенстве! Молнией метнулась к кровати, вздернула оттуда Трайниэля, связала его Тьмой и зашипела:

— Что ты, твар-рь мелодр-р-рамитис-с-стая, сделал с Грис-с-сиком?!

— Я спас тебя от чудовища! — патетично воскликнул этот придурок.

— Гр-р-р-р, — зарычала я. — Я тебя с-с-сейчас-с-с уничтож-ж-жу! А ес-с-сли это не с-с-сделаю я, то уничтож-жит Рэ-эн!

Глаза Мелодраммы блеснули страхом. Прищурила глаза, веревки на теле Мелодраммы сжались он захрипел.

— Еще раз для особо тупых. Я — Ринэлин Велецкая, жена импеатора Эситрена. Ни с какой Аринэлии я не слышала! И ты меня сейчас реально разозлил!

Почувствовала, как он пытается ослабить мою Тьму.

— Ах ты ж! Не рыпайся, когда с тобой говорит императрица! — рявкнула я.

А затем стала внедрять свою Тьму ему подкожу. Он закричал. Да. Это адски больно, будто под кожу вводят раскаленные иглы. Когда частица Тьмы проникли внутрь него, я стала их перемещать, при этом подпитывая их, что бы боль была невыносимой.

— Достал, мля! — выругалась я.

Мелодрамма упал в обморок, а я извлекла Тьму и впитала довольную сущность.

"Слаб, не вкус-сный. Надо было причинить боль" — поделилась она со мной впечатлениями.

Я не желая больше смотреть на эту кучку дерь... кхм... на Трая и перенесла его в сад. Затем я бросилась к Грисику и взяла его на руки. Стала подпитывать его Тьмой. Через минут десять он открыл глазки. Резко взлетел и стал активно жестикулировать. По его рассказу я поняла, что Рэн ушел рано утром, а потом явился Трай, Грис хотел его остановить, но Мелодрамма ударил по нему светом и грисик вырубился. У-у-у, сволочь светлосущная!

Тут дверь распахнулась и вошел Тиэрэн, вошел и тут же застыл. Мрачным взглядом

окинул комнату, затем перевел взгляд на меня. Его глаза сощурились.

— Что тут произошло?! — требовательно спросил он.

Если вы сейчас подумаете, что я начну выгораживать Мелодрамму, вы ошибаетесь.

— Что произошло?! — переспросила я, затем резко поднялась и на повышенных тонах и с нецензурными вставками пересказала ему события происходившие тут несколько минут назад.

— Где он?! — глаза мужа стали абсолютно черными.

Ой. Если мы не хотим международного конфликта, придется мне поработать успокаивающим и отвлекающим ресурсом.

— Ой, — воскликнула я, — что-то мне не хорошо.

А потом картинно упала в "обморок". Упасть мне не дали, перехватив в полете и прижав к груди. Затем меня поцеловали в волосы, поглядели по спине и тихо позвали. Я "не приходила в себя".

Тогда меня положили на кровать и стали гладить по голове, при этом не переставая звать по имени. Подействовало на меня только:

— Ри, я знаю, что ты притворяешься.

Я приоткрыла один глаз.

— Хулиганка, — улыбнулся император и поцеловал меня, но потом отстранился и угрожающе произнес:

— Но за сделанное он все-равно ответит!

Я кивнула.

— Только давай без членовредительства, а то конфликт политический и все такое.

— Ты чудо, — сказал император и обнял меня.

Я радостно вздохнула и зажмурилась.

Прошла еще неделя. Делегация уехала все это время я благополучно избегала встреч с Траем, потому что моя реакция на него всегда одна. Тошнота. Крайне подозрительный тип. Бе. И он мне вдвойне провен после случившегося инцидента.

Сажу в саду и развлекаюсь тем, что щечочу Грисика. Кстати, вот интересно, почему император принял Грису, как данность? Привалилась спиной к стволу дерева. Ненавижу жару. Стерла пот над губой и с подбородка. Фу-ух.

— Грисик, солнышко, слетай, принеси мне мою рунную палочку, — попросила я.

Конечно, её нужно всегда носить при себе. Но мне лень. С помощью неё нанесу на кожу защиту от жары, а то я скоро превращусь в желе. Грис улетел, а я продолжила сидеть под деревом. Почему-то даже в тени было жарко. У-у-у. Как плохо. У меня не было сил на то что бы встать, поднять руку, ногу и вообще пошевелиться. Совершенно недееспособна в жару. Тут увидела, как ко мне приближается Рэн.

— Я очень рада тебя видеть, Рэн, правда, — сказала я вяло. — Но я не могу встать и обнять тебя. Мне лень.

— Ничего страшного, — сказал он ласково.

Что? Его по голове ничем не ударило? Он таким тоном со мной не раз не говорил, слишком приторным, его обычно грубый голос чуточку смягчался, но не так сильно.

— Рэн? — переспросила я. Может у меня галлюцинации на фоне жары.

— Да, любимая.

О-па, че-то не то. Я стала приподниматься на руках, чтобы сесть прямо, стала готовить

в руке боевой пульсар.

— Не так быстро, сладкая, — услышала я перед тем, как увидела, что в меня летит что-то серое, а потом темнота, вспышка боли.

— Ваше Величество, ей уже лучше, — услышала я. — Вы можете идти отдохнуть. Снова темнота. Услышала, как меня кто-то зовет.

— Ри.

М-м-м. Не могу. Темнота. Холод. Как же холодно. Чувствую теплое касание. Ко мне кто-то прикасается. Так нежно. Я не могу вынырнуть из темноты.

— Ри. Не... оставляй... меня.

Этот голос я постоянно его слышу. Почему сейчас этот голос такой напряженный?

— Ты... нужна... мне.

Голос сдавленный. Ему тяжело говорить?

— Ри...

Рэн! Мой хороший, сколько же ты тут сидишь? Рядом со мной? Что произошло? Надо открыть глаза. Надо его успокоить. Почувствовала, как целуют костяшки моих пальцев.

— Рэн, — прохрипела я.

— Ринэлин, маленькая моя, — выдохнул Тиэрэн, столько облегчения в голосе.

Меня подняли и прижали к себе. Я уткнулась в родную грудь и снова отключилась.

Открыла глаза. Лежу в своей кровати, шторы на окнах задернуты, но через них просачиваются слабые лучи солнца. Так, сейчас день. Прекрасно. Теперь вопрос на повестке дня: «КАКОЙ день?». Что я последнее помню? Так, ага, Рэн-не-Рэн, серое что-то, темнота. Не густо. Приподнялась на локтях, тут же меня сбили, и я упала назад. Грисик обнимал меня за шею, еще и крыльями закрыл. Я подняла руки и тоже обняла малыша.

— Ну, все хорошо, маленький, — успокаивала я трясущегося Грису. — Я жива. Здорова. Ну...

Через пять минут Грис все же отлип от меня. Я погладила его по головке.

— А где Рэн? Работает?

Только теперь я осознала свои чувства к нему. Только голос Рэна вывел меня из темноты. Только за ним я буду следовать везде и всюду. Хоть на край света.

Грис закивал. Потом он показал на меня и упал, потом показал на стену и на кресло. Как не странно, но я поняла.

— Я болела, Рэн сидел рядом.

Он закивал. Потом он провел пальцем по покрывалу и стал кидаться сем-то воображаемым.

— Нападение на границе?

Он закивал.

— Кошмар! И он сейчас со всем этим разбирается, потому что все запустил?

Грис закивал.

— А сколько я была в отключке?

Он показал пальцы обеих рук.

— Восемь, — сказала я.

Потом он еще раз все пальцы.

— Шестнадцать.

Еще раз и еще.

— Тридцать два дня?

Он закивал. Я закрыла лицо рукой. Все это время я стойко игнорировала чувство тошноты. Но когда я повернулась к прикроватной тумбочки и вдохнула запах аиики (синие цветы, источающие сильный сладкий запах) игнорировать больше не смогла. Сорвалась с кровати, упала, пофиг. Поползла в ванную комнату.

Выползла оттуда минут через пять. Встала, держась за стеночку и по ней же, родной, стала пробираться к кровати. Грис всячески пытался помочь. Упала на кровать и снова уснула. Проснулась от поглаживания по щеке. Открыла глаза. Рэн. Вспомнился сад. Или не Рэн. Напряглась.

— У меня есть родинка на ягодицах? — спросила я.

— Нет, — прошептал он. — Не бойся, это я.

Сразу стало легко и свободно. Я улыбнулась. Он выглядел осунувшимся. И все из-за меня.

— Бедный мой. Прости меня.

Рэн закрыл глаза:

— За что?

— Ты из-за меня совсем не отдыхал, наверное?

Вдруг в одно мгновение я оказалась на руках мужчины, а он, уткнувшись лицом в мои волосы прошептал:

— Я испугался, в первый раз я испугался, что потеряю тебя.

Я обняла его.

— Я всегда буду с тобой, пока ты этого хочешь, — тихо сказала я в ответ.

Так мы просидели несколько минут, наслаждаясь тишиной, покоем, умиротворением и друг

другом.

— Что же произошло? — спросила я.

— Ко мне прилетел Грис и сказал, что... тебя пихают в какой-то портал. Я сразу же перешел туда. Еле успел. Еще бы минута или даже несколько секунд и я бы не знал, где тебя искать. А потом ты целый месяц не приходила в себя.

Он сжал меня крепче. Я гладила его по голове одной рукой, другой обнимала за шею и прижимала к себе. Мне-то хорошо, для меня и дня не прошло. А он целый месяц провел в неизвестности.

— Прости, прости, — шептала я.

Потом потянулась к его губам. Он чуть отстранился и уперся своим лбом в мой.

— Тебе нельзя, ты еще слаба.

— Я буду снизу, — прошептала я и поцеловала его снова.

Он застонал и отстранился.

— Маленькая, перестань!

Я коварно улыбнулась и поцеловала его подбородок, скулу, шею, руки поползли вниз по мужскому телу, пробегая по «кубикам» пресса. Мой хор-роший, — прошипела Тьма. Я полностью с ней согласилась.

В результате, мы лежали на кровати, наши обнаженные тела были тесно прижаты к друг другу. Снова меня переполняли эмоции. Они подкатывали к горлу, переполняли легкие, сворачивались узлом в животе, и уже не в силах держать их в себе я прошептала:

— Я люблю тебя.

Он опрокинул меня на спину и навис сверху. А потом подарил умопомрачительный поцелуй. Поехали по второму кругу...

Проснулась от чувства тошноты. Открыла глаза. Тошнота не проходила. Кое-как выкарабкалась из объятий Тиэрэна и побежала в ванную (не понятно как, но силы полностью восстановились за ночь).

Сполоснула рот и посмотрела на свое отражение в зеркале. Что же это такое?! Догадка пришла мне в голову. Я по стеночке опустилась на пол, прижала руку к животу. Неужели...? Пока не удостоверюсь, не буду ничего говорить Рэну. Осторожно встала и пошла назад в кроватку к моему мужчине. Только забравшись на нее, уже была схвачена и подмята.

— Доброе утро, — прошептал император и поцеловал меня.

— Мне нравится такой способ приветствия, — широко улыбнулась я.

— Как ты себя чувствуешь? — в его глазах было беспокойство.

Я прислушалась к себе.

— Очень сильно хочу кушать, — сказала я.

Он поцеловал меня в нос.

— Сейчас будет.

Через пять минут постучались в дверь. Принесли завтрак и оставили под дверью, как объяснил Рэн. Он любезно принес его мне на кровать. Там была какая-то кашка, фрукты и да... Сладкое! Я по-быстрому съела кашу под надзором императора, а потом принялась кушать выпечку и конфеты. О-о-о, рай на земле все-таки есть. Никогда особенно не любила, но в последние дни до моей, так скажем, болезни просто тащилась от... Т-а-ак, еще одна странность, подтверждающая мою теорию. Расправившись со сладеньким перешла на фрукты. Взяла рион (пахучий, но очень вкусный фрукт) и поднесла его к губам. Блин! Опять тошнит. Отложила фрукт и откинулась на подушки.

— Ты позеленела, — отметил Рэн. — Все в порядке?

Я закивала головой. Император вздохнул.

— Мне нужно идти, — сказал он.

Мне не хотелось его никуда отпускать. Вздохнула.

— Иди.

Он склонился надо мной и поцеловал в шею.

— Но я не хочу.

Его пропутешествовали вниз, коснулись живота и я вздрогнула. Почувствовала маленькую вспышку Тьмы внутри. Не мою. Опа-ся.

Рэн же не обратил внимания. Через десять минут последний раз поцеловал меня, отходящую от переизбытка ощущений. Потом со вздохом поднялся и ушел. Тут же влетел Грисик и обнял меня. Я погладила его по головке и неуверенно прошептала:

— Грис, а я, кажется... беременна?

Он отстранился и вытаращился на меня. Потом прочистил в ухе и подставил к нему руку, будто для лучшей слышимости.

— Тебе не послышалось. Я... беременна.

Но что бы окончательно убедиться в своей теории, нужен каникс. Это особое магическое растение. С помощью него можно определить, беременна ты или нет. Действие у него не совсем эстетическое, если съел его и тебя стошнило, значит, беременна. Осечек никогда не было. Насколько я помню, он растет на пруду. Туда-то я и послала Грисика при

этом, описав, что именно от него требуется. Через пять минут в руках у меня было растение. Сделала глубокий вдох, выдох и съела каникс. Минута и я уже бегу в ванную. Беременна. Вновь зашла в комнату, села на кровать и положила руку на живот. Я теперь абсолютно уверена. Какое странное чувство. Внутри меня растет маленькая жизнь. Ему где-то четыре-пять недель. Решительно встала и пошла к зеркалу. Повернулась боком. Как же Рэн не заметил? У меня был небольшой, крошечный животик. Но был! Особенно если считать, что до этого он был абсолютно плоский! Ребенок, ребенок, мой ребенок. У меня будет ребенок. Я не верила в это. Я снова села на кровать стала осмысливать это в голове. Я стану мамой. У меня будет малыш. Грис крутился рядом и не знал, что делать. Он гладил меня по голове, обнимал. Я все же решила одеться и надела просторное платье, а потом опять села, но уже в кресло. У меня было немного шоковое состояние. И тут до меня дошло. Я беременна! Во мне растет маленький человечек. Мой ребенок. Наш ребенок. Изнутри поднялась волна ошеломляющего счастья. Я улыбнулась и заплакала. Грис почесал затылок, махнул рукой и стал гладить меня по голове. Что с беременных взять? Тут дверь открылась, и зашел Рэн. Он быстро приблизился ко мне, присел рядом, обнял мое лицо ладонями и стер большими пальцами слезы.

— Почему ты плачешь, маленькая?

Сказать или нет? Вообще-то здесь может быть очень опасно, я не хочу, чтобы из-за моего нежелания говорить, что-нибудь случилось с малышом.

— Рэн... — начала я.

Он обеспокоенно смотрел на меня. Как он отреагирует?

— Рэн... я... беременна, — сказала я и разрыдалась.

Почему реву не знаю, но хочется. Я же рада. Он окаменел. Я аж плакать прекратила. Потом он закрыл глаза. Желваки на челюсти напряглись и он сказал:

— Я позову лучших травников, — сказал он металлическим, неживым голосом.

Я сначала непонимающе смотрела на него, а потом до меня дошло. Я отшатнулась от него.

— Ты не хочешь этого ребенка? — спросила я с возрастающим ужасом и паникой.

Сердце защемило. Неужели я все-таки была просто постельной игрушкой? Неужели я ему не нужна? А иначе, почему бы он решил убить маленькую часть меня и себя?

— Его не хочешь ты, — ответил он все таким же голосом.

Что?! Ой, я ду-ура! Идиотка! Он все неправильно понял! Он подумал, что я расстроилась! В этот момент, я полюбила его еще сильнее. Для темных, дети — святое. И он был согласен убить своего ребенка ради меня. Потому что, он думал, что я его не хотела.

— Рэн, — сказала я тихо и положила руку ему на щеку, он дернулся. — Ты не так понял. Я очень хочу ребенка. Я уже люблю нашего малыша.

Он открыл глаза. Я улыбалась.

— Просто у меня перепады настроения и...

Он не дал мне закончить фразу и поцеловал меня. Я с радостью ответила на поцелуй. Мой хор-роший! Я перебралась к нему на колени и обняла за шею. Он подхватил меня на руки и закружил по комнате.

— Маленькая моя, — прошептал он и поцеловал в висок.

Потом он вместе со мной сел в кресле и осторожно положил руку на мой живот. Я опять почувствовала вспышку Тьмы. Наш малыш так реагирует на папочкино касание? Улыбнулась и крепче прижалась к любимому.

— Рэн, что там с нападениями на границе? — спросила я.

Он вздохнул.

— Светлые, непонятно зачем они нападают.

Потом немного помолчал.

— Они убили наших послов, похоже, это война.

Я подняла голову, поцеловала его в подбородок и крепче обняла. Он немного расслабился.

— Когда?

— Она уже идет.

Мы помолчали.

— Я все хотела тебя спросить, почему ты не поправил светлых, когда они назвали меня императрицей?

Он улыбнулся.

— Потому что ты — императрица.

Что?!

— В смысле? — ошеломленно спросила я

— Тебя выбрала моя Тьма — это предложения. Твоя Тьма приняла меня — это согласие. А потом мы подтвердили наш брак в постели.

О-фи-геть. Я несильно стукнула его в плечо.

— А мне ты сказать не мог, что я замужем?

— Ты не очень положительно смотрела на брак, насколько я помню. Поэтому я решил тебя не расстраивать лишней раз.

Я только покачала головой. Почувствовала, как он напрягся. Боится, как я на это отреагирует? Не бойся, мой хор-роший. Крепче обняла его. Расслабился, выдохнул. Я подавила улыбку.

— Но ты не представлял меня двору, как императрицу.

— Они сами все поняли.

М-да. Ну и ладно. Никогда не мечтала о красивой свадебной церемонии. Это совершенно неважно, главное сам факт брака, а тем более если вспомнить, как мы отмечали наш, оказывается, брак, то... Что может быть лучше?

Опять в комнату принесли еду, я поела, снова уткнулась в грудь Рэна и провалилась в сон.

Ого! Да неужели, спустя двадцать лет? Открыла глаза и ожидаемо увидела спящую себя, правда, уже на кровати. Рэн лежал рядом на боку и осторожно гладил меня по волосам, касался лица.

— Ну, что ж, спасибо, — услышала я голос Александра.

Обернулась и офигела. Недалеко от меня в воздухе завис молодой мужчина со светящимися золотыми волосами, в каком-то непонятном балахоне. Он довольно красив.

— Александр? — уточнила я.

— Ты почти угадала с моим именем, меня зовут Алеисандро.

Где-то я его видела... А! Он же... Нифигасе!

— Я не ошибусь, если скажу, что ты Бог этого мира? — спросила я немного неуверенно.

Он улыбнулся.

— Не ошибешься.

— Ты — бог, офигеть!

Он рассмеялся.

— Погоди, а за что ты меня благодарил?

— За то, что ты сделала это мир окончательно реальным.

Я прищурилась.

— Подробности?

— Понимаешь. Ваш мир — это можно сказать обитель всех миров. Только ваши люди могут придумывать, как вы их называете книги-фэнтези. Только для вас — это обычная книга, а для нас — это заготовка мира.

— Не поняла.

— Все фантастические книги, которые пишутся в вашем мире, они все реальны. Автор заканчивает книгу и заканчивает заготовку мира. Но только она как бы остается не материальной. А реальной она становится только тогда, когда в нее попадают люди из вашего мира. Она начинает самостоятельно развиваться, в ней появляется больше нюансов и так далее. А когда у этого человека появляется ребенок от существа, живущего в, так скажем, книжном мире, мир становится окончательным реальным. И он не остановит развитие, даже если попаденец или попаданка умрут.

— Так, а ты кто?

— А мы те, кто помогают сделать понравившейся им мир реальным. Я проложил тебе дорогу в этот мир.

— А почему мне?

— Ты хотела приключений. К тому же ты была наиболее устойчива к перемене мира.

М-да. Я в шоке.

— Вот я и говорю, спасибо, что забеременела.

— Пожалуйста, — ответила я все еще ошеломленно.

Вот это да!

— Ну, я пойду? — неуверенно предложила я.

Он улыбнулся и помахал мне.

Я открыла глаза. На улице темно. Рэна нигде нет. Я встала, оделась, пошла в его комнату, там тоже нет. Тогда он в кабинете. Не знаю почему, но жутко хотелось его увидеть. Хотя, почему «Не знаю»? Очень даже знаю. Я же в него влюбилась! Побежала в его кабинет, осторожно отворила дверь. Мой... муж сидел за столом и что-то писал, при этом хмурия брови.

— Рэн? — позвала я. — Что ты делаешь?

Он поднял голову, его лицо просветлело, черты лица смягчились.

— Работаю, маленькая. А ты почему здесь?

Я подошла к нему и обняла со спины за шею.

— Проснулась, а тебя нет. Соскучилась, — прошептала я. — А зачем тебе карта?

На его столе действительно лежала карта мира. Ну, там всего два государства, поэтому она почти не нужна. Тут кстати всего один материк, окруженный океаном, правда, с пресной водой.

— Я пытаюсь понять... — начал муж. — Как-то это все странно. Зачем светлые начинают войну?

Он замолчал, я тоже задумалась. А потом ко мне в голову, наконец, пришла одна мысль,

и я ужаснулась.

— Т-ты поедешь на ф-фронт? — спросила я заикаясь.

Он осторожно убрал с себя мои руки, повернулся и усадил меня к себе на колени боком. Потом прижал губы к моему виску.

— Да.

Страх усилился стократно. Я вцепилась в рубашку мужа.

— Это ненадолго, маленькая.

Я повернула свое лицо к его и всмотрелась ему в глаза.

— Это неважно. Я боюсь.

Он окаменел.

— Я самый сильный маг Эситрена.

Опять не так понял. Я положила ладонь ему на щеку и тихо сказала:

— Я знаю, Рэн, я знаю. Но страх рождается вне зависимости от того насколько ты сильный. Я боюсь потерять тебя, понимаешь? — последние слова я произнесла уже срываясь. Черт. Беременность фатальна для эмоционального контроля.

Рэн просто поцеловал меня. Мне нравится его способ успокаивать меня, потом он прижался своим лбом к моему и прошептал:

— Я тебя понимаю, но я император и я должен убедиться в готовности моего войска к войне.

Я кивнула.

— Когда? — только спросила я.

— Через неделю.

Я вздохнула в предчувствии разлуки и прошептала:

— Тогда не будем терять время зря.

А потом я прижалась своими губами к его. Он тут же ответил на мой поцелуй, но осторожно. У-у-у. Обхватила руками его шею, прижалась к нему всем телом. Он аккуратно обнял меня за талию. Да что же такое?! Я отстранилась.

— Не сдерживайся, — сказала и тут же снова прижалась к его губам. Теперь уже он отстранился.

— Ребенок... — прошептал он с неким благоговением.

— Ему это не повредит он совсем крошечный сейчас, — ответила я.

У меня было чувство, что я его не убедила. Он будто гасит свою страсть. Так это что мне все семь месяцев (у них тут так) терпеть мягкий осторожный секс?! А в последние месяцы вообще ни-ни?! Мое либидо озадаченно почесало в затылок, а потом категорично не согласилось с таким планом. Муж тем временем целовал меня в шею. Меня это без сомнения заводило, но во всех его движениях чувствовалась эта осторожность, чтоб её! Я чувствовала, что он меня хочет, но... Но он капец, как сдерживается. Он может и будет сдерживаться постоянно. Он тоже любит грубый секс, но... Думает что со мной теперь надо обращаться осторожно. Для моего же блага, естественно! Я встала с его колен. Он поймал меня за руку и попытался усадить опять. Я освободилась от его захвата. Он немного опешил. Потом сложил руки на груди, откинулся в кресле и, приподняв бровь, спросил:

— Ну и куда ты?

Моё бедное-бедное либидо (ему и так уже досталось, горемычному) совсем ошалело... Погоди! Для тебя же стараюсь!

— Я...

Стала пятиться, смотря ему в глаза.

— Или все или ничего? — спросил он снова.

Отойдя от него на два метра, встала.

— То есть «все», как я понимаю, мне не светит?

Он покачал головой и улыбнулся.

— Тебе нормально? — спросила я небрежно.

Он кивнул. Глаза сами собой упали на его ширинку. Ну да, ну да, я вижу. Тем временем я отошла еще и прижалась к стене.

— Знаешь, — начала я немного задумчиво, глядя вниз, правда, один глазам все равно на него косила, — я пока в комнате была, видела Гордора.

Естественно никакого Гордора я не встречала, я вообще о нем только сейчас вспомнила, когда, так сказать, приспичило. Глаза мужа почернели, теперь его и так не слишком расслабленная поза (хоть она и выглядела таковой), стала очень напряженной.

— Из окна... — продолжила я. Потом подняла взгляд наверх, будто припоминая. — На нем не было рубашки, — щеки порозовели (уж не знаю, чем я заслужила такую награду в виде покрасневших щек?!). Я прикусила губу и совсем откинулась на стену, прерывисто дыша. Один. Два. Три... Три секунды и я прижата к стене.

— Не с-смей о нем даш-ше думать, — прошипел мне муж в ухо.

О да! Я искоса посмотрела на него.

— Но он... — я вздохнула.

Платье на мне порвали в одно мгновение.

— Моя, — прорычал он, входя в меня.

О да.

— Да-а-а.

— Моя.

— Твоя.

С каждым его толчком «Твоя» повторялось, от этого темп движений только увеличивался.

— Только ты, — сказала я, задыхаясь и откидывая голову. — Люблю тебя.

Через несколько минут муж сидел на полу, я, как обычно, на нем. Он открыл глаза и посмотрел на меня.

— Паршивка ты маленькая, — сказал он и поцеловал меня в плечо.

Я улыбнулась, а потом меня больно шлепнули по попе, я вскрикнула.

— За что?

— А что бы больше на нервах не играла, — невозмутимо ответил Рэн.

— Я же не специально... я для провокации... тебе же лучше, — пробурчала я.

А потом... Поцеловала его в скулу, подбородок, шею, плечи, груди, живот и постепенно стала спускаться вниз, но меня тут же подняли. Я нахмурилась. Муж поцеловал меня в нос. Потом в голову прилетела гениальная мысль, и я мысленно похихикала и потеряла ручки. Сосредоточилась и выпустила Тьму. Тут же навстречу моей Тьме вышла его. И вот тут... Это как секс, только на уровне чистейших эмоций. И вот тут... Я стала снова спускаться вниз. Вот тут проблема в том, что эмоции зашкаливают ощущения на максимуме, он, даже если сильно захочет, не сможет остановить. Тьма не позволит. И че я так в первый раз не догадалась сделать?! Тут проблема в том, что и мои эмоции зашкаливают. Ты подчиняешься не разуму, а сущности, желаниям. Ну, в принципе я этого-то и хочу. Поэтому отдадимся во

власть Тьме. Наслаждения граничащее с болью, любовь, зашкаливающая нежность и страсть... Вот это да-а...

— Ну и зачем? — строго спросил Тиэрэн.

Я только похлопала глазками. Муж вздохнул.

— Просить не повторять бесполезно?

— Тебе же понравилось, мне тоже понравилось, значит, все хорошо, — прошептала я и поцеловала его.

Неделя прошла незаметно. Я даже не могла сказать, что в ней было. Потому как все мои мысли были заняты предстоящей разлукой с Рэном. Я стала зависимой от него. Быть рядом каждую минуту, каждую секунду и каждое мгновение — вот оно счастье. Мне даже не обязательно с ним общаться, я просто обожаю наблюдать за ним. Как он ходит, ест, говорит, сидит, работает, отдает приказания. Я стала замечать то же и за ним. Постоянно ловлю на себе его взгляды, когда не смотрю на него, а когда смотрю мы встречаемся глазами и зависаем на минуту или две, потом так тяжело возвращаться в этот мир. Иногда мне самой тошно от своих мыслей. Попыталась рассказать свои чувства Грисику, так он после первого предложения схватился за голову, а потом кинулся на кровать и закрыл уши подушкой. Мол без подробностей, плиз. Сегодня ночью я проснулась от того, что Рэн гладил меня по голове, водил носом по плечу, зарывался лицом в мои волосы и с особым трепетом касался моего живота. Я повернулась к нему лицом, и просо крепко обняла его. Так мы и заснули.

Сквозь сон почувствовала прикосновение к волосам инежный поцелуй. Вздохнула прижала одеяло к груди и заснула снова.

Проснулась от жуткой пустоты внутри. Огляделась в поисках Рэна. Он уехал?! Нет. Нет. Нет!

Грисик положил ручку мне на плечо. Я вздохнула и подняла голову. Я — императрица, как никак! Тьма внутри меня завывала. Я знаю, моя хорошая. После того как две наших Тьмы соединились все чувства между нами усилились. Я никогда так не ощущала мою потребность в нем посредством Тьмы. Она начинала «грызть» меня, выть внутри меня, так, что все внутренности сжимаются, если я находилась хотя бы час или два не с императором. А сейчас неделя! Его не будет неделю! Ладно, мы справимся. Но Тьма — это сущность, это эмоции. Ей абсолютно плевать на мой разум, он часто врет и лукавит, но она нет. Поэтому меня она не послушалась и продолжила ныть. Выворачивая меня. Хотелось просто упасть и бить себя по груди, что бы все внутри перестало ныть и болеть.

А вдруг он не уехал? — мелькнула безумная мысль на задворках сознания. Лихорадочно оделась. И побежала обследовать замок. Через час поняла, что он все-таки ушел. Внутри меня все бурлило и кипело, Тьма билась внутри. Во мне поднялась волна злости и я не сдерживаясь, стала выплескивать Тьму. Эмоции бушуют: одиночество, тоска, боль, потеря. У-у-у, как мне плохо!

А-а-а! По рукам прошла волна спазма и Тьма полилась сильнее. А теперь твое время моя истинная Тьма. Я сосредоточила ее в самом центре груди, а затем вытолкнула ее огромным пузырем, она стала сеять разрушения, удовлетворив ее я втянула мою маленькую назад. Огляделась. Левое крыло дворца было разрушено. Ой. Но зато мне немного полегчало. Вздохнула, повернулась кучелевшей части строения пошла. Мелькали коридоры, стони дверей и тысяча окон. Через час непонятных, неопределенных, бессмысленных блужданий я оказалась в подвальных хранилищах. Зажгла на руке светящийся шар, пустила его впереди себя и стала спускаться еще ниже. Наконец, мне стало тяжело дышать. Я была очень глубоко под землей. Ноющая боль в груди нарастала с каждой минутой. Бедный Рэн, ведь он в таком же состоянии работает! Мысль о нем отозвалась новой болью. Пусто, без него пусто. Не хватает. Я оказалась перед пыльной, покрытой паутиной железной дверью. Попробовала толкнуть её. Не поддалась. Позволила Тьме немного отделиться от меня и пустила её в руки,

снова толкнула дверь, она поддалась. Вошла в помещение. Это оказалась огромная комната с стеллажами расставленными вдоль стен и по всему периметру комнаты. На каждом лежали десятки свитков. Подошла ближе. Ого, это очень старые свитки. Прошла мимо проведя рукой по свиткам. Тут один упал. Аккуратно его подняла. Развернула. Это оказался дневник Иралин Велецкой жены пятого императора. Незаметно для себя увлеклась и принялась читать. Под конец я рыдала, как ненормальная. Эта женщина обладала зачатками первородной Тьмы. Они встретились с императором и влюбились друг в друга. К сожалению, они были вместе недолго. Через сто лет после свадьбы, он умер. Она описывала свои ощущения и свою боль. Мне от этого стало только хуже. Я уже не могу держать это в себе. Эмоции накатывали на меня. Тоска, печаль, сострадание, боль... Как же плохо. Сново. Подошла к стене. Она, Слава Богу, была каменной значит сможет немного забрать на себя. Ударилась по ней рукой со всей силы, при этом немного выпустив Тьму. Тут стена немного обвалилась, и в ней оказался тайник. Опа-на! Быстренько полезла рукой туда и взяла старый свиток. Казалось, если чуть сожмешь его он рассыпется. На всякий случай прочитала заклинание для укрепления материи и развернула. Это оказалась легенда о сотворении мира. Кхм. С первых строк немного офигела. Я ничего такого не помню. В университете нам рассказывали, конечно, о двух братьях, но тут... Ту-у-ут... ух. Рассказ начинается о появлении Бога. Как я понимаю, Александра, как раз. Он создал существ по образу и подобию своему, так-так. Бла-бла-бла. Ого! Короче, если это правда... Уж не знаю зачем, но в одного из этих созданных людей он вложил Свет и Тьму, они в нем смешались и получилось нечто совершенно особенное и невероятно могущественное. Этот человек подчинил себе всех людей, и они пали ниц пред ним (конечно, если он такой сильный). Он женился, и родились у него два сына. Как я поняла, как раз эти братья. Потому что один брат был Светлым, а другой Темным. Но оказывается, они не поссорились (как рассказывали нам). Все намного сложнее. Их отец сошел с ума из-за силы, которой он обладает. Он стал убивать обычных людей. Братья уже стали настраиваться на то, чтобы его как-то сдержать, и тут он в припадке ярости убил их мать, которая была беременна третьим ребенком. Тут братья не выдержали и шарахнули по папочке одновременно первородной Тьмой и Светом. И так сильна была эта волна, что почти все исчезло и почернело там. А братья простились и разошлись по разные стороны.

Тьма напомнила о себе тянущей болью в груди. У-у-у. Решила, что нужно уходить. Свиток положила на одну из полок, вышла за дверь, закрыла её и стала подниматься по лестнице.

Лежу на нашей с Рэном кровати и реву. Весь день ходила, как в воду опущенная Тьма внутри уже не просто ныла, а кричала и царапалась. Около часа назад не выдержала, побежала в комнату, упала на кровать, прижала к груди подушка мужа, и вот теперь реву. Грис гладит по голове и не знает, как помочь. Рэн, приезжай скорее! Новая волна рыданий сотрясла все тело. Мне же нельзя так переживать! Ну, Рэн! Приедешь, шкуру спушу! Нет сначала расцелую, обниму, а потом уже... Нет, только вернись... ноги буду целовать! А-а-а, как же больно. Незаметно для себя уснула. Проснулась по среди ночи, Грисик, свернувшись калачиком спал неподалеку. Осторожно погладила его. Опять упала на подушку. Хотелось выть, кричать, метаться по кровати. Встала, подошла к шкафу, достала его рубашку прижала к груди, потом к лицу, вдохнула запах. Опять легла, стала ворочаться с бока на бок. Боль в груди... Не дай Бог испытать кому-то эту боль. Я стала тихо поскуливать. Прижимала руку к

груди, пыталась её расцарапать, но боль не проходила. Я нашла нож. Прижала лезвие к ладони, и резко провела им по руке. Но эта физическая боль была несравнима с той мучительной болью внутри меня. Я завывала и упала на кровать. От бессилия слезы потекли по щекам. Я металась по кровати, с губ срывалось только одно слово:

— Рэн.

Я звала и звала, что бы он облегчил мои страдания. Но он не проходил. Под утро я забылась. Открыла глаза я только в полдень. Грис насупленный сидел рядом.

— Что? — спросила я хриплым голосом.

Он показал на мою голову, потом покрутил пальцем у виска и надулся. Я сжалась: подтянула колени к груди, обняла их руками.

— Да, я сошла с ума, — прошептала я. — Да, сошла. Сошла! Я не могу без него. Понимаешь?! Не могу! Не могу! Где он?! Почему так больно?! Почему! Я не могу, не могу, не могу! — звук моего голоса нарастала и в конце я уже просто вопила и рыдала.

Грис снова гладил меня по голове. Я обняла своего любимца. Когда же это закончиться?! Я снова забылась. Открыла глаза. Передо мной стоит служанка и подает мне поднос едой. Отворачиваюсь. Грис дает мне пощечину и указывает на еду, а потом незаметным жестом на живот. Конечно же, дура! Есть надо, чем же малыш будет питаться? Я взяла поднос и съела, как можно больше. Потом опять легла. Я была настолько разбита морально, что физических сил не было никаких. Грис потрепал меня за плечо, и указала на пораненную руку. Я отмахнулась. Легла на спину и попыталась ввести себя в состояние стазиса. Не получилось, снова завывала. Сжалась в комочек и пролежала так еще очень долго. Я не знаю прошел ли день, час, минута, сутки, месяц, неделя или секунда. Да и не пыталась узнать. Мне было больно и это единственное, что я помню. Помню, что несколько раз бралась за нож, пытаюсь причинить себе физическую боль, но каждый раз Грис с боем вырывал его. Я орала, кричала и пыталась вернуть себе оружие, но он не давал. Тогда я падала на кровать и начинала плакать. Как же больно! Какое внутри сосущее чувство пустоты!

Лежу на кровати, на боку, волосы на лице, подушке, кровати... Сколько я их не мыла день, два? Сколько прошло дней? Когда приедет Рэн? Грисика вроде рядом нет... Наверное уже надоела ему... Или нет? Закрыла глаза. Открыла. Уже темнеет. Я спала? Подняла руку. Надо же. На ней два пореза. Когда я успела нанести еще один? Когда я ела в последний раз? Голода я не ощущаю... Хотя возможно потому, что боль заглушает все чувства... Я смирилась с этой болью. Такое ощущение, что не было того времени, когда её не существовало. А может и правда так? Что вообще происходит?

Закрыла глаза, открыла. Уже утро? О, здравствуй, мое мучение. Что такое? Мне кажется, я кого-то жду... Или нет? Тут меня рывком прижали к себе, стали лихорадочно целовать мои щеки, губы, нос, глаза, по телускользили голодные руки. Сразу стало легче.

Что? Кто это? Рассудок медленно стал выползать из своей скорлупы безразличия. Рэн? Рэн!

— Рэ-эн... — прошептала я.

Мужчина все никак не мог прийти в себя и не прекращал меня трогать, целовать, вдыхать мой запах.

— Рэн, любимый — простонала я, наслаждаясь им..

Он жадно ответил, секунда и мы без одежды.

— Рэ-эн.

Я лежала на Рэне, не желая отстраняться от него ни на миллиметр. Император с закрытыми глазами перебирал мои волосы. Мы оба более-менее пришли в себя, после того как вновь соединили обе наших Тьмы.

— Рэн, — тихо позвала я.

Он вздрогнул и рывком, приподняв меня, поцеловал. Похоже он все еще не в себе. Ответила на поцелуй и крепко обняла его за шею. Через минуту он отстранился. Мы тяжело дышали. В его глазах бурлили и кипели эмоции. Я улыбнулась и поцеловала его в нос. Он тоже улыбнулся. Мы замороженно смотрели друг на друга.

— Рэн, — снова позвала я.

— Что, маленькая?

— Я разгромила левое крыло твоего дворца, — сказала я чуть виновато.

Тиэрэн секунду ошарашенно смотрел на меня, а потом рывком сел прижал меня к груди.

— Прости меня, маленькая. Ты такое из-за меня пережила, — его голос полный боли рвал мне сердце.

— Все хорошо, Рэн. Все уже позади. Ты сейчас рядом, а это главное!

Тут мой животик заурчал. Мы оба посмотрели на него.

— Когда ты последний раз ела? — спросил император, нахмурившись.

— Я не помню.

Мужчина закрыл глаза, его скулы сжались. Я провела ладонью по его щеке, он поцеловал ее. Открыл глаза и тут же прищурил их. Он перехватил мою ладонь и спросил:

— А это что?

Рэн спрашивал про порезы.

— Ничего.

Он снова закрыл глаза. На этот раз придется применять тяжелую артиллерию. Прижалась своими губами к его. Император тут же превратил невинный поцелуй в самый настоящий.

— Сейчас принесут обед. Мы поедем, а потом мыться, — тихо сказал император.

Я согласно кивнула.

Через несколько минут нам принесли покушать. Я с наслаждением ела, какое это счастье получать удовольствие от еды без этой удушающей душу пустоты. Быстро съела свою порцию и посмотрела на Рэна, а он замороженно смотрел на меня, опустила взгляд на его тарелку.

— Рэн, хватит на меня смотреть, ешь давай, — немного смущенно сказала я.

— Но мне хочется смотреть, ты куда аппетитнее любое еды, — низко сказал Рэн и наклонился ко мне.

Я отползла от мужчины.

— А вот и нет, сначала поешь, а потом уже, — я улыбнулась и показала на себя, — десерт.

Рэн прищурил глаза, но все же стал послушно есть, при этом не спуская взгляда с меня. Наконец и его тарелка была пуста.

— Ну и где мой десерт? — протянул он и в один шаг оказался рядом со мной.

Я взвизгнула и понеслась в ванную.

— Твой десерт проходит отчистку, — крикнула я на бегу и рассмеялась. У самой двери в ванную меня подхватили на руки и поцеловали.

— Ну уж нет, можно получить десерт и во время отчистки.

Его глаза блеснули, я задержала дыхание, а потом жадно прилипла к его губам.

Через полчаса мы сидели в обнимку на кресле.

— Рэн, что там на фронте? — тихо спросила я.

Услышала вздох, Тиэрэн поцеловал меня в висок и также тихо произнес.

— Полная бессмыслица, захваченные в плен светлые утверждают, что они начали войну, так как убили их послов. Я опосил всех. Но никто даже не видел этих послов и не знал что они едут. Логично было бы предположить, что тут действует кто-то третий. Но кто? Все мои подданные, клялись мне в верности на крови и даже если бы захотели, не смогли бы изменить. Поэтому я хотел самостоятельно навестить светлых, и разъяснить ситуацию. Война мне не нужна. Сейчас как раз идет передышка.

Из всего этого я вычленила главное.

— Ты что опять уезжаешь? — спросила я помертвевшим голосом.

— Что? Нет! — меня прижали к себе еще крепче. — По крайней мере, один я никуда не поеду.

Не успела я обрадоваться, как он сказал.

— Ты поедешь со мной, маленькая.

— Что?!

Рэн развернул меня лицом к себе и стал целовать щеки, нос, лоб.

— Маленькая, ты не представляешь как мне не хочется тебя брать, это может быть опасно. Но мне нужно быть там, а снова обрекать тебя и себя на такую муку я не намерен.

Я поняла, что это решение далось ему нелегко, поэтому постаралась успокоить своего мужчину.

— Рэн, все хорошо, я все понимаю.

Я обняла любимого за шею и тихо вздохнула. Император зарылся лицом мне в волосы.

Нужно ли говорить, что я совершенно не хотела к Светлым. Нет, даже не так, у меня все внутри переворачивалось, когда я думала об этом. И главная причина я не желала встречать Мелодраму. Хотя, Бог с ним. Я уверена Рэн не позволит ему подойти ко мне ближе, чем положено. Завтра утром мы отправляемся в Аирэнос, но сейчас мы дома. Я внезапно проснулась ночью и больше не смогла уснуть. Повернулась на бок и стала наблюдать за спящим Рэном. Его черты лица сглаживались во сне он был прекрасен, совершенен. За что я получила такое счастье? А скоро мое счастье удвоится... Я положила руку на живот и ощутила вспышку Тьмы. Или даже утроиться... Потому что я уловила слабый отголосок еще одной Тьмы. Вот весело-то будет! Как же я счастлива. И тревожит только одно. Такое ощущение, что мое хрупкий мир, до краев наполненный счастьем, вскоре разлетится на мелкие кусочки. На душе стало не спокойно. Я прижалась к Рэну в поисках успокоения. Он моментально обнял меня, поцеловал в волосы и соннопрошептла:

— Что, маленькая?

— Ничего, уже все хорошо.

Я крепче обняла мужчину и закрыла глаза.

Мы перенеслись в Светлое королевство на рассвете, вместе с нами перенесся эскадрон темных (сто солдат). Встретили нас на территории Великого Белого Двора. Честно скажу, встреча не была особо радужной. Каждый ожидал от противоположной стороны подвоха. Никтоне был ни в чем уверен.

— Приветствую императора и... — Сиринит де Робирот чуть скривился, — императрицу Эситрена.

— Приветствуем королей Аирэноса, — в ответ проговорил Тиэрэн.

— Позвольте показать вам ваши покои, а затем мы обсудим текущее положение дел, — снова Сиринит.

Рэн кивнул. И нас повели во дворец. Не скажу, что я не была поражена. Дворец восхищал изящностью, пышностью. Но наш дворец в Эситрене казался мне краше всего.

Нас отвели к выделенным покоям и оставили одних.

— Рэн, — начала я, как только мы остались одни.

— Что? — мужчина обернулся ко мне и тут же прижал к груди.

— Рэн, почему нам нужно было приехать к ним, почему не они к нам? — заканючила я, уткнувшись в грудь к любимому.

— Так нужно, — ответил Рэн. — Только так я смогу вычислить изменника.

Я вздохнула.

— Рэн, я здесь почти всегда буду одна. Ты же знаешь, как светлые относятся к женщинам. Сиринит вообще был недоволен, что ты взял меня с собой.

— Я знаю, маленькая, — ответил Рэн. — Но так мы хотя бы будем видиться в перерывах между совещаниями и ночью.

Я посмотрела на любимого и поцеловала его. Перспектива провести вдали от него даже час пугала.

— За тобой найдут? — спросила я между поцелуями.

— Да, — ответил император и снова поцеловал.

Я никогда не смогу насытиться моим мужчиной.

"Сижу за решеткой в темнице сырой, вскормленный в неволе орел молодой" — вертелись у меня в голове строки нетленного стихотворения. Нет это ж надо! Рэн умотал на свои совещания, а меня оставил тут под надзором дюжины охранников. Нет, я все понижаю, для меня старается, но блин! Все равно обидно. Ни что эти светлые такие старомодные? Нужно давно было у них тут провести матриархическую революцию провести. Организовать бы сейчас феминистические движения и воевать под лозунгом: "Да эмансипации!". Эх-х-х, мечты-мечты... И Грисика нет, совсем тоска смертная. Что бы поделаться? У-у-у, скукотища... И Тьма уже подвывать начала...

Я бы даже сейчас на какой-нибудь тухлый прием с радостью пошла! Но-о-о... С другой стороны, что может случиться страшного, если я чуть-чуть прогуляюсь в компании всех стражников?! Правильно, ничего.

Ну я и пошла... гулять. А ушла я в общем-то недалеко. Потому что меня умыкнули. Дело было так:

якак и положено, шла в плотном кольце охранников, как вдруг надо мной открывается серый портал. Я, не обделенная быстрой реакцией, тут же сливаюсь с Тьмой и ухожу от этого местаметров эдак на десять и тут меня сзади кто-то хватает, шарахает меня сильным усыпляющим заклинанием, который пробивает всю мою защиту и... дальше что было не знаю. Я вырубилась.

В себя пришла от жуткой боли во всем теле, такое ощущение, что по мне камаз проехал или асфальтоукладчик, не меньше. С трудом открыла один глаз и огляделась. Я находилась в каком-то огромном зале, прикованная к стене. Что ж, весьма ожидаемо... Только я пришла в себя, как Тьма напомнила о себе жуткой ноющей болью. Застонала и ударилась головой об стену. Ну, блин, кто там этот чертов похититель?! Мне тут опять что ли страдать? Попробовала разбить оковы, но не получилось. Почему то я не удивлена.

— Эй! Похититель, отзовись! — крикнула я. — Э-ге-гей!

У-у-у, какие вредные похитители пошли. И Тьма еще эта ноет. Ну что ты ноешь? Тебе одной что ли плохо?!

Тут в дальнем проходе появилось движение и в зал вошел... А-фи-геть. Нет, ни Сиринит, и не Мелодрамма, а сам Алеисандро!

— Эм, Боже, ты что туточки делаешь? — спросила я его удивленно.

— Да вот за тобой наблюдаю, — ответил Бог.

— А-а-а, а зачем?

— А чтобы не сбежала, — получила я невозмутимый ответ.

— А-а-а, ну-ну, — кивнула я и тут же распахнула глаза.

Что?! Так, стоп. Алеисандро вроде за хороших? Или нет? Я прокашлялась.

— Эм, уважаемый Алеисандро, а не соблаговалите ли вы рассказать мне какого хрена тут вобщем-то происходит? — как можно спокойнее спросила я. Мне вредно волноваться.

Мужчина... или не мужчина? пожал плечами и ответил:

— Расскажу. Тут дело вот в чем... Ты же помнишь тут историю, что я тебе говорил? Про то, что этот мир был не реален, а теперь стал настоящим?

Я осторожно кивнула. практика показывала, что всемогущими дяденьками нужно соглашаться, но не переусердствовать.

— Я тебе не соврал. Ты заняла в этом мире место принцессы Белого Двора Аринэлии де Эксклавайтс. А я занял место прародителя.

Шок.

— То есть?

— Я надеюсь ты слышала легенду о двух братьев и их отце?

Кивнула.

— Ну вот я и занял место их отца.

Но разве Алеисандро не бог?

— Но... он же умер! — удивилась я.

— Аринэлия тоже должна была выйти замуж за Трайниэля и у них должно было родиться три очаровательных светлых малыша. А что в результате?

— Что ты хочешь сказать?

— То, что ты изменила историю, вмешавшись в нужный момент...

Ну допустим, это он меня вмешал, но не важно...

— ... и я тоже ее изменил вернувшись в момент смерти Рикардо.

Ага, так походу зовут всемогущего папочку.

— Я забрал жизненные силы у неродившегося ребенка и смог выжить. Правда магии в этом теле почти нет.

Головоломка в голове не складывалась.

— И зачем тогда нужно было становиться этим Рикардом? Стал бы Богом.

Алеисандро-Рикардо рассмеялся.

— Скажем так, эта роль более престижная.

— Но у тебя нет силы!

Я никак не могла въехать в его логику.

— Кто сказал, что нет? — удивился он.

— Ты, только что, — окончательно запуталась я.

— Это не значит, что я не смогу ее получить.

И тут головоломка сложилась. Ужасающая мысль пронзила все мое существо, даже притупив боль, причиняющую Тьмой.

— А зачем я тебе нужна? — слабо спросила я.

Алеисандро закивал.

— Да-да, умная девочка, Тиэрэну повезло, жаль что ненадолго.

Я сглотнула.

— Но Рэн все-равно придет сюда.

Бог улыбнулся.

— Да, и скорее всего приведет с собой светлых в том числе и носителя истинного Света.

— Но если ты заберешь силы у меня, — я сглотнула, — и допустим даже у светлого, как ты справишься с Рэном?

— Легко, ему не выстоять против объединенного Света и Тьмы. А как только он сдастся заберу Тьму и у него, — усмехнулся он. — А сейчас посиди чуть-чуть, Виктория.

Я вздрогнула от своего настоящего имени. Он погладил меня по щеке.

— Я заберу у тебя Тьму и ты будешь свободна.

Я отчаянно давила в себе панику и верила, что Рэн сейчас чудесным образом спасет меня.

— Подожди, ответь на еще несколько моих вопросов, — попросила я.

Алеисандро вздохнул.

— Ну давай.

— Почему ты украл меня только сейчас?

— Я ждал, пока ты забеременеешь. Я и уже пробовал один раз украсть тебя, но мне помешал твой Грис. А потом я решил повернуть одну махинацию. Подчинял темных и устраивал вахканалю на темных границах, а потом то же делал со светлыми. Также я убивал послов, в общем делал все, чтобы началась война.

— Но зачем? — удивилась я.

— Мне нужно было, чтобы на меня напали объединенные Свет и Тьма, как это было несколько тысяч лет назад, — охотно объяснил Бог.

— Но ты же собираешься забрать Тьму у меня. А я то сейчас ни с каким светом не объединена.

Бог улыбнулся.

— Ошибаешься. Аринэлия-то была светлой. Поэтому в тебе и Свет тоже есть, просто его подавила Тьма. Ты вполне подходишь, чтобы на треть заполнить мой магический вакуум.

— Ты сумасшедший, — констатировала я факт.

— Да, может быть, но я считаю, что все великие люди немного сумасшедшие, — пожал он плечами. — Все, а теперь сиди спокойно.

Я в отчаянной попытке попыталась призвать магию, Тьму, что угодно. Но Тьма лишь скреблась внутри, а магии я не чувствовала совсем.

— Ты уж меня, конечно, прости. Но мне придется тебя вырубить, — он ласково улыбнулся.

Тут здание начало трястись. Что это?!

— О, спасатели пришли раньше, чем я думал.

Сердце тут же наполнила надежда.

— Тогда, дорогуша, процесс отдачи Тьмы пройдет для тебя болезненно, — вздохнул Боги и положил руку на против моего сердца.

Сразу же стало невыносимо больно, мне будто отрывали руку или ногу или все сразу. Я выгнулась в агонии боли из меня стала уходить что-то важное, нужное, мое. Я закричала, по щекам покатились слезы. Как же больно! Будто все внутри горит! Тут все прекратилось. Я почувствовала себя слабой и беззащитной. Тело охватила невероятная слабость. Сидеть удавалось с трудом. кое-как подняла голову и отетила, что Алеисандро наоборот цветет и пахнет. У-у-у, гори в аду сволочь! Я бы это сказала в слух, да сил совсем не было.

Я закрыла глаза. Да, моя смерть уже близко. Всем известно, что в магии заключается наша сущность, наша жизнь, а ее из меня вырвали. Мне осталось максимум неделю. Жаль только мои малыши умрут вместе со мной. Снова раздался невероятный грохот пол затрясся. Приоткрыла один глаз и увидела, что теперь зал наполнен как минимум парой десятков светлых и темных. Во главе мой Рэн. Грозный и ужасный. Любимый. Сил не было даже волноваться за него, накатила апатия и я сквозь полузакрытые глаза смотрела, как "наши" нападают на Бога, а он с легкостью отражает их удары. Тут что-то происходит и Алеисандро исчезает из моего вида, чтобы через секунду появиться снова. Только теперь от него веяло еще большей силой.

"Он забрал Свет у короля Аирэноса" — констатировал мозг.

Я согласилась с ним. Сердце сжалось. Надо же. Я все же могу волноваться. По щеке покатилась слеза, я собрала все силы и подняла голову. Тут же встретилась взглядом с

Рэном. Он секунду смотрел на меня, а потом взревел, как раненое животное и... темнота.

Я чувствовала поцелуи на лице, руках, голове и тихий шепот:

— Ри...

Я чувствовала, как меня крепко обнимают, как нежные руки гладят меня и слышала полный боли голос:

— Очнись, Ри.

Потом приказ:

— Очнись сейчас же!

И снова полное муки:

— Не оставляй меня.

Я все слышала и чувствовала, но не могла понять, что происходит. Я не помню, кто я, что я, что случилось. Почему мне невероятно трудно открыть глаза, почему все тело будто налито свинцом. А потом я вспомнила. Все вспомнила. Изахотелось кричать, потому что я немогу умереть, не дав жизнь моим малышам, не могу, не прожив долгую и счастливую жизнь с Рэном. Ведь это не правильно! Так не должно быть! У меня должен быть хэппи-энд! И радуется только одно, если Рэн сейчас со мной, значит он победил Бога, значит этот подонок не получил, чего хотел.

— Ри, — снова услышала я.

Мне хотелось сказать: "Успокойся, мой хороший! Я с тобой. Я никуда от тебя не уйду. Я не брошу тебя!". Я почувствовала, как по моей щеке скатилась слеза.

— Не плачь, родная, — услышала я и почувствовала, как меня обнимают и целуют. — Не бойся, маленькая, я что-нибудь придумаю. Я не потеряю тебя!

Я верю Рэн. Верю, но нет сил... Нет сил открыть глаза, нет сил быть в сознании, поэтому я уплываю в блаженную темноту. Снова вынурнуть заставляет посторонний голос:

— Ее уже не спасти, Ваше Величество. То что не забрал Бог, вытянули дети.

— Дети? — хрипло переспросил Рэн.

От его голоса у меня все оборвалось. Полностью, абсолютно сломленный.

— Да, вы не знали?

Потом снова темнота и фраза:

— Мы можем продлить ее жизнь максимум на месяц, если удалим их из ее тела.

Поняла, что они говорят о моих малышах. Нет! Не позволю!

— Что скажите, Ваше Величество?

— Нет, — выдохнула из последних сил я. — Рэн, нет.

— Маленькая, ты умираешь, вдруг тогда ты сможешь выжить, — прошептал у самого уха муж.

Я не позволю убивать моих детей! Нет! Вдруг я и без этого выживу, тогда не прощу ни себе, ни ему, что мы убили их.

— Нет, — снова я, — пожалуйста.

— Ваше Величество?

Услышала тяжелый вздох. Затем почувствовала ласковое прикосновение к виску и поцелуй.

— Нет, — резко ответил он, а затем:

— Вон.

Снова нежный поцелуй:

— Что же ты делаешь, маленькая?

Меня крепче обняли.

— Я не смогу без тебя.

— Я... не... уйду... — выговорила я с трудом.

Затем, сделав невероятное усилие, открыла глаза и увидела над собой осунувшееся лицо Рэна. Превозмогая ужасающую слабость, подняла руку и коснулась его щеки.

— Не... уйду... родной.

Но глаза закрывались, а рука стала безвольно опадать. Рэн поймал ее и снова прижал к щеке.

— Ри, нет!

Голова Рэна прижалась к моей. А потом сдавленное.

— Я люблю тебя, Ри.

— Я... тоже... — из последних сил выдохнула я.

А потом на меня стало накатывать безразличие. Все вокруг начало становиться неважным, впереди было что-то к чему мне нужно было идти.

— Ри-и-и... — услышала я почти животный рев.

Лихорадочные объятия, похожие на тиски и... все...

Уже мертвое тело, которое держал на руках император стало меняться. Цвет волос каждую секунду становился все светлее, лицу возвращалась детская округлость, исчезали подкожные мускулы. В одну минуту из женственного, развитого оно стало девичьим. Все в жизни возвращается на круги своя. Тело Аринэлии приняло прежнюю форму, до того, как в него вселилась Виктория.

Император, с закрытыми глазами из которых текли редкие слезы, не отпуская тело, качался назад-вперед, как маятник.

— Ри... — шептал он.

Тьма в нем выла, бесилась и требовала выхода. Тиэрэн Велецкий открыл глаза и посмотрел на тело, которое держал в руках. Его лицо исказила мука. Он понял, что Ринэлин окончательно ушла.

— Ри! — взревел он и, отбросив это чужое тело, пошатываясь встал. — Ри! Я разнесу этот мир до основания, если ты не вернешься!

Секунда и от мебели в комнате остается только пыль.

— Слышите, — тихо и твердо произнес он, обращаясь к богам, — я разнесу этот мир, а потом стану разрушать остальные!

Убитый горем мужчина, уничтожилеще несколько комнат, а потмом, стержень, поддерживающий его все это время, как будто сломался. Тиэрэн опустился на пол и только его губы шептали:

— Ри...

Он поднял глаза в которых Тьма смешивалась с безумием.

— Ри! Если ты не вернешься, я уничтожу твой гребаный мир! — а потом, взмолился. — Вернись...

И если бы кто-то сейчас в эту минуту видел его, он был бы поражен до глубины души, потому что нет ничего страшнее, чем видеть, как гордый и властный мужчина, умоляет о чем-то, как в его безумных словах угрозы смешиваются с мольбами. Когда он не знает, что

делать, когда понимает, что бессилён, но не может смириться.

— Ри... — шептал он. — Ри...

Мне было легко и хорошо. Я парила где-то, внутри и вне меня было лишь спокойствие и темнота. Впечатляющее сочетание. Я летала, пока не увидела свет впереди и пошла к нему. При приближении оказалось, что это не просто свет, а цветущий сад, который лучился добротой, любовью, заботой. Где-то я уже чувствовала себя так, в чьих-то руках... Но воспоминание или ощущение ушло из головы быстрее, чем я могла осознать его. Мои прозрачные ноги ступил на землю тут же меня окружил поистинне райский запах. Сладкий и свежий одновременно, это и запах гардении и морского бриза, что-то божественное. Я огляделась и была поражена сочностью тонов и красок. Невероятная красота! Тут я увидела двух малышей, они бежали ко мне и кричали "мама". Разве у меня есть дети? Рука неосознанно потянулась к животу. Дети... Дети... Дети... Малыши приближались. Мальчик и девочка лет трех, невероятное похожее: смуглые, с черными волосами и почти черными глазами, так напоминают кого-то...

— Мама! — снова услышала я радостный крик и тут же меня обнимают детские ручки. Меня захлестывает нежность и любовь, я опускаюсь на колени и обнимаю деток.

— Вы мои хорошие!

Мои хорошие... Мои хорошие... Мой хороший... Какое-то воспоминание пыталось пробиться ко мне, но что-то будто не давало ему это сделать.

— Мама, пойдем! Там дядя он ждет тебя!

Я посмотрела на мальчика и улыбнулась. Он так похож на... Кого? Я взяла детей за руки и позволила им вести меня. Вскоре я действительно увидела "дядю". На плетеном кресле-качалке сидел старец с длинной белой бородой и белых одеждах. Он поднял на меня глаза и улыбнулся:

— Ну здравствуй, Виктория.

И я вспомнила, все вспомнила. Тут же комок встал в горле и я прохрипела:

— Значит, я умерла.

— И да, и нет, — был мне ответ.

Я была не в том состоянии, чтобы вникать в высокий философский смысл странных фраз дебильных старцев.

— Кто вы? — немного истерично воскликнула я.

— Мама не волнуйся, — дернула меня за руку малышка.

— Нет, нет, конечно, мама не волнуется, — прошептала я ласково, а потом снова обратилась к старику, — Что происходит?!

— Садись, — он кивнул на траву, я села и усадила на колени детей. прикосновение к ним не давало мне сорваться.

— Ты умерла в том мире, Виктория.

Я так и знала.

— Но в том, что так получилось есть моя вина, — он склонил голову, как бы признавая ошибку.

— Что это значит?!

— Понимаешь, я можно сказать босс всех Богов, и я должен был следить за всеми своими подчиненными, но упустил из внимания Алеисандро, он всегда был слишком самонадеянным и постоянно вынашивал какие-то глупые планы, я должен был уделить ему

пристальное внимание, но не сделал этого и вот результат.

Я прищурилась.

— Так-то оно, конечно, так, но к чему вы клоните?

— Я могу снова вернуть тебя в тот мир, — произнес босс после долгой и мучительной паузы.

— Снова в тело Аринэлии?

— Нет, ее тело мертво, но даже если бы это было возможно, оно уже сожжено.

Я вздрогнула.

— И что же тогда?

— Я перенесу тебя в тот мир в твоём теле.

— А дети?

Я лихорадочно прижала уснувших малышей к груди.

— Я думаю, что смогу вернуть и детей, это не сложно.

Слишком все идеально, я подозрительно посмотрела на Бога.

— И все бы хорошо, но в чем подвох?

— С чего ты решила, что он есть? — "удивился" он.

— Скажем так, я села на свои розовые очки в восемнадцать лет и больше их не надевала.

Бог покачал головой.

— Земляне перестали верить в чудеса, стали слишком расчетливы и приземленны.

Я усмехнулась.

— Ну давайте, переубедите меня и скажите, что вами сейчас движет совесть и вселюбовь, а не холодной и четкий расчет.

Бог рассмеялся.

— Ладно, ты угадала. Дело не только в этом. Скажем так, лучше предотвратить угрозу, если ты в состоянии это сделать, чем потом бороться с уже существующей.

— Что это значит?

— Потом поймешь, — усмехнулся босс. — А сейчас, тебе пора.

— Подождите, а Тьма? — окончательно обнаглела я.

В том, что ты являешься частью плана, а не объектом помилования есть свои плюсы. Босс Богов задумался, а потом будто сам себе произнес задумчиво:

— Да, наверное это необходимо.

И уже громко мне:

— Будет у тебя и твоя Тьма.

Замечательно.

— Приготовься.

Я поцеловала в лобик детей, все-таки я теперь смогу их увидеть только через несколько месяцев, и закрыла глаза. Тут меня подхватило, что мягкое и приятное, а потом боль. Невероятная боль: в голове, в ногах, в груди, в руках, в животе. Болело все, что можно и темнота... Что-то часто я стала падать в темноту, мелькнула у меня последняя мысль.

Через помутненное сознание до слуха доносился звон посуды (?), шаги, и бормотания. Я попробовала приоткрыть глаз, но голову прострелила ужасная боль. Невольно застонала. Тут на меня катали воспоминания и я издала еще один стон, потому что мне нужно срочно бежать к Рэну, а я не могу. Дети! Вспоминила я, и через боль положила руку на живот. И офигела. Он был большими круглым, хотя я помню очень хорошо, что у меня был едва виднеющийся маленький животик.

— Не двигайся, горюшко ты мое, — услышала я старческое бормотание. — Что за молодежь пошла? На вот выпей.

Мою голову приподняли и уперлив губы какую-то чашку. Приоткрыла в рот и в меня тут же влили какой-то отвар с довольно приятным вкусом. Тут же слабость стала отступать, и состояние в целом стало намного лучше. Открыла глаз и увидела склонившуюся надо мной милостивую старушку.

— Здравствуйте, — выпалила я.

Старшука закатила глаз и поковыляла куда-то. Я огляделась, мы находились... в землянке? Стены и потолок были обвешаны ткнями, но сквозь них проглядывала земля... Почему мы под землей?!

— Эм, простите, как к вам можно обращаться?

— Откель такая вежливая? — усмехнулась старушка, что-то мешая в кастрюльке. — Миарива я.

А потом старушенция пробурчала себе под нос:

— Все они такие... вежливые больно, правильные, а детятей в подоле приносят.

— Неправда, — возмутилась я. — У меня муж есть!

— Да? — старуха оглянулась на меня. — Эх ты, горемычная, значит убили мужа твоего, да? Одна осталась чай поди?

— Да почему убили? — непоняла я.

— А как иначе? Тебя я на поверхности нашла, одна ты лежала, да слезы по щекам текли аки ручей. Чай поди горем-то всю память отшибло. Муж жив был бы, не лежала уж чай одно-то. Сейчас все друг за друга держаться, выживают как могут. Своих-то сейчас не бросают, а ты еще и тяжелая оказалась.

Я ничего не понимала.

— У вас тут что апокалипсис был?

— Уж не знаю, слово больно мудреное ты сказала.

— А что случилось тогда?!

— Так, император наш, как жена у него умерла сума сошел, Тьму свою поганую выпустил, весь мир разрушил. Мы уж наружу-то и не выходм теперь, рыщет она там и всех убивает.

Мне поплохело.

— Как "с ума сошел"? — слабо прошептала я и почувствовала, как сознание снова начало уплывать. Да старушка не дала мне в обморок упасть, по щекам отхлестала.

— Не преживай, молодка, выживем, и ребеночка твоего подымим, — успокаивала она меня.

Так вот, что имел ввиду этот Босс Богов. Если Рэна не остановить, он так вск

вселенную уничтожит!

— На-ка вот, поешь, а то совсем исхуда. Звать-то тебя как?

— Виктория, — прохрипела я омертвевшими губами.

— И имя благородное, — снова буркнула под нос себе старушка.

— Миарива, — позвала я ее. — А скажите сколько я у вас тут нахожусь?

Спросила и с ужасом стала ждать ответа.

— Чай поди завтра будет четыре месяца.

Я схватилась за голову. Ужас! И тут я почувствовала толчок в животе. Посреди всего этого хаоса, такое чудо. Посмотрела на животик, улыбнулась, погладила. Мои маленькие, знают, как успокоить мамочку.

— Миарива, мне нужна одежда.

— Это зачем? — насторожилась она.

— Я наверх пойду.

— Ой, сдурела девка, себя не жалко дитятю пожалей! Зачем невинную душу губить! — запричитила она.

Я жестом остановила ее восклицания.

— Миарива, я жена императора, и я могу его остановить.

— А-а-а, совсем мозги горем отшибло, — снова закудаhtала бабуся.

Мне это уже порядком надоело.

— А ну хватит! — рявкнула я. — Быстро подай мне одежду!

Старушка сразу кинулась исполнять приказание, видимо служила раньше прислугой где-то и реагировала на тон. Стало немного совестно, но это для ее же блага. Не всю оставшуюся жизнь же в землянках сидеть. Миарива подала мне свободное платье. Я поблагодарила и надела его.

— Чай неужель правда? — спросила она меня робко.

— Правда, — отрезала я.

И вот я готова к выходу в мир. Осталось дело за малым. Почувствовать свою Тьму, потому что без нее мне делаться наверху нечего. Я снова села на кровать и сосредоточилась. Вот ощутила две вспышки Тьмы в животе, так хорошо, поднимаемся выше. Ощутила маленькую, зажатую, забитую Тьму.

"Тише, маленькая, чего ты спряталась?" — стала я ее успокаивать.

Оказываетея, светлые приготовили специальный отвар, защищающий от истиной Тьмы, и добрая старушка поила им и меня. Я вдохнула, правду говорят: "Благими намерениями вымощена дорога в ад". И как мне теперь?! И тут я внезапно вспомнила про Грисика. Если Тьма гуляет по всему миру, то для него это настоящий пир, ведь Тьма ему совершенно не страшна и он скорее всего накопил в себе достаточно энергии. Значит, я смогу от него подпитать свою Тьму. Как хорошо, что я настроила между нами связь перед отъездом к светлым. И сейчас я могу его переместить к себе. Сосредоточилась, закрыла глаза и нащупала толстую нить между мной и Грисом. Хорошо, что привязка на душу, а не на тело. Напряглась и дернула за нее. Через несколько секунд в комнате появился Грис.

— Мамочки, Боги пресветлые! — заверещала старушка и поспешила спрятаться.

А Грис несколько секунд дезориентировано оглядывался, а потом уставился на меня и замер. Какое-то время он просто прибывал в шоке.

— Грисик, это же я, — прошептала, не сдерживая слезы.

И, наконец, малыш кинулся ко мне и обнял. Я заплакала и стала галдить мелкого по

спине.

— Все хорошо. Я теперь здесь.

И тут получила подзатыльник.

— За что?

Грис отстранился и показал мне "За то, что умерла". Мы еще несколько минут обменивались нежностями, а затем я серьезно сказала:

— Грис, мне нужна твоя помощь.

Грис с интересом посмотрел на меня.

— Подкорми меня энергией.

Грисик кивнул и протянув руку, коснулся моей груди. Тут же меня стали накрывать волны энергии, а Тьма стала расти, расправляться, пока, наконец, окончательно не вступила в свои права.

— Ну, пойдём спасать Рэна, — сказала я.

Грис кивнул и взял меня за руку. Как же приятно ощущать Тьму, все ее могущество, ее единение с тобой — это божественные ощущения.

Я выпустила ее и слившись с ней, понеслась вверх.

Картина, представшая моим глазам, просто убила. Я даже не знаю, как это описать. Все вокруг выжжено, черная земля, сожженная трава. От домов остались лишь руины. В какую сторону идти, я не представляю. И тут Тьма завывала. Как невовремя она вспомнила, что она уже очень далеко от Тьмы Рэна. Я стала задыхаться. Невероятно больно. Ладно, сделаем по-другому. Выгнулась, раскинула руки. Давай, моя хорошшая. Тьма вырвалась из меня на мгновение, взлетела вверх, взорвалась, а затем маленькие частички вернулись в меня.

А я, прерывисто дыша, и поглаживая животик, чтобы успокоиться, с нетерпением ждала отклика, и он пришел буквально через минут. На меня несся целый смертоносный вихрь. Всепоглащающий, ужасающий, смертельно опасный. Но не для меня.

Я выставила вперед руку и ласково позвала:

— Ну иди ко мне.

Вихрь приблизился и я без раздумий шагнула в него. Почувствовала, будто вернулась домой, туда где меня любят и ждут. Мир закрутился, и я оказалась стоящей в руинах нашего замка. Мое внимание сразу же привлекла сгробленная фигура в самом центре развалин. По щекам потекли слезы. Сердце сжалось. Не помню как я оказалась рядом с ним.

— Рэн, — позвала я дрожащим голосом.

Он поднял на меня остекленевшие глаза.

— Ри? Это снова ты? — спросил он надломленным голосом.

Он думает, что видит галлюцинации.

— Ты сегодня другая, — благоговейно сказал он. — Такая правильная. Наверное, так выглядела ты настоящая.

Его взгляд опустился на мой живот.

— Наши дети были бы такими же сейчас, — сколько муки было в этом замечании.

Я с ужасом смотрела на него. Любимый, что я с тобой сделала?!

— Рэн, — заплакала я и упала на колени перед ним.

Обхватила ладони его лицо.

— Рэн, это я. Яне галлюцинация! Посмотри на меня!

Он закрыл глаза.

— Я вижу тебя, Ри. Ты со мной каждую секунду.

Мне хотелось завывать. Тут его Тьма, кружившая все это время поблизости, впиталась в его тело. Ага, значит, она все же возвращается к нему, чтобы он не умер — инстинкт самосохранения. Как же мне заставить тебя прийти в себя, любимый? И тут мои пальцы, обхватывающие его лица, были сжаты другими, такими родными, такими знакомыми... Я с надеждой подняла глаза и встретила с наполненным Тьмой глазами Рэна.

— Рэн... — прошептала я.

Он дрожащей рукой коснулся моей щеки, затем провел пальцем по губам, сжал зубы, зажмурил глаз.

— Рэн, — позвала я чуть громче.

— Ри... — выдавил муж, а затем крепко обнял меня и уткнулся мне в волосы.

Я как могла крепко прижала его к себе и гладила по волосам и шептала что-то типа "Я жива, родной мой". Он гладил меня по спине, вдыхал запах волос. Не заню через какое время он приподнял мою голову и впился в губы клеймящим поцелуем. Я также страстно ответила ему.

— Я люблю тебя, — прошептал он, уткнувшись лбом в мой лоб.

— И я тебя.

Мы просидели обнявшись, кажется, целые сутки, не шевелясь, не разговаривая, просто наслаждаясь близостью друг друга. А потом я снова почувствовала, как толкаются малыши. Молча, я взяла руку Рида и положила ее себе на живот и стала внимательно наблюдать за его реакцией. Он выглядел потрясенным, его лицо охватило благоговение. Я счастливо улыбнулась и прижалась лицом к его плечу. Так мы просидели еще немного, а потом Рэн встал со мной на руках, вышел из развалин и поставил меня на землю. Что происходит? А мой муж выставил вперед руки и... из них потекла серебристая энергия. Что?! Она растекалась кругами повсюду, и где она касалась земли, там тут же все возрождалось: за секунду выростала зеленая трава, высокие деревья, возвращались в первоначальное состояние здания. Я не могла отвести глаз от этого чуда, а это действительно было им. Наконец, Рэн опустил руки и, шатаясь, повернулся ко мне.

— Я тут немного разрушил все, — сказал он с улыбкой, притаившейся в уголках губ.

— Я видела, — кивнула я и пошла к нему.

— Да, но я все вост... — он, не договорив, упал.

— Рэн! — вскрикнула я, сердце пропустило удар, проверила пульс. Фух. Он просто выдохся. Ему нужен отдых. Я улыбнулась и стала гладить его лицо, восхищаясь каждой черточкой. Любимый. Но усталость была и у меня, поэтому я легла рядом с ним, положив голову ему на грудь и уснула.

Проснулась от какого-то шума. Непонимающе подняла голову. Целая толпа людей кричала вдалеке. Нахмурилась. Села. Посмотрела на Рэна. Все еще спит. Улыбнулась, а затем поднялась и пошла на шум. Чем ближе подходила, тем отчетливее я слышала одно слово, которое кричала толпа: "Убьем!". Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять про кого они говорят.

Тьма внутри зашипела. Я согласна с тобой, моя хорошая. Фиг им! А не убьем. Я даже не воспринимала их, как серьезную угрозу.

— А ну стоять! — заорала я, и что удивительно толпа действительно замерла.

Какой-то мужик, шедший в первом ряду, крикнул:

— Кто ты?

— Я ваша императрица! — пафосно заявила я. — И кого вы там с-с-собралис-с-сь убивать?

Тьма все-таки показала мое истинное лицо. Толпа замолкла. Так-то! Бойтесь меня, если осмелетесь. Только чего это они мне за спину смотрят?! Обернулась. За моей спиной стоял Рэн и улыбаясь смотрел на меня, затем он встал рядом и прошептал:

— Маленькая, мне безумно нравится, что ты меня защищаешь, но позволь мне разобраться.

Я улыбнулась и кивнула.

А Рэн снова выставил вперед руки и снова из них полилась энергия. Люди закричали и стали убегать, но не успели. Энергия подхватила их и понесла кого куда. Рэн опустил руки.

— Рэ-э-н?

— Что? — он посомтрел на меня и, обняв за плечи, пригнул к себе и поцеловал в макушку.

— А это вот сейчас что-то было? — подозрительно спросила я.

— Массовое стирание памяти и возвращение каждого на свое место.

— Ага, — только и смогла сказать я, офигевая от его силы. — Рэн?

— Да, маленькая?

— А ты получается забрал всю энергию, что была у Алеисандро и стал самым могущественным в этом мире?

— Да, — подтвердил он.

— А светлый?

— А нет больше светлого, но есть я.

Понятно. Я обняла Рэна и вздохнула.

— Я люблю тебя, — прошептала и в ответ получила умопомрочительный поцелуй, который говорит намного больше слов.

— Мама, мама, ну мама, — кричали мне прямо в ухо, при этом тормоша за плечи.

— Папа, па-а-апа! — слышалось с другой стороны.

Надо дать Рэну поспать, он вчера очень устал, поэтому я кое-как открываю глаза и смотрю на этих маленьких чудовищ, которые у нас с Рэном получились. Хватаю их за руки и перемещаюсь в детскую.

— Итак? — строго спросила я, глядя на две уменьшенные копии мужа, правда одну женскую, а другую мужскую.

— Миарэн, почему ты приставала к папе, ты же знаешь папа вчера устал, и папу будить нельзя!

— Ну, мама! — возмущалась четырехлетняя малышка. — Тимиар говорит, что Грис его! А он не его, он мой!

— Не правда! — возмутился в ответ сын.

Краем глаза заметила Грисика, совершающего тактическое отступление с опасной территории. Я вздохнула, присела и обняла этих маленьких непосед.

— Сколько раз вам объяснять, мои хорошие? — я поцеловала каждого в лобик. — Грисик — не вещь, а живое существо, более того, друг семьи, поэтому он не принадлежит никому.

Дети надулись.

— Давайте мы с папой подарим вам на День Рождение по крилату?

Крилат — существо наподобие собаки, как раз то, что нужно для этих очаровашек с манией заботиться обо всем, что движется.

— Да! — радостно воскликнули дети.

Я улыбнулась.

— Ну вот и славно, а теперь идите проведайте-ка деду Гордора, а маме нужно привести себя в порядок.

Да, за четыре года, мне удалось доказать Рэну, что люблю, обожаю и боготворю я только его, а Гордор очень хороший друг, который иногда даже может быть полезен, как сейчас например. Малыши убежали, а я зевнула и потянулась. Рэн хоть вчера и устал, однако про супружеский долг не забыл, поэтому я совершенно не выспалась.

— Мне кажется, кто-то подозрительно быстро ретировался с супружеского ложа... — прошептал мне муж в шею, а его руки при этом захватывали в плен мою талию.

А кто-то без меня не может спать. Этот факт невероятно радует и печалит одновременно.

— Рэ-эн, — улыбнулась я и, повернувшись в кольцо его рук, поцеловала мужа.

— У меня есть подозрение, — доверительно прошептала я любимому, — что того, кто быстро ретировался с супружеского ложа, также быстро вернут обратно.

— Вполне обоснованное подозрение, — усмехнулся муж и снова поцеловал меня.

А я решила поиграть, и вывернувшись из его рук, стала отступать, глядя ему в глаза.

— Я за свободное передвижение в свободной стране, — усмехнулась я и закусила губу.

Глаза Рэна почернели. Мне безумно нравилось, как он на меня реагирует, любимый сделал скользкий шаг в мою сторону и тут...

— Папа! — слышим мы восторженный вопль детей и на него налетают двойняшки.

Я рассмеялась. А вот и наша парочка "Обломайс". Муж подхватил детей на руки и поцеловав каждого в щеку спросил:

— И где вы были?

— Нигде, — дуэтом воскликнули они.

А я заметила, что их мордашки перепачканы в креме.

— Опять на кухне тортики воровали? — усмехнулась я и подошла к моим самым родным и любимым.

Рэн улыбнулся, дети завозились у него на руках. Как бы они не обожали папочку, они не могли усидеть на месте больше двух минут. Рэн спустил их на пол и посмотрел, как они шушукаясь между собой убегают на поиски новых приключений в этом неизведанном для них мире. Затем муж перевел взгляд на меня.

— Спасибо, — вдруг прошептал он.

— За что? — спросила я улыбкой, закидывая руки ему на шею.

— За тебя, за детей, за нас, — он прижался своим лбом к моему.

— Пожалуйста, обращайся, — прошептала я и поцеловала его.

Какая странная штука судьба. Потери несут нам что-то новое, а огорчение вслед за собой ведет счастье и радость. Если бы не Алеисандро, мы с Рэном никогда бы не встретились, но если бы не он, нам не пришлось столько страдать. И как хорошо, что все это теперь в прошлом. А впереди нас ждет будущее, которое принесет нам много счастливых моментов и много огорчений, но это не важно, главное, что мы будем вместе. Всегда. Что бы не случилось. И знаете что, дам-ка я вам совет на будущее: "Будте осторожны! Мысли материальны!".

Больше книг на сайте - Knigolub.net